

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Э.Б. ЯКОВЛЕВА

ФЕНОМЕН РЕЧЕВЫХ ХЕЗИТАЦИЙ

МОНОГРАФИЯ

**МОСКВА
2021**

ББК 81.1
УДК 81-25
Я 47

Рецензенты:

Поликарпов А.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова»; *Скворцов Л.В.*, доктор философских наук, руководитель центра гуманитарных научно-информационных исследований ФГБун ИНИОН РАН

Утверждено для опубликования решением Ученого совета ИНИОН РАН

Яковлева, Э.Б.

Я 47 Феномен речевых хезитаций : монография / Э.Б. Яковлева. – М. : ИНИОН РАН, Центр гуманитарных научно-информационных исследований, 2021. – 215 с.

ISBN 978-5-248-00980-0

Исследование посвящено сложному семиотическому образованию – устному спонтанному дискурсу и его наиболее яркой форме, строящейся по модели синергизма, диалогу. Анализируются феномен хезитаций (речевых колебаний, пауз обдумывания) и их функции на материале немецкой спонтанной речи. Рассматривается специфика хезитационной сегментации речевого потока и значимость хезитаций для кодирования и декодирования речи.

Для исследователей в области фундаментального и прикладного речеведения, психолингвистики, генеративной и перцептивной лингвистики.

Yakovleva E.B. The phenomenon of speech hesitation : Monograph / E.B. Yakovleva. – M. : INION RAS, Centre for humanitarian scientific and information research, 2021. – 215 p.

The research is devoted to complex semiotic education, oral spontaneous discourse and its most vivid form – dialogue that is based on the model of synergy. The research focuses on the phenomenon of hesitations (that is, speech fluctuations, pauses of thinking) and their functions and is based on the material of the German spontaneous speech. The specificity of hesitation segmentation of the speech stream and the significance of hesitations for speech encoding and decoding are considered.

For researchers in the field of fundamental and applied speech science, psycholinguistics, generative and perceptual linguistics.

ББК 81.1
УДК 81-25

ISBN 978-5-248-00980-0

© ФГБун «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2021

Оглавление

Предисловие	5
Введение.....	6
Глава 1. СПОНТАННАЯ РЕЧЬ. СИНЕРГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СПОНТАННОЙ РЕЧИ	12
1.1. Понятие спонтанности.....	12
1.2. Жанры спонтанной речи, ее синергические формы.....	17
1.2.1. Спонтанный диалогический дискурс как основная синергическая форма устно-речевого общения	22
<i>Выводы</i>	28
Глава 2. СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕМЕЦКОЙ СПОНТАННОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ.....	30
2.1. О выборе синтаксической единицы анализа спонтанного диалогического дискурса	30
2.2. Синтаксические средства реализации основных характеристик немецкой спонтанной диалогической речи	39
2.2.1. Синтаксические средства реализации непринужденности и эмоциональности.....	40
2.2.1.1. <i>Реализация двусоставной формы в реагирующей реплике</i>	41
2.2.1.2. <i>Инверсированный порядок слов и присоединительная связь</i>	42
2.2.1.3. <i>Виды прерываний высказывания</i>	47
2.2.1.4. <i>Фразеологизированные конструкции и элементы несвязной речи</i>	49
2.2.1.5. <i>Явления субституции</i>	51
2.2.2. Синтаксические средства реализации диалогической компрессии	52
2.2.2.1. <i>Средства узуальной речевой экономии</i>	52

2.2.2.2. Средства окказиональной и индивидуальной речевой экономии	57
2.2.3. Синтаксические средства реализации пространности	58
2.2.3.1. Средства языковой избыточности	58
Выводы	63
Глава 3. ФЕНОМЕН ХЕЗИТАЦИЙ. ОСОБЕННОСТИ СЕГМЕНТАЦИИ СПОНТАННОЙ РЕЧИ	65
3.1. Экстралингвистическая обусловленность хезитационных явлений в спонтанной диалогической речи	65
3.2. Хезитации как специфическое средство сегментации спонтанной речи	77
3.2.1. О способах выделения единицы вербального планирования	77
3.3. Классификация хезитационных явлений.....	84
3.3.1. Формальный подход.....	84
3.3.2. Формально-функциональный подход.....	89
Выводы	122
Глава 4. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ХЕЗИТАЦИЙ.....	124
4.1. Организация и процедура экспериментального исследования	124
4.1.1. Предварительные замечания	124
4.1.2. Методика проведения аудитивного анализа	126
4.1.3. Методика проведения синтаксического анализа	127
4.1.4. Методика проведения дистрибутивного анализа	129
4.1.5. Методика проведения акустического анализа	131
4.2. Результаты дистрибутивного анализа	136
4.3. Результаты акустического анализа	145
Выводы	154
Заключение	160
Литература	167
ПРИЛОЖЕНИЕ	191

*Светлой памяти
моей бесконечно любимой мамы –
Эрны Васильевны Яковлевой посвящается.
Ее образ для меня вечно свят*

Предисловие

Что мы знаем о хезитациях? Профессионалы-лингвисты, психолингвисты – лишь малую толику в силу пока небольшого исследовательского «охвата» данного феномена, наивные носители языка – ничего. К сожалению, очень часто по характеру их проявления и количеству судят об общей речевой культуре говорящего. Некоторые лингвопуристы призывают даже избавляться от хезитаций, поскольку они нарушают благозвучие речи.

Происходит это в силу недопонимания психологических механизмов спонтанного речепорождения. Хезитации – естественный феномен живой устной речи, обусловленный ментальными процессами. Избавляться от них так же нелепо, как и избавляться от способности мыслить.

Предлагаемая вниманию читателя монография является результатом нашего многолетнего изучения данного речевого феномена, обобщения своего опыта, наблюдений других исследователей и описания в рамках формально-функционального подхода. Мы попытались осветить феномен хезитации, слушая, наблюдая и фиксируя характерные особенности речевого континуума носителей немецкого языка в повседневном общении.

В книге сделана попытка подняться над пока еще интуитивными представлениями о процессах хезитирования и наметить хотя бы в первом приближении некоторые теоретические и экспериментальные направления для дальнейших исследовательских разработок. Все до сих пор предпринятые попытки исследования явлений хезитации носят пионерский зондирующий характер. До окончательного выяснения сути данного явления еще далеко.

Поставленные в книге вопросы интересны как специалистам, для которых речь – постоянный источник научного вдохновения и поле широкой профессиональной деятельности, так и другим читателям, интересующимся живыми процессами, происходящими в речи.

Мы выражаем благодарность информантам за участие в экспериментальном исследовании.

Введение

*Мы многому верим без доказательств,
и это естественно, но сомневаемся во многом,
что доказано, и это тоже естественно.*

Л. де Вовенарг

В свете современных антропоориентированных исследований интерес лингвистов все больше переориентируется со стилизованной речи художественных произведений на естественное живое общение. В настоящее время в отечественной и зарубежной лингвистике в центре внимания находится устная спонтанная речь носителей языка и ее наиболее яркие формы, строящиеся по модели синергизма (гр. *synergeia* – сотрудничество) – диалог и полилог.

Спонтанную диалогическую и полилогическую речевую деятельность можно понимать как разновидность неподготовленной устной речи, которая отличается высоким уровнем идиоматичности, семантическим синкретизмом, синтаксической эллиптичностью, предикативностью, широким использованием готовых клишированных речевых форм в системе специфических моделей интегрирования и просодического оформления смысловых единиц в единое речевое целое. Спонтанность в названных видах речи проявляется в виде экспромтности, определяющей непредсказуемость хода коммуникации. В речеповеденческом аспекте эта характеристика речи проявляется как импульсивность речевого поведения коммуникантов и вызвана необходимостью реагирования на речевые стимулы партнера и ситуативные сигналы [Яковлева, 2005, 2014].

Исследование речевого поведения как коммуникативного взаимодействия и возможность трактования спонтанного дискурса как сложного коммуникативного семиотического образования, включающего языковые, паралингвистические и экстралингвисти-

ческие факторы, подчиненного целому ряду принципов и условий функционирования, а также специфическим правилам построения, были подготовлены работами в области высокоуровневой семантической интерпретации дискурса [ван Дейк, 1989; Каменская, 1990; Кубрякова, 2000; Демьянков, 2007; Скорик, Черкасова, 2019 и др.], психолингвистическими теориями порождения речи [Леонтьев, 1969; Горелов, 1980; Жинкин, 1982; Ушакова, 1985; Зимняя, 2001; Цзюй, Матвеев, 2019 и др.], целым рядом исследований синтаксиса спонтанной речи [Вайс, 1964; Девкин, 1974, 1979; Поликарпов, 2000, 2001, 2016; Чиркова, 2010; Мартыненко, 2015; Зарайский, 2019; Baumgärtner, 1959; Gaumann, 1983 и др.] и экспериментально-фонетических работ по выявлению специфических характеристик спонтанной речи и ее цельнооформленности [Гоголадзе, 1987; Тиселько, 1985; Кирей, 1988; Абдрахимова, 1988; Саклакова, 1991; Яковлева, 1996, 2005; Деркач, 2003; Шереметьева, 2015 и др.].

Общение рассматривается как взаимодействие коммуникантов в конкретной ситуации. Основная цель общения заключается в воздействии активного партнера на речевое поведение собеседника и побуждение его к речевому сотрудничеству. В связи с этим актуальным является вопрос о выборе соответствующих речевых средств для достижения оптимизации речевого воздействия. Главенствующая роль в выборе таких средств наряду с другими отводится фонетическим средствам.

Процесс коммуникации предполагает определенное членение речевой цепи, которое может осуществляться разными фонетическими средствами, ведущим из которых признается пауза, определяемая как воспринимаемый феномен, служащий для разграничения речевого континуума на смысловые единицы.

Сегментация речевого потока на смысловые единицы осуществляется как синтаксическими, так и несинтаксическими паузами, в частности так называемыми хезитационными паузами, являющимися специфическим феноменом сегментации спонтанной речи. В данном случае именно хезитации представляют особый интерес, заключающийся в том, могут ли хезитации осуществлять лингвистическое членение речевого потока и тем самым иметь лингвистический статус. Поиск ответа на этот вопрос обусловил сначала, в основном, лишь психолингвистические исследования хезитационных явлений. Лингвистическое изучение хезитаций началось значительно позже. В результате этих исследований вы-

явилось довольно частое несовпадение синтаксических и фонетических единиц членения. Фонационные отрезки, получаемые в результате сегментации спонтанного текста хезитационными периодами (ХП), не всегда имеют форму синтаксических смысловых единиц, часто это просто аморфные сегменты. Из результатов исследований, направленных на поиски дискурсивных единиц, получаемых при сегментации текста ХП, не совсем ясно, в терминах каких синтаксических единиц или не обозначаемых с помощью синтаксических категорий понятий их описывать. В итоге этих поисков окончательным вердиктом исследователей был отказ признать наличие у хезитаций лингвистического статуса, а также их информативную и коммуникативную значимость.

Анализ проведенных исследований показывает, что явления хезитации обнаруживают как универсальные для всех языков, так и лингвоспецифические черты.

В связи с этим в данной работе мы попытаемся с опорой на синтаксис немецкого языка выявить специфику хезитационной сегментации немецкой спонтанной диалогической речи и доказать, что непреднамеренный характер появления хезитаций, имеющих психолингвистическую природу, отнюдь не исключает наличия определенных тенденций в их локализации в рамках высказывания, обусловленных особенностями синтаксического строя языка. Появление ХП в строго обусловленных синтаксических позициях высказывания дает основание для установления определенных закономерностей их реализации. Таким образом, в качестве *рабочей гипотезы* мы выдвигаем тезис о том, что хезитации могут иметь *синтаксически преднамеренный характер* как релевантные пограничные маркеры в речевом коде носителей немецкого языка. Доказательство данного положения поможет в некоторой степени «реабилитировать» хезитации как лингвистически значимые явления.

Задача данной работы – познакомить заинтересованных читателей с феноменом хезитации и ее функциями, выполняемыми в живой речи. Мы рассматриваем специфику хезитационной сегментации спонтанной речи и анализируем данный феномен в формально-функциональной перспективе.

Хезитации – от лат. *haesito* (засесть, застревать, задерживаться) → англ. *to hesitate* (колебаться) – периоды, паузы обдумывания, принятия решения. Они возникают в процессе продуцирования спонтанной речи, манифестируются разными видами как непреднамеренное прерывание последовательной материализации

мысли. Это комплексный полифункциональный феномен поисково-коррективного характера, неотъемлемый атрибут устнопорождаемого высказывания, реализуемый на уровне речевого автоматизма [Яковлева, 2014].

Данное явление свободной естественной речи, как уже упоминалось, было, в основном, предметом изучения психолингвистов. Лингвистами же оно исследовано в наименьшей степени. Необходимость изучения хезитационных процессов назрела уже давно, ибо без понимания их сути невозможно адекватное описание спонтанной речи.

Исследованию явлений хезитации посвящен целый ряд работ, выполненных на материале различных языков. В центре внимания лингвистов находятся следующие проблемы: появление хезитаций в ходе решения говорящим определенной лингвистической задачи [Goldman-Eisler, 1968; Boomer, 1965; Lounsbury, 1954; Barik, 1968; Martin, 1970; Тошов, 1977; Бубнова, 1987; Ладыженская, 1985; Шапа, 1991; Миронова, 1994 а, 1994 б]; различная функциональная нагрузка синтаксической и хезитационной паузы [Goldman-Eisler, 1968; Barik, 1968; Зарецкая, 1975; Бондаренко, 1978; Анощенкова, 1982; Ладыженская, 1985; Миронова, 1994 б; Яковлева, 1996, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2007, 2008, 2009, 2012, 2014; Jakovleva, Potapova, Khitina, 2004; Jakovleva, 2010, 2013, 2015 и др.]; влияние хезитационных пауз на временную организацию речи [Розанова, 1983; Анощенкова, 1986]; специфика восприятия несинтаксических пауз [Boomer, Dittman, 1962; Drommel, 1974; Бондаренко, 1978; Яковлева, 2005, 2007, 2008, 2009, 2011, 2012, 2014; Jakovleva, 2010, 2013, 2015]; организующая роль хезитационных пауз в спонтанной речи [Мелешенко, 1987; Кирей, 1988; Шапа, 1993]; возникновение хезитационных пауз как критерий различной сформированности автоматизмов речи на иностранном языке [Носенко, 1970]; вопросы классификации явлений хезитации [Trager, 1958; MacLay, Osgood, 1959; Blankenship, Kay, 1964; Ладыженская, 1985; Миронова, 1994 а, 1994 б; Яковлева, 1996 и др.].

Несмотря на довольно большой исследовательский интерес к феномену хезитации, целый ряд вопросов, связанных с хезитационной сегментацией речевого континуума, выделением единицы членения спонтанного дискурса, функциональной нагрузкой, лингвистической значимостью, классификацией и методами анализа хезитационных явлений, остается открытым.

Между тем для решения ряда теоретических и прикладных задач, требующих создания лингвистической базы для диалоговых систем, систем автоматического распознавания речи, особую значимость приобретают вопросы просодической организации спонтанной речи, ибо в ряде случаев только просодическая информация обеспечивает реализацию указаний, помогающих исключить многозначность структур и выявить ошибочность решений. В спонтанной речи хезитационные явления, как правило, обрамляют основную речевую информацию и увеличивают избыточность сигнала: хезитационные периоды, заполненные формами вербального и невербального поиска, пробные неудачные речевые шаги (фальстарты – артикуляторная реализация незрелого речевого замысла), которые предшествуют ядерным (ключевым) речевым шагам с основной информацией и другие хезитационные процессы.

Практическая значимость изучения хезитативов в речи определяется в первую очередь тем, что полученные данные могут найти применение в дискурсологии, психолингвистике, речеведении, теории мультимодальной интеракции, коммуникативистике, в медицинской практике при диагностировании логопатологий, речевого дизонтогенеза разной этиологии и отграничения естественной хезитации в нормальной речи от патологических сбоев в нарушенной речевой продукции; в криминалистике при изучении речевого портрета говорящего и других практических областях.

Подробное изучение сущностных характеристик хезитационных явлений в спонтанной речи представляется весьма актуальной задачей, решение которой приблизит исследователей к глубокому пониманию проблем, связанных с более полным и адекватным описанием структуры спонтанной речи.

Важнейшими и самыми распространенными формами устного общения являются его синергические формы – спонтанный диалог и полилог. Именно в данных формах естественной речи наиболее ярко проявляются все особенности спонтанной речи, порождаемые синергическим характером речевой деятельности коммуникантов.

Основной целью нашего исследования является определение роли отдельных просодических характеристик хезитационных явлений, участвующих в сегментации спонтанного диалогического дискурса как самой распространенной синергической формы речевого общения; выявление наличия и характера корреляции между синтаксическими факторами и просодической актуализацией хези-

тационных явлений в немецком спонтанном диалоге. Эта цель обуславливает постановку и решение ряда задач: 1) представить подробное описание видов хезитационных явлений и разработать их классификацию, в основу которой положен функциональный принцип конституирования хезитаций в речи; 2) выявить дистрибуцию хезитационных явлений с опорой на синтаксис немецкой спонтанной диалогической речи; 3) определить набор и описать просодические характеристики хезитаций, участвующих в сегментации немецкой спонтанной диалогической речи.

Глава 1.

СПОНТАННАЯ РЕЧЬ. СИНЕРГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

1.1. Понятие спонтанности

Обратимся к понятию «спонтанный дискурс», вернее к вопросу об окончательном признании за термином «права гражданства», поскольку анализ литературы показывает, что до недавнего времени обиходными являлись словосочетания «устная речь», «устнопорождаемая речь», «устная разговорная речь». Однако вслед за К.А. Долининым, Е.А. Земской, А.М. Антиповой и др. [Долинин, 1973; Земская, 1988; Антипова, 1989], считающими понятие устной речи шире, чем понятие спонтанной речи, «поскольку не всякая устная речь спонтанна» [Долинин, 1973, с. 62], считаем необходимым выдвинуть в связи с этим две проблемы, требующие решения: признать понятие «спонтанный дискурс» и отличать данное понятие от понятия «устная речь».

Не всякая устная речь спонтанна, так как в понятие устной речи, помимо спонтанных высказываний, входят как сознательно подготовленные, но устно реализуемые тексты (презентация через чтение и говорение), так и речевые клише, автоматизированные реакции. О.А. Лаптева, К. Кожевникова, напротив, считают параметр «устность» при определении спонтанности главным [Лаптева, 1989], [Кожевникова, 1971]. Позволим с этим не согласиться, так как устная речь может являться не только репродуцированием письменного текста, но и устно подготовленного, и от этого она не становится спонтанной. Добавим также, что в словосочетании «устнопорождаемая речь» компонент «порождаемая» может означать отнюдь не порождение «новой» речи в прямом смысле, а лишь репродуцирование уже подготовленной речи.

Не всякая разговорная речь спонтанна, так как она включает помимо спонтанных высказываний, автоматизированные речевые реакции и письменные жанры, в которых может реализоваться разговорная речь [Долинин, 1973]. Стилизованные диалоги в художественной литературе наглядный тому пример.

Не всякая спонтанная речь разговорна, так как она включает и такие жанры, как интервью, неподготовленное публичное выступление и т.п., а также «гипотетический жанр стенографического дневника» [Долинин, 1973, с. 63].

Большинство лингвистов выделяют в понятии «спонтанность» такой важный признак, как неподготовленность [Гоголадзе, 1987; Тезекбаева, 2011; Жабин, 2006; Поликарпов, 2016 и др.], непосредственность общения [Сиротинина, 1973; Бондарко, 2001 и др.]. Планирование и продуцирование спонтанной речи представляют собой синхронный процесс, когда замысел или внутренняя программа развертывается в связное высказывание одновременно.

Однако Е.А. Земская считает, что параметр «неподготовленность» характеризует лишь устную речь. Термины «спонтанность» и «неподготовленность», с ее точки зрения, целесообразно разграничивать и называть спонтанной речь, «возникающую без воздействия извне, без внешних импульсов» [Земская, 1988, с. 8]. При таком понимании неподготовленность и спонтанность называют разные признаки речи. Так, отмечает исследователь, речь может быть неподготовленной, но и не спонтанной, если человека кто-либо вынудил говорить («Отвечай немедленно, кто разбил вазу»? – пример из работы [там же]). Таким образом, речь может быть, по ее мнению, «неспонтанной и неподготовленной», «неспонтанной и подготовленной», «спонтанной и неподготовленной», «спонтанной и подготовленной» [там же]. Последняя возможность резко противоречит общепринятому определению спонтанности как экспромтного речепорождения и подготовленной речи как репродуцирования письменного или устно подготовленного текста.

Из этого следует, что постановка проблемы спонтанности нуждается в дифференциации подходов к рассматриваемому феномену. Выделяются три таких подхода [Борисова, 2001]: 1) психолингвистический (речедетельностный): спонтанность рассматривается в отношении к превербальным и вербальным этапам речевой деятельности (зарождение замысла, планирование речевой программы); 2) дискурсивный (речеповеденческий): проявление спонтанности рассматривается в речевом поведении коммуникантов; 3) текстовый подход связан с проявлением спонтанности на разных уровнях организации текста: композиционном, текстокатегориальном и собственно языковом, отражающим спонтанность на лексическом, синтаксическом, интонационном уровнях.

Предпосылки спонтанности по причинной обусловленности делятся на два типа: ситуативные и психофизиологические. *Ситуативные предпосылки* формируются условиями протекания коммуникативного акта в ситуации разговорного взаимодействия.

Психофизиологические предпосылки определяются реактивностью нервной деятельности в речевом взаимодействии, органической слитностью интенции и реакции, ослабленностью контроля сознания и внимания за формой словесного выражения, речевым автоматизмом и субъективностью, эмоциональностью выраженной мысли.

Этапы планирования и реализации речевой программы в спонтанной речи являются редуцированными. Все этапы порождения речевого высказывания, описанные Л.С. Выготским [Выготский, 1999], А.А. Леонтьевым [Леонтьев, 1969], Т.В. Ахутиной [Ахутина, 1975], А.Р. Лурия [Лурия, 2002], С.Д. Кацнельсоном [Кацнельсон, 1972], И.А. Зимней [Зимняя, 2001] и др., присутствуя при спонтанном речепорождении, оказываются свернутыми. Возможно, это достигается за счет механизмов редукции, сокращения внутренних операций, более экономичных средств перекодирования, но в результате можно говорить о мгновенном пространственном представлении схемы высказывания.

В спонтанном диалоге, по нашему мнению, эти этапы являются еще более свернутыми по сравнению со спонтанным полилогом, где существует возможность обдумывания (у некоторой части участников) своего речевого хода в рецептивном состоянии. В диалоге такая возможность также существует, однако процесс планирования последующей речевой программы одновременно сопряжен с рецепцией поступающей информации, которую реципиент должен мгновенно обрабатывать, зная, что он единственный собеседник, от которого ожидается реакция, вследствие чего его речевой шаг менее «простроен» в синтаксическом, лексическом, интонационном отношениях, т.е. имеет более характерные черты спонтанности. Спонтанность в названных видах речи проявляется в виде экспромтности, определяющей непредсказуемость хода коммуникации.

В *речеповеденческом аспекте* спонтанность проявляется как импульсивность речевого поведения коммуникантов, вызванная необходимостью реагирования на речевые стимулы партнера и ситуативные сигналы. Выделяются четыре аспекта речеповеденческого проявления спонтанности [Борисова, 2001]: а) *спонтанность как реактивность речевого поведения* – обусловленность речи воздействием ситуации или партнера; б) *спонтанность как импровизация* – возникновение речемысли в момент, непосредственно предшествующий исполнению; в) *спонтанность как непредсказуемость хода коммуникации* – аморфность, «непростроен-

ность» дискурсивных стратегий коммуникантов; г) *спонтанность как речевой автоматизм* – типичность и ограниченность «репертуара» коммуникативных (особенно фатических) речевых приемов: подхваты, переспросы, перебивы, речевые поддержки и т.д.

Текстовые формы проявления спонтанности свойственны разным уровням организации продукта коммуникативного взаимодействия. Спонтанность проявляется в композиционных формах организации текстовых категорий как конструктивный принцип, например в категории темы: политематичность, ассоциативность, ослабленность связей между тематическими фрагментами, тематическое «зацепление», принцип монтажа тематических линий. Следствием спонтанности является мозаичность хронотопа текста: фрагменты текста с пространственно-временными координатами текущего коммуникативного события: «я – ты – здесь – сейчас» чередуются с фрагментами другой пространственно-временной соотносительности: «я – там – тогда», «он – здесь – тогда» и т.д.

Устная коммуникация неоднородна в отношении спонтанности. В рамках вышеописанных подходов к рассмотрению спонтанности выделяется градуальность ее проявления в речи: 1) неподготовленная речь (редуцированность замысла, нефиксированность темы, непродуманность стратегии или композиции, импровизированность языковой формы) [Девкин, 1974, 1981; Сиротинина, 1973; Гоголадзе, 1987; Антипова, 1989; Mackeldey, 1987]; 2) частично подготовленная (существует замысел, тема однозначно определяется ситуацией, стратегия в большей или меньшей степени планируется, а иногда задается ходом практической деятельности, форма выражения – импровизированная) [Гоголадзе, 1987; Антипова, 1989; Mackeldey, 1987; Grimm, 1976]; 3) подготовленная речь (тщательная проработанность фаз замысла и планирования: может существовать письменный план, возможна словесная импровизация) [Земская, 1988].

С нашей точки зрения, второй пункт больше имеет отношение к квазиспонтанности, а последний вообще к ней не относится.

Мы понимаем под спонтанностью (отвлекаясь от других ее составляющих) моменты синхронного планирования и продуцирования речевой программы. В таком понимании спонтанности непринужденное неподготовленное общение в условиях «нескрытого микрофона» очень быстро теряет черты квазиспонтанности [Яковлева, 1996, 2005].

Обязательными характеристиками спонтанной речи являются также ее ситуативность и субъективная окрашенность. Речь говорящего всегда является отражением какого-то определенного «кусочка» действительности. Однако это не пассивное отражение жизни. Говорящий всегда выражает в речи свое собственное отношение к тому, о чем он говорит.

С одной стороны, спонтанная речь подчиняется общим фонетическим, морфологическим, синтаксическим законам конкретного языка, его сложившимся в процессе эволюции нормам. И в этом смысле литературная книжная речь оказывает сильное влияние на разговорную, «облагораживает» ее. С другой стороны, наблюдается обратный процесс довольно сильной «демократизации» спонтанной речи, нарушающей ее четкую организованность и строгую нормированность, особенно в фонетическом, лексическом и синтаксическом планах, под воздействием ситуативных условий. Своеобразные разговорные маркеры, т.е. свойственные разговорной речи упрощенные синтаксические конструкции, «сниженная» лексика, небрежная артикуляция, «разрыхляют» живую естественную речь. Достаточно одного «сниженного» слова, редуцированного («проглоченного») окончания, и все генерируемое речевое произведение приобретает особый разговорный колорит.

Исходя из сказанного, спонтанный дискурс – это неподготовленная, незапланированная речевая деятельность, ситуативно обусловленная, используемая в процессе повседневного общения и представляющая собой смешение нормированного и ненормированного. Данное определение можно отнести к любому виду спонтанного дискурса с той лишь оговоркой, что в спонтанном полилогическом дискурсе, следует отметить более яркий характер проявления черт спонтанности вследствие действия фактора количественности, расширяющего рамки проявления ее характеристик за счет увеличения индивидуальных признаков спонтанности речи у каждого участника беседы [Яковлева, 2005].

При изучении спонтанной речи нужно иметь в виду разные моменты: и чисто лингвистические, и паралингвистические, и экстралингвистические. Прежде всего, это межличностные отношения. Разговор между друзьями, членами одной семьи и т.п. будет строиться во многом не так, как между чужими людьми (особенно, если разговаривающие существенно различаются по возрасту) или между подчиненным и начальником и т.д. В экстра-

лингвистическом аспекте существенную роль играют такие факторы, как внешняя обстановка: наличие или отсутствие постороннего шума, погодные условия (если разговор происходит не в помещении), присутствие третьего лица при разговоре двоих и др. К экстралингвистическим факторам следует отнести и индивидуальные особенности собеседников, их манеру говорить, психические черты говорящих (флегматичны они или экспансивны, лаконичны или многословны и т.д.). Спонтанную речь, как правило, сопровождают паралингвистические средства: особая кинесика, неречевые звуки, вздохи, смех, кашель, прочищение горла и т.д. Спонтанно реализуемый устный звучащий дискурс имеет свои фонетическую, синтаксическую, структурную специфики, которые отличаются от письменного языка. Он связан с просодическим оформлением, сегментацией, ритмическими механизмами. В звучащей спонтанной речи имеют место *естественные устные* явления, которых нет в письменной речи: специфичный, «лоскутный» синтаксис, аморфные синтаксические формы, одновременно лапидарные и плеонастичные, многочисленные наложения реплик (при диалогической или полилогической коммуникации), разный темп, hesitation различного вида и этиологии, возникновение большого числа редуций и ассимиляций, сильное выделение акцентуированных слогов, короткие речевые такты с неполным падением тона в одной фразе и многие другие разговорные явления [Яковлева, 2012].

1.2. Жанры спонтанной речи, ее синергические формы

При анализе спонтанной речи уместно затронуть вопрос о классификации ее жанров. В зависимости от принципов, положенных в основу классификации, они могут получиться различными, например монолог, диалог, беседа, реплика [Платонов, 1984, с. 125]; монолог, диалог как жанры устной речи [Психологический словарь, 1983, с. 326] или как формы речевой деятельности [Русский язык: энциклопедия, 1979, с. 256].

Однако не все исследователи выделяют вообще какие-либо жанры в спонтанной речи, рассматривая ее как диалог, в котором реплики могут иметь вид пространных монологов [Девкин, 1979, 1981].

Универсальной можно считать классификацию, выделяющую три основных жанра в спонтанной речи в зависимости от числа коммуникантов: монолог, диалог, полилог.

Спонтанный монолог – это чаще всего рассказ одного говорящего, адресованный реальному или воображаемому слушателю, к самому себе, к Богу. К спонтанным монологам можно отнести и автодискурс с маленьким ребенком, не овладевшим речью, с животным (кошкой, собакой). Реплики интервьюируемого в интервью, в котором реплики второго коммуниканта сводятся к минимуму, также можно считать монологами в диалоге. Несмотря на признание некоторыми лингвистами и литературоведами [Бахтин, 1979, 1996; Винокур, 1955; Якубинский, 1986 и др.] монолога несколько искусственной формой речи, он тем не менее является одной из основных и естественных речевых форм. Монологическая речь являет собой максимум самовыражения говорящего. Монолог представляет собой коммуникативно-речевой акт, не рассчитанный на обязательность реакции, тем не менее заключающий в себе апеллятивность. Цель монолога может считаться достигнутой лишь в случае его восприятия аудиторией. Формы ответственности на монолог могут быть различны – это и передача записок говорящему, и «реплики из зала», иногда изменяющие ход монологического повествования, переходящие в диалог или полилог, переговоры слушателей между собой по поводу услышанного, внутреннее реплицирование [Яковлева, 2007 а].

Существование гибридных речевых форм является причиной многочисленных споров лингвистов относительно их «чистых» характеристик и демаркаций между ними. Представляется правомерным говорить лишь об относительном пуризме речевых форм, поскольку речевое самовыражение, как правило, не замыкается в «законодательные» рамки какой-то одной формы.

Синергическими формами спонтанной речи являются диалог и полилог.

Самым распространенным жанром спонтанной речи является диалог, т.е. беседа в диаде. Прежде всего, он определяется тем, что в нем активно участвуют два партнера.

Исследователи отмечают, что диалоги неоднородны, их можно разделить на подвиды, например различные обсуждения – деловые и неделовые, споры, обмен мнениями, бытовые разговоры о домашних делах, болезнях, детях, покупках. Телефонные разговоры всех типов – всегда диалог [Русская разговорная речь, 1978].

Особым видом диалога является фатическая речь. Чаще всего, конечно, это не длинные диалоги, а фрагменты диалогов, обычно начало и конец. В настоящее время особенно популярными являются различного рода электронные диалоги как без визуального контакта (электронная переписка в виде реплик), так и при созерцании собеседника (например, при общении по Skype, Zoom и т.д.).

Полилог возникает в такой ситуации, когда в разговоре активно участвуют более двух партнеров. Многие исследователи не признают полилог отдельной от диалога формой речи, называя полилог диалогом в широком смысле. Считаем данную точку зрения не вполне корректной, так как количественный и другие факторы играют существенную роль в разделении данных синергических форм речи.

Особое значение в диалогической и полилогической коммуникации имеет механизм реплицирования, которое является неотъемлемым свойством диалога и полилога. Это качество роднит данные формы речи. Полилог, как и диалог, можно противопоставить монологу. Однако чередование реплик в полилоге имеет специфические особенности, присущие только этой форме общения. Оно детерминировано количественным фактором, межличностными и ролевыми отношениями участников речевого акта. Полилог представляет собой коммуникативный речевой акт, с одной стороны, как в диалоге, рассчитанный на обязательность реакции, с другой – не претендующий в силу своеобразия некоторых реплик на возможную реакцию со стороны всех партнеров, за исключением одного или нескольких. Стимулы и реакции в репликах полилога обнаруживают большое своеобразие по сравнению с диалогом. Последующая реплика может являться реакцией на стимул не непосредственного адресата, а временно вербально пассивных участников. Кроме того, такие реплики могут быть реакцией не на предыдущую реплику, а отстоять от нее на значительном расстоянии, т.е. быть удаленными во времени. Ответные реплики часто являются реакцией не только на предыдущую реплику, а на более раннюю реплику не обязательно непосредственного адресанта и необязательно непосредственного адресата, т.е. может иметь место отсроченная и непрямая реакция. Последующая реплика может содержать несколько субтем и быть реакцией на высказывания разных предыдущих адресантов, чего нет в диалоге. Кроме того, на предыдущую реплику одновременно могут ответить сразу несколько или все адресаты, что также не наблюдается в диа-

де. В этом случае, конечно, будет наблюдаться наложение реплик [Яковлева, 2005, 2007 б].

Чрезвычайно важную роль при изучении диалога и полилога играют экстралингвистические факторы, включающие такие функциональные составляющие, как количество участников, их спецификацию, ситуацию общения. Социальные характеристики коммуникантов, их межличностные и ролевые отношения находят свое выражение в выборе ими языковых и паралингвистических средств, свойственных определенному типу диалога и полилога. Они же определяют речевое поведение коммуникантов [Яковлева, 2005, 2007 в].

Диалогу и полилогу чужда ригидность как их составляющих, так и тематического плана. Обе формы являются живым организмом, отличающимся особым динамизмом, структурной и тематической подвижностью.

Для возникновения диалогической и полилогической коммуникации необходимо наличие минимального «напряжения», «интриги», особого импульса.

К основным отличиям многосторонней формы речи от двусторонней относятся: а) более широкий спектр коммуникативных ролей: *лидерствующего адресанта* (модератор, «подпевала», основной интерпретатор, разработчик темы); *рядового адресанта* (медиатор, арбитр, «миротворец» в конфликтах, выразитель мнения всей группы, оценивающий, корректирующий, резюмирующий, «самозванец» во вмешательствах, слегка поддерживающий разговор); адресата (прямой, косвенный, формальный, случайный, именованный, неименованный, виртуальный, единичный, множественный и т.д.); б) непостоянство ролей собеседников; в) непредсказуемость полилога относительно чередования реплик ввиду возможного вмешательства одного или сразу нескольких участников, переадресации реплик, «замаскированной» адресации, виртуального, случайного вмешательства, влияющих на характер связи реплик, особое комбинирование единиц речевого общения [Яковлева, 2005, 2007 г].

Полилог имеет свойственную только ему дейктику. Поскольку в нем меняется набор коммуникативных ролей, меняются нормы и варианты вступления в беседу. В процессе полилогического общения группе свойственен распад на коалиции, в связи с

этим меняется дейксис лица: наряду с «я», «ты», «ВЫ» появляются «вы», «он», «она», «они».

Речевые акты в полилоге выполняют разные иллокутивные функции для различных категорий адресатов.

Специфической чертой полилогического общения является возможность обдумывания речевого шага в рецептивном состоянии и отсрочка выступления. В диалоге слишком отсроченная реакция ведет к прекращению коммуникации [Яковлева, 2005, 2007 д].

Кажущаяся низкая внешняя активность некоторых участников полилога или их временное вербальное неучастие в общении не дает, с нашей точки зрения, основания для называния таких участников «сторонними наблюдателями» [Кларк, Карлсон, 1986]. Молчание, во-первых, являясь нулевым актом тем не менее многозначно; во-вторых, находясь в рецептивном состоянии, участник «переваривает» услышанное, сопереживает, готовит контраргументы и т.д., т.е. он фактически «не выпадает» из процесса [Яковлева, 2005, 2007 д].

Лишь некоторые принципы описания диалога могут быть применены и для описания многосторонних речевых актов. Для описания вербальных взаимодействий нескольких людей нельзя полностью применять традиционные методы описания взаимодействий в диаде, так как добавление к двум общающимся хотя бы одного собеседника существенным образом модифицирует коммуникативные стратегии и, следовательно, речевые характеристики собеседников. Попытки трансформировать полилог в диалог [Филиппов, 2003] с минимальными деформациями приводят к кардинальным модификациям семантического характера. Полилог – это не механическая сумма самостоятельных диалогов. Диалоги в составе полилога, как правило, не всегда обладают автосемантичностью по сравнению с настоящими диалогами. Они декодируемы только в полилогическом контексте.

Специфика выделенных нами типов речевого взаимодействия в полилоге (последовательно-линейное, заместительное, переадресованное, отсроченное, совместное, цепное, эстафетное, инициативное, трансмиссивное, редуцированное, инкорпорированное, поддерживающее, замаскированное, виртуальное, случайное, оценочно-модальный речевой ход и др.), специфические виды адресации и множество других факторов дают полное основание, по нашему мнению, считать полилог третьей формой речи [Яковлева, 2007 д].

К основным факторам отличия многосторонней коммуникации от двусторонней мы относим следующие: 1) количественный; 2) вариативно-ролевой; 3) фактор релятивно-аксиальной адресованности (коллективно-индивидуальная обращенность); 4) информативный фактор (речевой акт говорящего, обеспечивающий знание всеми участниками того, какая иллокутивная функция по отношению к непосредственным адресатам им выполняется); 5) фактор конструктивной рецепции; 6) фактор множественности когнитивных позиций; 7) фактор переменной дейктики [Яковлева, 2005].

Таким образом, монолог – это форма общения, в которой выражается *одна* смысловая позиция, в диалоге – *две* смысловые позиции двух участников. В полилоге реализуется *несколько* смысловых позиций в силу мультиперсонализма. Фактором сближения всех трех форм речи можно считать апеллативность, дифференцирующим фактором – количественность [Яковлева, 2005].

1.2.1. Спонтанный диалогический дискурс как основная синергическая форма устно-речевого общения

В настоящее время изучение спонтанной речи является одной из центральных проблем лингвистических исследований. Резко возросший интерес к данной проблеме обусловлен, прежде всего, тем, что именно в свободной естественной речи наиболее ярко проявляется все многообразие языковых средств, участвующих в ее организации.

Особую значимость приобретают вопросы, связанные с закономерностями построения спонтанной диалогической речи как основной синергической формы общения, как связного речевого произведения: выявление его структурных и семантико-синтаксических особенностей, прагматических характеристик с целью установления способов организации диалогического дискурса в единое целое с помощью фонетических средств.

Спонтанный диалог представляет собой наиболее яркую и естественную форму коммуникации, так как «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» [Щерба цит. по: Якубинский, 1986, с. 31].

Основы теории диалога в отечественном языкознании были заложены в трудах Л.П. Якубинского, Л.В. Щербы, В.В. Виногра-

дова, М.М. Бахтина, Г.О. Винокура. Идеи этих исследователей нашли свое теоретическое развитие в трудах современных исследователей [Михлина, 1955; Святогор, 1967, 1968; Арутюнова, 1970; Гак, 1970; Балаян, 1971; Визгина, 1973; Валимова, 1978; Изаренков, 1979; Девкин, 1981; Хисамова, 2008; Эсалнек, 2016; Симатова, 2019 и др.] и подвергаются экспериментальной проверке [Тиселько, 1985; Гоголадзе, 1987; Кирей, 1988; Абдрахимова, 1988; Саклакова, 1991; Шапа, 1993; Миронова, 1994 б; Яковлева, 1996; Федорова, 2014 и др.].

Л.В. Щерба наметил пути исследования диалога как одной из форм речи и обосновал лингвистическую специфику монолога и диалога, подчеркнув важность и необходимость изучения диалогической формы речи, так как «язык живет и изменяется главным образом в диалоге» [Щерба, 1958, с. 36].

В работе Л.П. Якубинского «О диалогической речи» приводятся доказательства в пользу того, что изучать язык следует в контексте общения людей, так как характер речи находится в прямой зависимости от условий, формы и целей общения. Л.П. Якубинский выдвинул ряд положений о совокупности неречевых факторов, определяющих своеобразие и языковую специфику диалогической речи [Якубинский, 1986].

Идеи Л.П. Якубинского послужили стимулом к постановке вопроса о сущности и специфике диалогической речи и наметили пути для дальнейшего исследования в этом направлении.

М.М. Бахтин, раскрывая сущность своего подхода к языку, также высказал ряд положений, актуальных для современных исследований речи: язык необходимо рассматривать как средство общения людей, участников общения – как «речевых субъектов», а структуру речи – как диалог, состоящий из ориентированных друг на друга высказываний [Бахтин, 1979].

Диалогическое общение находится в центре внимания и многих зарубежных исследователей [Zimmermann, 1965; Weiss, 1975; Jäger, 1976; Kleinen, 1979; Schwitalla, 1979; Goffman, 1981; Krallmann, Pape, 1981; Henne, Rehbock, 1982; Müller, 1982; Schmachtenberg, 1982; Metzinger, 1985; Franke, 1986; Mackeldey, 1987; Gülich, Techtmeie, 1989 и др.].

Диалог являет собой очень сложный объект для анализа не только лингвистической науки, но и философии, логики, социологии, психологии, антропологии. Сложность изучения диалогической речи объясняется тем, что диалог есть взаимодействие

коммуникантов, которая включает разные аспекты речевой деятельности. Для создания теории, которая освещала бы все стороны такого сложного и многоаспектного явления, как диалогическая речь, нужен комплексный подход, т.е. привлечение к анализу диалогического дискурса последних достижений разных наук, а в рамках лингвистической науки концепций теории речевых актов, теории коммуникации, теории лингвистики текста, теории дискурса и т.д.

Рассмотрение же диалога с позиций отдельных научных дисциплин не является продуктивным, поскольку парциальное трактование диалога оставляет вне поля зрения общие характеристики объекта исследования. Хотя в этом направлении и достигнуты некоторые успехи, узкоаспектное освещение данного вида человеческой деятельности представляется недостаточно перспективным.

Доказательством сложности применения лингвистического анализа к диалогу может служить тот факт, что диалог в настоящее время является предметом исследования нескольких лингвистических поддисциплин как в отечественном, так и зарубежном языкознании. У каждой поддисциплины есть свое определение предмета и свои методы и цели исследования.

Какой из аспектов лингвистического анализа диалогического текста находится в центре внимания создателей теории диалога и что является наиболее проблематичным в изучении диалогической речи?

Наиболее важным вопросом в изучении спонтанной диалогической речи является вопрос о структуре диалога [Ширяев, 1966; Яценко, 1966; Александров, 1967; Орлова, 1968; Медведчук, 2017; Курбонова, 2018; Weiss, 1975; Jäger, 1976; Rath, 1979; Schank, Schöenthal, 1983; Mackeldey, 1987].

Несмотря на успехи структурной лингвистики, ее методы и цели оказались малопригодными для анализа спонтанного диалога, так как выделяемые в процессе анализа структуры не являются чисто формальными.

Хотя наличие структуры в диалоге практически ни у кого не вызывает сомнения, тем не менее на данный момент неясно, какие единицы следует признать конституентами этой структуры: предложение, высказывание, диалогическое единство, реплику, диалогический шаг, диалогический ход и т.д.

Размытость границ между дискретными элементами спонтанного диалога объясняется, в первую очередь тем, что он является продуктом интеракциональности коммуникантов. Неясность в

вопросе о составе элементов структуры диалога отражает более глубокие расхождения между различными аналитическими перспективами и методами.

Рассмотрение диалогической речи в рамках разных аспектов лингвистической науки дает возможность выделить приблизительно одинаковый набор параметров, учет которых необходим при анализе спонтанного диалогического текста: 1) спецификацию коммуникантов: их принадлежность к определенной общественной группе, образование, возраст, темперамент и т.д., 2) степень спонтанности речи, 3) наличие двух партнеров, 4) четко выраженную коммуникативную интенцию, 5) условия протекания беседы.

Без учета совокупности действия данных характеристик спонтанной диалогической речи ее структурный анализ представляется невозможным.

В рамках лингвистики текста, объектом исследования которой является связная речь, целое речевое произведение, диалог трактуется как особого рода текст, обладающий собственными специфическими чертами: синтаксическими, смысловыми, интонационными.

Специфичность диалогического текста объясняется действием целого ряда факторов, предполагающих определенные принципы коммуникативно-прагматической организации этой формы речи. Современными исследователями выделяется целый ряд принципов конституирования диалогической речи.

1. *Синергический принцип*, или, по Л.М. Михайлову, «*принцип коммуникативного сотрудничества*» [Михайлов, 1994] является наиболее общим и фундаментальным для конституирования диалога как формы речи. Для решения коммуникативной задачи собеседники должны сотрудничать. «Речь, претендующая на целостный (когерентный) характер с успешным решением той или иной коммуникативной задачи, должна быть подчинена определенным правилам, согласована, скоординирована» [Михайлов, 1994, с. 134]. При этом должны учитываться цели, мотивы, задачи общения и другие факторы. Принцип коммуникативного сотрудничества реализуется в двух более частных синергических принципах взаимодействия и воздействия.

2. *Принцип взаимодействия* предполагает активное участие обоих собеседников в структурировании речи [Буева, 1978; Девкин, 1981; Кучинский, 1981; Марковина, 1982; Михайлов, 1994; Henne, Rehbock, 1982; Glindemann, 1987]. Коммуникативный процесс требует управления. В этом процессе активно участвуют оба

коммуниканта. Управление коммуникативным процессом как деятельностью речевым актом требует согласования коммуникативных программ собеседников, их координации.

3. *Принцип воздействия* [Михайлов, 1994; Glindemann, 1987] тесно связан с принципом взаимодействия. «Без воздействия нет взаимодействия» [Михайлов, 1994, с. 139]. Осуществляя принцип коммуникативного сотрудничества, собеседники воздействуют друг на друга. Способы реализации этого принципа весьма разнообразны. Воздействие на собеседника прямо связано с вербализованной / невербализованной коммуникативной интенцией другого собеседника. Коммуникативно-прагматические возможности и пути здесь многообразны.

4. *Принцип коммуникативно-прагматического доминирования* [Михайлов, 1986, 1994; Полянская, 1990; Ермакова, 1992] связан с изучением семантической структуры диалогической формы предложения. Исследование этой структуры позволило лингвистам сделать вывод о том, что конкретная коммуникативно-прагматическая структура высказывания строится в основном по принципу доминирования одного из компонентов семантической структуры. В зависимости от характера коммуникативной ситуации, заданной коммуникативной интенцией в целях адекватного взаимодействия с ней и успешного ее разрешения, избирается определенная функционально-прагматическая доминанта. Конкретное оформление структуры высказывания определяется прагматической установкой говорящего: зачем и с какой целью он формирует свое высказывание, и к какому коммуникативному эффекту оно приведет.

5. *Принцип коммуникативной достаточности* тесно связан с принципом коммуникативного доминирования. Его можно сформулировать следующим образом: в диалогической форме предложения должно быть вербализовано столько позиций, сколько это нужно для реализации коммуникативной интенции говорящего. Понятие коммуникативной интенции включает не только такие функционально четко выраженные характеристики высказывания, как вопрос, просьба и т.д., но и такие, как эмоциональность, экспрессивность, выразительность. В диалогической, как и в разговорной речи в целом, действуют две тенденции – к языковой экономии и языковой избыточности [Глаголев, 1967; Скребнев, 1971].

6. *Принцип опережающей реакции* [Михайлов, 1965, 1994] основан на концепции об опережающем отражении действительности [Узнадзе, 1966], согласно которой человек обладает способно-

стью на основе приобретенного опыта предвидеть развитие ситуативных обстоятельств и настраиваться на определенную реакцию с некоторым упреждением вероятностного хода событий.

Специфичность спонтанного диалога не исчерпывается действием названных принципов. Ему присущи также некоторые специфические признаки, характеризующие диалог как особый вид речи. Мы уже указывали на основную характеристику бытового диалога – спонтанность, т.е. неподготовленный, непринужденный, непосредственный характер общения [Долинин, 1973; Сиротинина, 1974; Гоголадзе, 1987 и др.].

Неотъемлемой частью спонтанного диалога является *внеязыковая ситуация* [Долинин, 1973; Лаптева, 1976; Сиротинина, 1974; Земская, 1988; Weiss, 1975; Grimm, 1976; Jäger, 1976; Goffman, 1981; Mackeldey, 1987 и др.].

Существенным признаком спонтанной диалогической речи является ее *адресованность*. Необходимость коммуникации возникает с целью поделиться с собеседником своими мыслями чувствами, намерениями.

Специфической чертой диалогического текста является также сочетание *невербальных средств* коммуникации и *интонации* [Торсуева, 1979; Девкин, 1981; Русская разговорная речь, 1983; Блохина, 1986; Блохина, Кирей, 1989]; соотношение *вербальных и невербальных средств* [Горелов, 1980; Русская разговорная речь, 1983; Mackeldey, 1987].

Диалогу присуща *динамичность*, обусловленная механизмом смены говорящего [Девкин, 1981; Кирей, 1988; Блохина, Кирей, 1989; Große, 1976 и др.].

Названные признаки отличают бытовой неофициальный диалог от научного, судебного диалога, диалога-дискуссии, интервью [Яценко, 1966].

Вступая в разговор друг с другом, коммуниканты не просто беседуют. Их коммуникация – «не самоцель, а общественная, человеческая деятельность» [Михайлов, 1994, с. 133]. Обмениваясь мыслями, собеседники совершают определенную предметно-практическую деятельность с определенными мотивами, ставя перед собой определенные цели и задачи. Поэтому коммуникация, речевой акт, речевое действие есть компонент более сложной общественной деятельности человека. «Коммуникативная его деятельность вплетена в совокупность его деятельностей и должна интерпретироваться как один из ее компонентов» (Михайлов

1994). Диалог как речевая деятельность тесно связан с общей прагматической деятельностью человека и должен рассматриваться как его деятельностный акт.

Итак, изучение спонтанной диалогической речи выделилось в специальную область лингвистических исследований. Интерес к спонтанному диалогу обусловлен тем, что эта разновидность устной коммуникации в силу своей специфики наиболее четко демонстрирует взаимодействие в процессе порождения речи интеллектуальных эмоциональных, психофизиологических и коммуникативных факторов, что делает спонтанную диалогическую речь уникальным материалом в изучении речевой деятельности и постоянным источником вдохновения для исследователей.

Исследование роли просодических средств в организации спонтанной диалогической речи, важность которых наряду с другими языковыми средствами неоспорима, представляется весьма актуальной проблемой, так как «типологию коммуникативных форм предложения создает» именно просодия [Михайлов, 1994, с. 30]. Изучение hesitant сегментации спонтанной диалогической речи в зависимости от особенностей синтаксиса языка, в частности немецкого, представляется весьма интересной перспективой в связи с полной неизученностью данной проблемы на материале немецкого языка.

Выводы

Спонтанная речь, заранее неспланированная, неподготовленная, в отличие от подготовленной устной и, тем более письменной, к сожалению, не имеет такую богатую историю изучения, как письменная кодифицированная речь. Однако в настоящее время интерес к ней весьма возрос в свете антропоориентированной теории языка. В отечественном и зарубежном языкознании вопросы, связанные с языком повседневного общения, получили освещение в рамках таких направлений, как коммуникативистика, коллоквиалистика, функциональная стилистика, дискурсология, анализ диалога и др.

Живая спонтанно продуцируемая речь должна изучаться в ее естественном виде, по записям подлинно звучащего дискурса, а не по стилизованным художественным текстам.

Изучение особенностей бытования живого языка неразрывно связано с исследованием синергических форм его реализации в речи – спонтанного диалога и полилога.

Бытовой диалог является объектом исследования многих отечественных и зарубежных научных направлений. Каждое вносит свой вклад в рассмотрение проблемы диалога как формы общения в диаде.

Другой синергической разговорной форме – полилогу «повезло» в значительно меньшей степени. До недавнего времени ситуации общения, включающие более двух участников, либо вообще игнорировались исследователями, либо трактовались как частный случай диалога, не видя в нем новое лингвистическое качество.

Глава 2.

СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕМЕЦКОЙ СПОНТАННОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

2.1. О выборе синтаксической единицы анализа спонтанного диалогического дискурса

Результаты исследований разговорной речи [Шведова, 1960; Земская, 1968; Riesel, 1970; Скребнев, 1971; Сиротинина, 1974; Лаптева, 1976; Ширяев, 1981; Поликарпов, 1990, 2000, 2013; Литневская, 2011; Белоусов, 2016; Чжэн, 2019 и др.] свидетельствуют о значительных различиях в синтаксической структуре некодифицированной устной разговорной речи и кодифицированных письменных текстов.

В исследовании синтаксической структуры спонтанной речи в первую очередь решается вопрос о выборе единицы анализа исследуемого материала. Большинство лингвистов считают, что для адекватного описания синтаксиса спонтанной речи следует отказаться от тех правил, которые разработаны в рамках традиционной грамматики, где в качестве универсальной единицы синтаксиса принято считать предложение, так как предложение принадлежит системе языка, и его использование в качестве основной единицы анализа спонтанного текста вызывает большие трудности.

К такому выводу исследователи пришли не сразу, а лишь постепенно при рассмотрении проблемы членения спонтанного текста. В частности, в работах отечественных и немецких лингвистов по исследованию синтаксического строя разговорной речи в 70–80-е годы XX в. прослеживается тенденция к выделению в качестве основной единицы членения *предложения*.

В ряде работ наших лингвистов за основу берутся супraseгментные характеристики разговорного текста. Так, в частности Е.И. Ширяев [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981], О.Б. Сиротинина [Сиротинина, 1974] и др. подчеркивают, что существует один формальный критерий для сегментации разговорных текстов – именно интонация, с помощью которого может быть осуществлено полное и непротиворечивое их членение.

В работе А. Вайса [Weiss, 1975] сегментация устного текста проводится на основании чисто синтаксических критериев. Сегментирование по интонационным признакам представляется автору невозможным, так как интонация признается лишь второсте-

пенным средством маркирования синтаксических единиц в устном тексте. Полученные в результате синтаксической сегментации единицы автор классифицирует как предложения с учетом контекста.

Такой же чисто грамматический подход к проблеме сегментации спонтанных текстов прослеживается в работе К. Леска [Leska, 1965].

Э. Гюлих также выделяет предложение как основную единицу, полученную в результате сегментации устного текста, однако определяет его уже как основную коммуникативную единицу речи [Gulich, 1970].

Проблема сегментации устного текста наиболее последовательно решается в работе Р. Рата [Rath, 1979]. Определяя основную единицу анализа разговорного текста, автор исходит из положения, что между письменным и устным языком не существует различий на уровне системы, используются одинаковые правила построения предложений, однако их реализация приводит к различным результатам, что особенно четко проявляется в сфере членения. Если для письменного языка основной единицей является предложение, то для устной речи это коммуникативная единица – *высказывание* (*Äußerungseinheit*). Грамматическое членение отражает внутреннюю организацию языкового знака, тогда как коммуникативное членение проводится с учетом его внешней организации. Иногда границы предложения и высказывания совпадают, в других случаях имеются расхождения: единица высказывания может быть меньше предложения или включать в себя несколько предложений. Р. Рат выделяет сигналы членения разговорного текста, подчеркивая при этом, что рассматриваемые им средства членения выполняют в рамках разговорного текста и другие функции. Одним из основных суперсегментных средств сегментации устного текста является, по мнению автора, интонация. Членение текста осуществляется также посредством пауз, определяющих границы коммуникативных единиц. Членение устного текста может осуществляться и с помощью определенных лексических средств, которые в этом случае в значительной степени десемантизируются. На границу единицы высказывания может указывать и нарушение правильной формально-синтаксической связи между элементами высказывания (анаколуфы), маркирующие начало следующего высказывания.

На специфический способ синтаксической сегментации бытовых диалогов указывают в своих работах также R. Mackeldey и

К.Н. Jäger, выделяя в качестве основной единицы анализа также высказывание (Satzäußerung) [Mackeldey, 1987; Jäger, 1976].

Выделение высказывания как лингвистического понятия, таким образом, связано с продолжением исследования функционирования языковых форм и, в частности, предложения в речи.

В зависимости от разных методов анализа и теоретических подходов отличие высказывания от предложения исследователи видят в объеме, структурном, содержательном и функциональном планах [Торсуева, 1979].

Высказывание считается единицей шире предложения. Оно охватывает предложение с относящимися к нему парцеллятами.

В некоторых теориях (дистрибутивная грамматика) высказывание есть либо законченный в смысловом отношении текст между паузами, либо единица уже предложения [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

При структурном подходе к высказыванию относят речевые образования, не укладывающиеся в обычную схему предложения (реплики в диалоге).

При содержательном подходе отличие высказывания от предложения видят в том, что оно в дополнение к структурно-семантической схеме предложения (и совпадая с ней) включает модально-коммуникативный аспект, проявляющийся, прежде всего, в интонации и актуальном членении предложения [Торсуева, 1976, 1979].

В данной интерпретации высказывание приближается к понятию фразы у С.О. Карцевского и А.М. Пешковского [Карцевский, 1928; Пешковский, 1956].

При функциональном подходе высказывание определяется как речевая единица, которая может быть равновеликой предложению, но рассматривается в речи, в непосредственной соотнесенности с ситуацией.

В связи с развитием лингвистики речи и семантического синтаксиса многие элементы предложения, которые ранее трактовались как специфика высказывания, стали интерпретироваться как аспекты самой структуры предложения, его синтаксической категории. Поэтому возникла тенденция противопоставлять не предложение высказыванию, но в самом предложении различать две стороны: структурно-семантическую схему (модель) и ее реализацию в виде высказывания [Торсуева, 1979]. Первая отвечает уровню сигнификата предложения, второе – его денотата.

Основной особенностью высказывания является ориентация на участников речи. Высказыванию свойственна ситуативность, но одновременно и избирательность, поскольку не все элементы ситуации обозначаются вербально, в связи с чем в высказывании возникает компрессия его структуры [Пешковский, 1956; Ванников, 1979; Торсуева, 1976].

Наряду с высказыванием выделяется такая единица сегментации устных спонтанных текстов, как *фраза* [Карцевский, 1928; Щерба, 1948; Пешковский, 1956 и др.].

В лингвистической литературе интерпретация фразы также не получила однозначного толкования. А.М. Пешковский понимает под фразой любой отрезок речи от одной разделительной паузы до другой, независимо от того, из скольких предложений он состоит. Противопоставляя фразы и предложения, он считает их единицами различной природы: предложения это синтаксические единицы, а фразы – интонационные: «Таким образом, основной интонационной единицей речи является не предложение» [Пешковский, 1956, с. 459]. «Интонационным единством» он называет фразу [там же, с. 460].

По определению Л.В. Щербы, «синтагмы... в конце концов образуют фразу – законченное целое, которое может состоять из группы синтагм... и которое нормально характеризуется конечным понижением тона» [Щерба, 1948, с. 86].

С.О. Карцевский, исследуя фонологию фразы, пишет: «... наша речь состоит из высказываний и каждому сколько-нибудь законченному высказыванию соответствует особая фраза» [Карцевский, 1928, с. 12].

Противопоставляя фразу и предложение, С.О. Карцевский отмечает, что фраза не должна обязательно иметь форму предложения. Подчеркивая фонетический характер фразы, он называет ее «единицей актуальной коммуникации» [там же]. Она не обладает собственной грамматической структурой, а лишь особой звуковой структурой, заключающейся в ее интонации. Именно интонация создает фразу. По его мнению, любое слово или сочетание слов, любая грамматическая форма, любое междометие могут, если того требует ситуация, служить единицей коммуникации, т.е. быть фразой. Предложение, по С.О. Карцевскому, есть грамматическая единица, строго определенная, и ее нельзя отождествлять с фразой [Карцевский, 1928].

Интонационную основоположенность фразы подчеркивают и другие исследователи [Златоустова, Потапова, Трунин-Донской, 1986].

Таким образом, многие лингвисты сходятся во мнении, что в создании фразы главная роль принадлежит интонации. Фраза может соответствовать предложению, которое характеризуется формальными синтаксическими признаками (например, предикативностью), однако интонация превращает во фразу и последовательность слов, предложением не являющуюся, например при речевом парцелировании синтаксической структуры.

По мнению И.Ф. Вардуля, фраза является наивысшей языковой единицей. Она относится к супрасинтаксическому ярусу языка [Вардуль, 1977].

Р. Дроммель считает, что результатом членения устного разговорного текста является фраза, которая определяется им «как часть текста, выделяемая с помощью ограничивающих пауз вне зависимости от того, из скольких предложений она состоит» [Drommel, 1974, с. 48] [перевод наш. – Э. Я.]. Фразы, согласно Р. Дроммелю, могут состоять из нескольких предложений, а могут и вообще не образовывать предложения.

На несовпадение границ коммуникативной единицы речи – фразы с границами коррелятивной синтаксической единицы языка – предложения указывает Ю.В. Ванников [Ванников, 1979]. По его мнению, в одной фразе может реализоваться сразу несколько предложений, и одно предложение может быть реализовано несколькими фразами (речевая парцелляция синтаксической структуры).

На своеобразное преломление синтаксических категорий в «разговорном» предложении указывает В.Д. Девкин, называя его «сентенсоидой», образованием особого рода, тяготеющим к предложению «больше, чем к какому бы то ни было другому явлению синтаксиса» [Девкин, 1974, с. 65]. Однако при явном перевесе общих черт с предложением их можно считать «предложениями лишь условно» [там же].

О так называемой «коммуникативной форме предложения» (КФП) как основе для построения высказывания говорит Л.М. Михайлов [Михайлов, 1994, с. 11]. Его определение КФП базируется на следующих положениях: в языке наряду с парадигмами на лексическом и морфологическом уровнях существует и синтаксическая парадигма как совокупность, форма и вид функционирования предложений в речи.

Составляющими синтаксической парадигмы являются КФП, занимающие срединное положение между моделью предложения

(Satzmodell, Satzmuster) и высказыванием (Äußerung). В ходе речевого общения происходит регулярная реализация модели предложения. Иными словами, КФП является «трамплином» для перехода синтаксической модели предложения в определенных ситуативных условиях в высказывание. В формальном выражении КФП и высказывание могут совпадать и не совпадать. КФП принадлежит системе языка, высказывание – речи [Михайлов, 1994, с. 12].

В настоящее время стало ясно, что язык не ограничивается одной коммуникативной единицей. Ведь коммуникативная функция реализуется во множестве типов и форм речи. Отсюда вытекает необходимость наличия множества коммуникативных единиц, обслуживающих различные сферы общения. В число возможных коммуникативных единиц включаются: предложение [Арутюнова, 1976; Admoni, 1987], фраза [Карцевский, 1928; Пешковский, 1956; Ванников, 1979], высказывание [Лаптева, 1976; Торсуева, 1979; Ширяев, 1981], сложное синтаксическое целое [Солганик, 1991], сверхфразовое единство [Лосева, 1969], диалогическое единство [Бружайте, 1972; Сергеев, 1986; Тиселько, 1987; Михайлов, 1986, 1994], текст [Севбо, 1969; Лотман, 1970; Москальская, 1981; Каменская, 1991], дискурс [Борботько, 1981; ван Дейк, 1989] как высшая коммуникативная единица. Л.М. Михайлов в связи с этим замечает: «Совершенно очевидно, что инвентарь коммуникативных единиц языка и речи окончательно не определен» [Михайлов, 1994, с. 14].

Что касается спонтанного диалога, то он как форма речи состоит из реализаций диалогических форм предложений (ДФП) [Михайлов, 1994]. ДФП значительно отличается от монологической формы предложения как по своим формальным, так и семантическим особенностям.

Исследователи давно обратили внимание на формальные характеристики ДФП. Л.М. Михайлов называет компоненты диалога, выделенные ранее другими лингвистами: «эквивалент предложения», «кусочек предложения», «предложение лишь условно», «обрубок предложения» и т.д. [Михайлов, 1994, с. 147–148].

По его мнению, подобная трактовка формально-грамматической, а следовательно, и функциональной сущности ДФП связана с тем, что реализуясь в речи, они обнаруживают значительное структурное своеобразие, и что до сих пор нет единой точки зрения в понимании предложения, его объема, границ, и особенно его функционально-стилистических реализаций.

Спонтанный диалог как доминирующая форма реализации разговорной речи предполагает наличие ряда условий и признаков коммуникации. Совокупность этих предпосылок и условий делает возможным и одновременно необходимым «своеобразное преломление (структурное, функциональное) предложения как единицы языка». Диалог как вид и форма речи и одна из самых существенных форм реализации языка имеет свой «инвентарь предложений» [Михайлов, 1994, с. 148].

Основной особенностью разговорной речи, определяющей ее синтаксические характеристики, является тенденция к преобладанию значения функции над значением структуры, т.е. превалирование семантического плана высказывания над синтаксическим (плана содержания над планом выражения) [Скребнев, 1971; Лаптева, 1976; Rupp, 1965; Müller, 1975]. Концентрация говорящего на содержательной стороне высказывания и быстрый темп его реализации приводят, как правило, к нарушению определенных синтаксических правил, к синтаксической невыраженности определенных категорий. Лишь ситуативный контекст предоставляет слушающему возможность декодирования и интерпретации такого высказывания [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981; Михайлов, 1986, 1994; Müller, 1975; Weiss, 1975].

Таким образом, для того, чтобы адекватно определить синтаксическое своеобразие спонтанной речи, следует рассматривать отдельные речевые отрезки с учетом данных о говорящем, слушающем, речевой ситуации. Синтаксическое оформление высказываний зависит также от намерения говорящего, что, в свою очередь, определяется речевой ситуацией [Михайлов, 1994; Zimmermann, 1965].

Однако выявление синтаксического своеобразия спонтанной речи не может ограничиваться только рамками самой разговорной речи. Выявление специфических характеристик синтаксической структуры разговорной речи неизбежно предусматривает обращение к кодифицированной речи в плане сопоставления синтаксических структур с целью определения специфики разговорной речи.

Данное заключение можно проиллюстрировать положением Ю.М. Скребнева, который, исследуя специфику разговорной речи, предлагает принять за точку отсчета между специфическими единицами в речи и их нейтральными аналогами в языке так называемую «нейтральную единицу», обладающую «нулевой специфичностью». Приняв за исходную форму нейтральную единицу, можно

констатировать, что отклонения от нее сводятся либо к усложнению ее структуры, либо к ее упрощению [Скребнев, 1971, с. 15–16].

Примером первой разновидности специфических черт (усложнение структуры) являются избыточные синтаксические средства (область экспликационной специфики): «Так, экспликация представляет собой игнорирование говорящим узуально существующего (в нейтральной области) значения языковой единицы, следствием чего является функциональная перегрузка плана выражения – пересыщение данного содержания добавочными формальными средствами» [Скребнев, 1971, с. 15–16]. Примером второй разновидности специфических черт спонтанной речи является невыраженность подразумеваемых синтаксических значений (область импликационной специфики): «Импликация, напротив, заключается в оценке содержательно недостаточной единицы (применительно к нейтральной языковой области) как адекватной и, таким образом – в функциональной перегрузке данной единицы плана выражения (сверх узуального) содержанием: иначе говоря, импликация есть переоценка содержательных возможностей данной формы» [Скребнев, 1971, с. 16]. Следствием невыраженности синтаксических значений спонтанной речи является упрощение структуры высказывания.

Данная точка зрения как нельзя точно, на наш взгляд, отражает синтаксические характеристики спонтанного диалога, когда процесс формирования мысли происходит синхронно с процессом порождения речи, как бы «на ходу», что неизбежно ведет к нарушению синтаксических норм, к эклектическим, пестрым синтаксическим формам, к избыточным или, наоборот, упрощенным структурам.

Выше было сказано, что диалог имеет свой «репертуар» синтаксических конструкций. Этот набор включает диалогические формы предложения (ДФП), которые обнаруживают: а) полную реализацию языковой модели (вербализацию всех ее компонентов); б) частичную реализацию языковой модели; в) избыточную реализацию языковой модели, г) модели, свойственные только диалогу.

Таким образом, анализ различных точек зрения относительно специфики синтаксической структуры разговорной речи дает основание для заключения о том, что до настоящего времени нет единого подхода к решению названной проблемы. Однако, по нашему мнению, наиболее четко отражающими специфическую сущность структурной организации разговорной речи и, в частности диалогической речи, являются концепции Ю.М. Скребнева и Л.М. Михайлова.

Приемлемым считаем также мнение В.Д. Девкина о преломлении предложения в разговорном контексте. Их понимание структурных конструкций синтаксиса разговорной речи соотносится с нашим звучащим текстовым материалом спонтанной диалогической речи.

В нашем исследовании, посвященном изучению влияния особенностей синтаксиса языка на хезитационную сегментацию спонтанного высказывания, мы будем опираться на термин Л.М. Михайлова «диалогические формы предложения» (ДФП), понимая под этим набор, инвентарь синтаксических моделей, которые при реализации в определенных коммуникативных условиях получают в спонтанной диалогической речи специфическое преломление в виде высказывания (фразы). Выбор ДФП для синтаксического анализа представляется удобным в связи с тем, что в дистрибутивном анализе нашего экспериментального материала мы опираемся на структурно-синтаксические факторы.

В качестве исходной, «нейтральной» точки отсчета в нашей работе принята полная синтаксическая конструкция¹, которая хотя и является нормой кодифицированной речи, довольно распространена и в спонтанной. На большую частотность полных конструкций в разговорной речи указывали многие лингвисты [Лаптева, 1976; Михайлов, 1986, 1994; Шекасюк, 1984 и др.].

Выбор такой стратегии не случаен, так как разговорная специфика потому и ощущается, что она обнаруживается в сопоставлении с нейтральным (ср. точку зрения Ю.М. Скребнева о «нулевой единице»). Следовательно, как отмечает В.Д. Девкин, вне противопоставлений с «нулевым или инакостилевым» описать «разговорность» невозможно. Часть разговорных явлений вступает в синонимические отношения с неразговорными, другая часть «разговорного оказывается функционально монополизированной» [Девкин, 1974, с. 65] и безраздельно господствует в определенных условиях (стабильные диалогические структуры, неглагольные императивы, эмоциональные реакции и т.д.).

Неполные синтаксические конструкции, т.е. конструкции с «упрощенной синтаксической структурой» и конструкции с избыточными элементами, т.е. конструкции с «усложненной синтакси-

¹ Под полными конструкциями в нашей работе понимаются полные завершенные ДФП, основными структурными чертами которых являются двусоставность, номинативность, глагольность.

ческой структурой», по терминологии Ю.М. Скребнева, в работе рассматриваются как отклонения от «нейтральной единицы».

2.2. Синтаксические средства реализации основных характеристик немецкой спонтанной диалогической речи

Разговорная речь обладает специфическими произносительными, лексическими и синтаксическими особенностями. «Вне специфического синтаксиса разговорная речь немыслима. Необычайно пестрая и разношерстная картина разговорных явлений с трудом поддается обобщениям и сложна для описания» [Девкин, 1974, с. 56].

Лингвистами предпринято немало усилий, чтобы решить эту задачу. Весьма продуктивными оказались их стремления описать отдельные типичные для разговорного синтаксиса черты (парцелляция, повторы, вопросно-ответные единства, синтаксические идиоматизмы, различного рода отклонения от полноты, избыточность и т.д.) [Арutyонова, 1970; Астафьева, 1964; Бабайцева, 1968; Валгина, 1964; Дмитриева, 1966; Глаголев, 1967; Головкина, 1964; Егоров, 1967; Ковин, 1965; Косилова, 1963; Малинович, 1966; Реунова, 1968; Голикова, 1986; Жирнова, 1989; Турсунов, 1993; Каминер, 1986; Поликарпов, 1990, 2000, 2013; Ермакова, 1992; Верхоломова, 2017; Кондаков, 2019; Leska, 1965; Rupp, 1965; Mackeldey, 1987; Naumann, 1989 и др.].

По линии проблемного «большого» синтаксиса разговорной речи также сделано немало, однако в силу сложности проблемы еще рано говорить о законченной целостной теории разговорного синтаксиса. В этом направлении ведутся поиски оптимальных вариантов решения данной проблемы.

Что касается исследования синтаксической организации спонтанной диалогической речи, то здесь накоплено уже немало сведений о парадигматических, структурных, семантических, функциональных и прагматических свойствах этой формы разговорной речи, однако в этой области синтаксис представляет пока ситуацию неиспользованных возможностей.

В связи с этим представляется возможным из большого числа изысканий в этом направлении выделить лишь наиболее крупную «точку приложения» лингвистического поиска. Внимание лингвистов

в настоящее время сосредоточено на исследовании синтактико-стилистических особенностей немецкого бытового диалога [Вайс, 1967; Ермакова, 1992; Михайлов, 1994 и др.] и в связи с этим на особенностях проявления в разговорной речи двух противоположных тенденций: тенденции к экономии языковых средств и тенденции к их избыточности [Глаголев, 1967; Девкин, 1974; Каминер, 1986; Поликарпов, 1990, 2000; Головач, 2011; Вишнякова, 2015; Ибраева, 2016] или «экспликации и импликации» [Скребнев, 1971, с. 15–16], как воплощения основных стилевых черт спонтанной диалогической речи – «краткости и пространности» [Яценко, 1966, с. 87; Лисник, 2009].

Ни в коем случае не претендуя на полноту, поскольку основной целью нашего исследования является не синтаксис, а лишь некоторые его особенности в немецком языке, влияющие на hesitationную сегментацию спонтанного высказывания, остановимся поэтому лишь на описании некоторых особенностей синтаксической организации немецкого спонтанного диалогического текста, взяв в качестве основы для описания его основные стилевые характеристики – непринужденность, эмоциональность, краткость и пространность.

2.2.1. Синтаксические средства реализации непринужденности и эмоциональности

Выше рассматривались основные характеристики спонтанной речи, отмечалось, что отличительной чертой спонтанной речи в ее диалогической форме является непринужденный эмоциональный характер.

О языковом воплощении этих характеристик спонтанного диалога имеются отдельные работы [Wunderlich, 1894; Zimmermann, 1965; Михайлов, 1994 и др.]. Именно непринужденный спонтанный характер порождения диалогической речи является причиной конституирования в ней специфичных диалогизированных синтаксических построений. Живой, эмоциональный, неподготовленный характер общения порождает «сегментированный» [Каминер, 1985, с. 40] характер диалогического высказывания с «квантовой» [Михайлов, 1986, с. 9; Полянская, 1990, с. 27; Ермакова, 1992, с. 17] подачей мысли. Механизм диалогичности накладывает свой отпечаток на своеобразный синтаксический рисунок спонтанного диалога. Синтаксически необычными можно считать различные виды прерываний: самопрерывания и перебивы одного собеседника другим; само-

подхваты и подхватывания начатой мысли собеседником; изменение «начатого плана» [Яценко, 1966, с. 69] высказывания, различные виды эмоциональных реакций, элементы несвязной речи как результат спонтанного обдумывания или выражение эмоций и другие особенности.

2.2.1.1. Реализация двусоставной формы в реагирующей реплике

В спонтанном диалоге с его характерными экстралингвистическими и лингвистическими характеристиками имеются, казалось бы, все предпосылки для «сплошной эллиптизации» [Михайлов, 1994, с. 187] формы высказывания. Однако тенденция к завершенности конструкции достаточно последовательно проявляет себя и в диалоге.

Реализация языковой модели в виде полной двусоставной формы обусловлена особенностями диалогического контекста, рядом реализуемых в спонтанном диалоге функций языка.

В связи с этим интерес представляет реализация двусоставности в реагирующих репликах диалогических единств, которые, как правило, имеют эллиптизированную структуру. Исследователи связывают появление полнооформленности с причинами эмоционального порядка.

Реагирующая реплика оформляется двусоставным предложением:

1. Для создания экспрессии:

– Träumen können Sie mindestens?

– Träumen! Träumen kann ich, ja ich kann träumen!!¹

2. При эмфатическом выделении рематического компонента диалогического единства. В таких случаях в качестве компонента его семантической структуры обязательно представлено эмоциональное значение:

– Aber ich...ich war von diesem jungen Mann sehr angetan!

– Ja, sehr feines Deutsch hat er gesprochen!

3. Если партнер отклоняет синтаксическую модель иницирующей реплики и избирает другую синтаксическую программу:

¹ Все примеры, приводимые в данной главе и далее, взяты из нашего экспериментального материала. Они не подвергались грамматическому корректированию, согласно синтаксическим нормам кодифицированного языка, с целью показать все возможные отступления от синтаксической нормы при речевом спонтанном генерировании.

- Wie war der Flug? Wie war der Flug?
- Ich habe noch nie ein' so guten Flug gehabt!

Выделяемые исследователями и другие причины реализации двусоставности в реагирующей реплике, не связанные с выражением эмоций, мы исключаем из рассмотрения.

2.2.1.2. Инверсированный порядок слов и присоединительная связь

Порядок слов в спонтанной диалогической речи – многообразное и полифункциональное явление.

Диалогическая речь, порожаемая двумя партнерами, с такими характеристиками, как спонтанность, непринужденность, эмоциональность, особая модальность, особое тема-рематическое членение, безусловно, обнаруживает ряд особенностей и порядка слов, которые свойственны только этой форме речи. Здесь наблюдаются смещения членов предложения с «нулевых позиций» [Ширяев, 1966, с. 100–101].

I. Исследуемый материал выявляет преимущественный сдвиг ряда членов предложения с их «нулевых позиций» в препозицию. В этом проявляется тенденция начать высказывание с главного, с ядра, с того, что говорящего в данный момент больше всего интересует или волнует. В современном языкознании инверсированный порядок слов рассматривается как субъективный или эмоционально-мотивированный. В непринужденной обстановке общения создаются все предпосылки для такого выражения мысли вслух, когда явно ощущается отношение говорящего к предмету разговора.

В рамках актуального членения предложения выдвинутый в препозицию член предложения выражает «новое», цель сообщения, а сам порядок слов по схеме «новое-данное» рассматривается как эмфатический [Boost, 1955; Крушельницкая, 1961; Распопов, 1973; Ковтунова, 1976; Крылова, 1992; Фадеева, 2015; Юнкова, 2019].

Показательны в этом отношении различные виды субъектно-предикатной инверсии, которая может, в частности, выражаться:

1) в препозиции предикативной части сказуемого в функции выделения, подчеркивания мысли, ее противопоставления ранее высказанной и т.д.

- a) Ein völlig formales Kriterium war das!
- b) Ein amerikanisches Stück war das!

2) в препозиции неспрягаемой части сказуемого: Partizip II, инфинитивной части сказуемого:

а) – Hast du ihn schon einmal gesehen?

– Gehört hab' ich ihn.

б) – Es war also wie ein Schlag in die Magengegend?

– Verknusen konnte ich...konnte ich also die ersten 2–3 Wochen überhaupt nicht!

3) возможны и другие виды инверсии с препозицией дополнения или обстоятельства:

– Nee, also der eine Mann...

– Rechts saß der?!

Инверсированный порядок слов в реагирующих репликах, выражающий эмоционально-смысловую реакцию на сказанное, является типичным случаем для диалога. Однако рассмотренный принцип конструирования высказывания наблюдается и в иницирующих репликах диалогических единств как выражение реакции на внеречевую ситуацию:

– Studiert hast du hier, in Moskau, an der Lomonossow Universität?

– Ja, stimmt.

II. Подвижность членов предложения проявляется в непринужденном разговоре и в выносе их за рамку, в конец предложения, в результате чего объем предложения, охваченного рамкой, сокращается в случаях так называемой «неполной рамки», характерной для разговорных конструкций:

– Herzlich willkommen in Moskau!

– Ja, da bin ich auch schon, und das ist sehr schnell alles gegangen durch die Kontrolle.

Вполне очевидно, что во всех случаях «разрыхления» (Auflockerung) рамочной конструкции [Riesel, Schendels, 1975] большую роль играют причины семантического и эмоционального порядка: таким путем легко выделяются семантически и эмоционально наполненные части высказывания.

Помимо этого, тенденция к вычленению за рамку объясняется в известной степени ограниченными возможностями человеческой памяти в восприятии на слух большого количества речевых единиц. Происходящее при неполной рамке членение предложения на ряд семантических групп облегчает, естественно, восприятие на слух.

Кроме того, в спонтанной диалогической речи со свойственным ей ускоренным темпом и обдумыванием на «ходу» отдельные

синтаксические части высказывания могут оказаться за его рамкой в качестве добавления к сказанному.

III. Лингвистическая специфика непринужденной диалогической речи проявляется, кроме того, в употреблении порядка слов повествовательного предложения в конструкциях вопросительного характера. Сообразно норме письменной речи такой порядок слов может быть назван «вторичной инверсией» [Яценко, 1966, с. 60] уже инверсированного порядка слов в вопросительном предложении по сравнению с повествовательным (неместоименный вопрос).

При диалогическом общении в непринужденной обстановке такого рода вопросы могут выражать различные эмоциональные и семантические оттенки:

1. В случаях эмфазы, при выражении иронии, удивления; в споре, где акцентируемый член предложения выдвигается говорящим на первое место:

– Nun hab' ich ein Jahr Aspirantur bekommen.

– Ein Jahr? Also, mehr könntest du nicht bekommen?

2. В вопросительных предложениях уточняющего характера. Своеобразным сигналом таких предложений являются слова: «also», «ja».

a) – Aber du hast früher also 4 Jahre in Moskau gelebt oder 5?

– Nein, ich habe 4 Jahre in Moskau gelebt, weil ich das 1. Studienjahr in Kasan absolviert habe.

b) – Ja, Michael. Du heißt Michael, ja?

– Ja.

Наконец, в предложениях, граничащих с восклицанием как реакцией на сказанное, за счет чего усиливается эмоциональный тон высказывания, почти всегда насаивающийся на непринужденность в спонтанном диалоге:

– Ich hab' Moskau nicht gern. Ich glaub', dass es eine seelenlose Stadt ist.

– Moskau ist eine seelenlose Stadt?!

IV. В непринужденной диалогической речи наблюдаются явления «слабооформленности» высказывания [Каминер, 1986, с. 5], возникающие в результате его расчлененности. Ослабление грамматической связи отмечается в сегментированных присоединительных, парцеллированных конструкциях. Это происходит потому, что мысль подается в процессе ее рождения, ее постепенного оформления. В результате этого высказывание состоит из сегментов, представляющих собой различного рода добавления, поясне-

ния предыдущих отрезков высказывания или их конкретизацию. Данное явление также представляет собой общую тенденцию современного немецкого языка к разрыхлению структуры предложения, ослаблению синтаксических связей. Такой характер связи называется присоединением. Термин «присоединительные конструкции» интерпретируется в лингвистике по-разному. В некоторых работах он понимается широко и включает в себя понятие парцелляции [Гаврилова, 1969; Соколова, 1977; Трошина, Петрова, 2019]. Иногда присоединительные конструкции выделяются как разновидность обособления [Паламарчук, 1976], некоторые лингвисты рассматривают данное синтаксическое явление как добавочную информацию к основной конструкции [Каминер, 1986; Голикова, 1986; Турсунов, 1993; Фадеева, 2016].

В исследованиях по этому вопросу заметно стремление рассматривать присоединительные конструкции, т.е. добавочные высказывания, подключенные к основному предложению в процессе речи, как третий вид связи, отличный от сочинения и подчинения и как типичное проявление речевого синтаксиса [Валгина, 1964; Шафиро, 1965].

М.Е. Шафиро рассматривает сущность присоединения в аспекте коммуникативного членения высказывания. Факт появления добавочных компонентов к сказанному объясняется возникновением нового коммуникативного задания в связи с необходимостью дополнить или уточнить высказанную мысль или же передать отношение говорящего к ней. Последним обстоятельством объясняется эмоциональная насыщенность присоединительных конструкций.

Появление дополнений и уточнений к высказанному объясняется некоторой свободой манеры говорения, некоторой сниженностью степени концентрации мысли по сравнению со сферой официального общения [Яценко, 1966; Mackeldey, 1987]. В результате этого говорящим вкладывается в высказывание не все его содержание сразу, а подключается к нему добавочно в процессе речи как результат возникновения нового коммуникативного задания.

Лингвистами отмечается неоднородность присоединительных элементов относительно степени их синтаксической спаянности с предшествующим предложением. На основании этого различаются присоединительные члены предложения и неполносоставные предложения [Шафиро, 1965; Турсунов, 1993; Федотова, 2003].

В спонтанном диалоге присоединительные конструкции широко представлены как в границах одной и той же реплики, так и в смежных

репликах. В последнем случае они, как и повторы, могут рассматриваться как конструктивные единицы диалога [Шведова, 2003].

1. Присоединение элемента к основному высказыванию как отдельного члена предложения или целого предложения в пределах одной реплики носит характер уточнения, добавления:

a) Was macht der Kleine da in Hamburg? Mein neuester Neffe.

b) Da Christiane is' ja jetzt erst nach 2 Monaten zurückgekommen.

Aus Peru.

c) Sonntag können wir zu anderen Bekannten. Zu einer Lehrerin. Zu deren Freunden, die ich aber selbst noch nicht kenne.

2. Присоединение придаточного предложения в смежной реплике является сугубо диалогической разновидностью присоединения:

– Aber warum bist du denn eigentlich am Eisenbahninstitut?

– Weil normale Instanz für solche Geschichten wäre das Puschkininstitut.

Сегментированный характер диалогического высказывания проявляется также в употреблении парцелированных конструкций, т.е. таких конструкций, в которых содержание реализуется не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы:

– Wie war der Flug? Wie war der Flug?

– Wenig Passagiere. Vielleicht 20 insgesamt. Und eigentlich auf jeden kam' 6 Plätze. Ich saß am Fenster. Über den Flügeln.

V. Непринужденный характер спонтанного диалога воспринимается также через употребление типичных именно для данных условий общения восклицательных предложений со свободным расположением частей сказуемого (т.е. на первом или последнем месте). Своеобразный порядок слов передает в них субъективное отношение к высказыванию или к происходящему: иронию, восхищение, радость, раздражение и т.д. в повышенной степени.

Если же восклицательное предложение сопровождается употреблением лексических средств языка (междометий, знаменательных частей речи), утративших функцию называния, а также вопросительных слов, теряющих вопросительное значение и играющих роль усилительных слов, то эмфатичность восклицательных конструкций повышается.

1. Восклицательное предложение со спрягаемой частью сказуемого на первом месте реализует модель вопросительного предложения:

– Und da kam ich ins Träumen. Symbolisch rauschte so mein Leben vorüber...

– Oh! Oh! Ist's ja toll!

2. Предложения со значением экспрессивной оценки, субъективно-модального отношения к содержанию высказывания:

Ich kenne eine reizende Dame, die dort studiert. Hat aber überhaupt keine Ahnung von der Grammatik, kann... konnte... kann keine Konstruktion benennen und kann auch nicht schreiben!.. und... Oh! Gott! Wie sie liest!

Рассмотренные синтаксические явления, придающие спонтанному диалогу живость, легкость, непринужденность, насыщают его эмоционально благодаря типичным для данной сферы общения способам расположения членов высказывания. Постоянно возобновляющееся появление перечисленных синтаксических моделей в живой диалогической речи позволяет сделать вывод об их соответствии нормам построения высказывания в непринужденных условиях общения.

2.2.1.3. Виды прерываний высказывания

Здесь речь пойдет об очень характерных синтаксических явлениях, передающих непринужденный характер спонтанного диалога.

Их воспроизведение в спонтанной диалогической речи объясняется набором тех же экстралингвистических факторов, которые порождают рассмотренные своеобразные синтаксические модели относительно порядка слов в них.

I. Обращает на себя внимание широкое употребление в спонтанном диалоге прерывающих высказывание парентез, под которыми понимаются вводные слова, словосочетания и отдельные предложения, включаемые говорящим в высказывание под влиянием случайно возникших у него ассоциаций.

Исследователи рассматривают вводные элементы как синтаксически независимые структуры в предложении, план которого они нарушают, создавая «впечатление двуслойности» [Ризель, 1962, с. 80], или как полифункциональные избыточно-усложненные конструкции [Жирнова, 1989].

Парентезные включения играют ведущую роль в создании экспрессивно-стилевой атмосферы вокруг всего высказывания:

1. Интерес представляют «вставки с моментом диалога» [Ризель, 1962, с. 81], т.е. вызывающие непосредственную реакцию со стороны собеседника:

– Also, das ist bei dieser Riesenstadt wirklich ein Problem... Das ist... Das schafft man gar nicht...

– Ja, aber ich denk'... ja, ich wollte nicht dazwischenreden, aber ich denk', dass es auch so ist, dass man gar nicht alles verstehen kann.

Видимо, причиной появления данного включения можно считать осознание собеседником желания говорящего не быть прерванным.

2. Пример с серединой парентезой в значении подтверждения высказанной мысли:

– Ja, ach! Da wollte ich dir noch von den Eltern noch erzählen. Sie sind jetzt wieder...

– Ach! Aha! Aha! Ich weiß, sie waren, jetzt fällt's grade ein, in Südamerika, oder...?

3. В одной фразе может быть несколько вводных элементов, выполняющих роль хезитационных периодов, перемежающихся с невербальными заполнителями:

– Und das hat zur Folge...das sind, sozusagen öö ff, sagen wir mal, mm aa Fakultäten, übergreifende Lehrstühle.

II. Другие виды нарушения первоначально задуманного говорящим плана высказывания, также характерные для непринужденного диалогического общения, могут быть рассмотрены как явления апозиопезиса.

Необходимо уточнить понимание этого явления относительно его функционирования в спонтанном диалоге:

1. Внезапный обрыв говорящим собственной речи вследствие нахлынувших чувств, колебания, внезапно озарившей мысли и т.д.

1) Und mittlerweile find' ich das nach 3 Monaten so trotz des Chaos so fantastisch und angenehm, dass... ach!..

2) Ich bin gar nicht so in der Gruppe drin dass ich da keinen Kontakt zu Russen kriege oder so...ich...ja...lassen wir das!

2. Типичное именно для диалога прерывание говорящего другим собеседником:

а) высказывание, начатое коммуникантом А и прерванное коммуникантом В, остается незаконченным:

А: Ja, die ältere Frau...

B: Ja, ja nur... was ich... was mich erstaunt, ist, ich meine, du hörst bei manchen wirklich noch, dass sie Schwierigkeiten haben, die Konsonanten hintereinander so zu verschleifen, wie wir das machen.

б) в другом случае собеседник А заканчивает мысль после прерывания ее собеседником В...

A: Jetzt, zum Beispiel, Mittwoch schon wieder Rüdiger, der hat...

B: Was ist mit Rüdiger?

A: ...der hat Geburtstag.

в) типичным для спонтанного диалога является такое нарушение структуры высказывания, при котором собеседник, прерывая высказывание партнера, как бы подхватывает его и заканчивает.

A: Und du hast du sicherlich schon viele Einladungen bekommen, nicht?

B: Ja, so viele nicht denn viele dieser Städte sind ja leider für mich...

A: Ja, geschlossen.

Таким образом, характерная особенность данных явлений объясняется тем, что говорящий строит свое высказывание постепенно: по мере его построения он может сам изменить первоначальную программу сообщения вследствие указанных выше причин, или же это делает его собеседник.

2.2.1.4. Фразеологизированные конструкции и элементы несвязной речи

В спонтанной диалогической речи обнаруживаются конструкции, отличающиеся по своему формальному составу от регулярных структур, а также элементы несвязной, сбивчивой речи. Очень часто, начиная высказывание, говорящий не планирует его конца. А так как его высказывание не имеет никакой синтаксической заданности, то в результате получается довольно аморфное образование, не поддающееся синтаксической квалификации. Пронизывая ткань спонтанного диалога, такие конструкции вносят в нее своеобразную струю естественности, эмоциональности, непринужденности.

I. Многочисленная группа эмоциональных высказываний диалогической речи может быть разбита на две подгруппы в зависимости от того, представляют ли они собой типизированные фразеологизированные (идиоматичные) построения, имеющие определенную модель, или это эмоциональные реакции говорящего, не базирующиеся на определенной модели, не имеющие релевантных

признаков типизированных конструкций. В первом случае можно говорить об узуальных эмоционально-оценочных конструкциях, а во втором – об окказиональных.

Узуально-эмоциональные конструкции строятся на основе определенной модели, имеют типизированную структуру:

Als ob ich das gewollt hätte! Was ich schon weiß! Na, was hab' ich davon!

Наибольший интерес представляют окказионально-эмоциональные высказывания. Они являются, прежде всего, аффективной реакцией говорящего на содержание реплики собеседника. В таких конструкциях нередко повторяется элемент из предшествующей реплики:

– Und es gibt Leute, die...die...die verstehen kein Wort fast.

– Ach Gottchen! Kein Wort verstehen!? Also es ist unmöglich, damit zu arbeiten!

Подобные эмоциональные реакции представляют собой окказиональные образования, рефлексия неожиданной информации, которая не может быть сразу понята и осмыслена собеседником.

II. Впечатление непринужденности, эмоциональности, небрежности создается также дополнительно при появлении в репликах партнеров элементов несвязной речи (окказиональное употребление):

– Und und mit dem Gepäck hat alles gut geklappt!?

– Das ging sehr schnell... Und ein sehr freundlicher Zollbeamter...nicht mal so sehr...was auch noch nicht vorge,¹..kommen war, dass man...ich...man...mal den Koffer aufzuklappen brauchte, und sagte dann noch «Всего хорошего, до свидания» sogar, na ja...

Несколько более широкое распространение имеют случаи нарушения функциональной и формальной взаимосвязи ведущих членов ответных реплик – так называемые некоррелирующие ответы, представляющие собой неопределенно-составные предложения [Михайлов, 1966].

– Apropos Plätze. Jetzt fällt mir was anderes ein: wie sind Sie hier untergebracht?

– Ah ja!...Internat...

Подобное конструирование ответа оказывается результатом несколько небрежного, но в данной сфере коммуникации распространенного способа оформления мысли говорящим.

¹ } – обозначение краткой внутрисловной hesitation в виде акустического нуля.

2.2.1.5. Явления субституции

В спонтанной диалогической речи большую роль играют явления субституции (замещения), такие как: прономинализация, провербализация, проадвербализация. Под замещением понимают использование одной языковой единицы вместо другой. Замещаемый компонент речевой цепи носит название «антецедент», а замещающие языковые единицы «анафоры» и «катафоры» [Михайлов, 1994, с. 197].

Прономинализация, т.е. процесс замещения определенных синтаксических позиций местоименными словами в диалоге, отражает общую тенденцию разговорной речи к предпочтению местоименных слов. Это явление создается непринужденностью диалогического общения и стремлением избежать повторения одних и тех же слов. «Значительна ее конструктивная функция, т.е. участие в оформлении структурного каркаса диалогического высказывания» [Михайлов, 1994, с. 196].

- Ja, wir haben auch eine Frau Förster in der Slawistik.
- Das ist die dann!!! Die war gerade hier für 3 Monate!!
- Die kennst du?
- Ja, die kenn' ich.

Провербальное замещение осуществляется с помощью глаголов «machen», «tun» – так называемых «провербов». «Провербы» [Михайлов, 1994, с. 196] сопровождаются местоимениями «das», «es», являющимися индикаторами замещения и составной частью анафорической структуры. В процессе замещения с помощью провербов дается повторная номинация глагольного действия:

- Man weiß ja selber, wissen Sie selber, dass man bei uns jetzt T-Shirts kauft mit irgendwelchen Hämmern und Sicheln drauf...
- Ja, ja das macht man...

Проадвербальное замещение имеет место в том случае, когда субстантивная группа, выступающая в функции дополнения или обстоятельства, т.е. антецедента, заменяется местоименным наречием, замещающим сочетание предлога с существительным [Михайлов, 1994, с. 199].

- Also, ich hab' nur negative Erfahrung eigentlich mit dem Dekanat und...na gut...lassen wir das...
- Hat's damit nicht geklappt?

Таким образом, процессы субституции выполняют в спонтанном диалоге конструктивную функцию, а также служат стилистическим целям.

2.2.2. Синтаксические средства реализации диалогической компрессии

Сочетание двух противоположных тенденций: 1) языковой экономии и 2) языковой избыточности в разговорной речи отмечалось лингвистами неоднократно [Wunderlich, 1894; Riesel, 1970; Яценко, 1966; Девкин, 1974; Глаголев, 1967; Скребнев, 1971; Михайлов, 1994; Коровкин, 2006; Лисник, 2009; Головач, 2011; Вишнякова, 2015; Становая, 2016; Ибраева, 2016 и др.].

Чтобы понять причину этого явления, необходимо принять во внимание ряд особенностей, отличающих разговорную речь от письменной. Тенденция к языковой экономии порождается, прежде всего, ярко выраженной ситуативной обусловленностью диалогической речи.

Это способствует значительному сокращению употребляемого в спонтанном диалоге языкового материала. То, что ясно из ситуации, вербально не выражается.

Тенденция к экономии языковых средств заложена в самой природе диалога. Его основное свойство реплицирование, способствующее непосредственной перемеживающейся форме общения, обеспечивает свойственный диалогической речи ускоренный темп, реализует потребность собеседников что-то быстро сказать друг другу.

Следует отметить, что тенденция к экономии вербального выражения передается всеми аспектами языка: фонетическим, лексическим, грамматическим, в том числе и синтаксическим.

2.2.2.1. Средства узуальной речевой экономии

В предыдущем разделе уже частично упоминались краткие синтаксические конструкции, которые также могут служить доказательством экономного способа выражения мысли при диалогическом общении. Так как мы предпочли рассмотреть их в связи с реализацией основных характеристик спонтанного диалога – непринужденности и эмоциональности, то далее при описании синтаксических средств, служащих для реализации языковой экономии в спонтанном диалоге, мы уже не будем останавливаться на

их описании. Подчеркнем лишь, что описанные конструкции выступают в двойной функции: в функции эмоциональной выразительности и функции языковой компрессии.

Одним из характерных свойств спонтанной диалогической речи, реализующих принцип языковой экономии, является употребление неполных конструкций. Изучению синтаксически неполных построений в немецком языке уделялось большое внимание, в результате чего в понимании этой проблемы достигнута значительная ясность [Ширяев, 1966; Вайс, 1964; Ковин, 1965; Дмитриева, 1966; Глаголев, 1967; Девкин, 1974; Михайлов, 1966, 1986, 1994; Полянская, 1990; Ермакова, 1992; Езан, Неборская, 2016; Кулаева, 2018; Раджабов, 2018 и др.].

Под неполными конструкциями понимается самостоятельный тип предложения, характерной особенностью модели которого является отсутствие в ней некоторых структурно необходимых элементов, которые могут быть легко восстановлены из речевого контекста или ситуации.

I. Примером неполной конструкции могут служить эллипсы.

Лингвисты выделяют в разговорной речи следующие виды эллипсиса: контекстуальный, ситуативный, а также основные типы эллипсиса: фрагментирование, эллипсис глагольной группы, эллипсис именной группы, сравнительный эллипсис, нулевая анафора дополнения и др. [Балли, 1961; Сковородников, 1978; Земская, 1988; Михайлов, 1994; Тутаришева, 2014; Силантьева, 2016; Зинган, 2020 и др.].

В спонтанной диалогической речи контекстуальный эллипсис является самым распространенным, опирается на предшествующий контекст и на однозначность коммуникативной ситуации.

Согласно коммуникативному членению высказывания, в усеченной реплике представлен коммуникативно наиболее нагруженный член сообщения [Михайлов, 1966]:

- Und aus welcher Stadt bist du denn eigentlich?
- Aus Kiel.

В ответе на вопрос может не называться и целое предложение (представляющее собой компонент сложноподчиненного предложения) в большинстве случаев главное; придаточное предложение, оторванное от него, передает все необходимое для ответа содержание:

- Und macht die Arbeit Spaß hier?
- Wenn ich also Fazit ziehe, ja.

Употребление в ответе сложноподчиненного предложения в его полной форме звучало бы неестественно.

Диалогические единства могут представлять собой целые цепочки усеченных реплик:

– Und für wie lange?

– Für 5 Wochen nur. Ach!!

– Für 7 Wochen?

– Für 7 Wochen. Hab' mich versprochen. Ja, für 7 Wochen.

Степень неполноты зависимых от речевого контекста элементов возрастает, если их составляют вопросительные слова, а также отдельные повторяющиеся элементы из структуры предшествующей реплики:

1) – Ich habe noch nie ein' so guten Flug gehabt.

– Wieso?

2) – Ja, einige Sehenswürdigkeiten von Moskau kenn' ich. Aber nicht alles.

– Nicht alles?

Итак, компрессия спонтанного диалога достигается, прежде всего, эллиптизированными конструкциями, обусловленными одним из основных механизмов диалогической формы общения – реплицированием.

Зависимость последних высказываний от предыдущих, выступающих в роли контекста, делает излишним повторение некоторых членов предложения или составных частей сложных предложений в других репликах диалогического единства.

Помимо чисто «диалогических эллипсов» [Яценко, 1966, с. 88] в спонтанном диалоге распространены неполные предложения, употребляющиеся в немецкой разговорной речи не только в реагирующих, но и иницирующих репликах диалога, т.е. их неполнота вызвана уже не влиянием речевого контекста, а характером «семантической наполняемости» [Яценко, 1966, с. 88] опущенных компонентов предложения. В таких предложениях отсутствуют главные члены или их компоненты с широким или нулевым лексическим значением, выраженные личными местоимениями, местоимением «es» в безличном или указательном значениях, глагол-связка «sein», вспомогательный глагол «haben», оборот «es gibt» и др., выполняющие в них формально структурную функцию. Семантически же нагруженные и, следовательно, важные в коммуникативном отношении части предложения вербализуются. Такие относительно самостоятельные неполные предложения со свойственной им устой-

чивой структурой употребительны, следовательно, не только в реагирующих репликах, но и в иницирующих.

Наиболее часто встречаются следующие виды неполных конструкций.

а) усеченные структуры иницирующих реплик с неназванным подлежащим, выраженным местоимением «es» в безличном или указательном значениях:

– Ist irgendwie toll!

– Ja, es geht mir auch so.

б) неполные конструкции с опущенным подлежащим, выраженным местоимениями первого или второго лица единственного числа, что также является нормой в спонтанном диалоге:

– Hätte gern mal zugehört wie es bei euch zugeht.

– Das ist leider...leider...

в) конструкции, в которых опущение субъекта часто сопровождается отсутствием глагола-связки или вспомогательного глагола, так что реплика может сводиться лишь к именной части:

– Furchtbar anstrengend!

– Ja, wirklich.

г) глагол-связка может отсутствовать и в субъектных структурах:

– Das ein ziemlich formales Prinzip.

– Ja das haut ja überhaupt nicht hin.

д) к числу устойчивых эллипсов в спонтанном диалоге относятся структуры с опущенным глаголом движения и обычно указанным обстоятельством места. Вспомогательный глагол становится в них носителем функции основного глагола. Существительное, обозначающее цель, на которую направлено действие, становится носителем глагольного значения. П.Ф. Монахов квалифицирует такие структуры, как «исторические эллипсы», представляющие собой полные конструкции в современном языке [Монахов, 1961, с. 8]:

– Na, wir wollen über die Maifeiertage nach Taschkent.

– Schön. Und ist das einfach technisch für Sie? Müssen Sie ein Visum beantragen dafür?

Спонтанный диалог пронизывают эллиптические структуры разных типов и являются ее нормой [Baumgärtner, 1959; Mackeldey, 1987], ибо замена их соответствующими полными конструкциями противоречит естественной коммуникации.

Часто употребление в спонтанном диалоге сокращенных структур приводит к возникновению языковых штампов, в которых

влияние речевого контекста уже вообще не ощущается: (Herzlich willkommen. Danke. Gut. Kommt nicht in Frage и т.д.).

II. К узואальным синтаксическим средствам диалогической компрессии относится и опущение некоторых соединительных элементов: подчинительных и сочинительных союзов. В живой разговорной речи бессоюзные конструкции более употребительны, чем союзные.

Так, в частности, в бессоюзных гипотаксисных построениях речевая эконофия создается за счет формальной невыраженности подчинения. Главное предложение содержит глаголы, требующие раскрытия своего значения в последующем контексте. Придаточное предложение, выполняющее эту функцию, имеет порядок слов самостоятельного предложения. Основная информация сосредоточена в зависимой части, а главное лишь вводит ее. Поэтому в рамках целого предложения главное и придаточное предложения образуют комплексную тему и комплексную рему:

Ich hoffe, wir gehen hier auch mal noch ins Theater.

Бессоюзная связь в спонтанном диалоге оказывается возможной также благодаря несложности выражаемого содержания, близости простых по своей структуре предложений, преобладание которых в спонтанном диалоге является нормой.

Асиндетон возможен: а) при сочинительной связи конструкций спонтанного диалога:

Die heißen nicht mehr «Alte russische Kochbücher»...die heißen «Перестройка – меню» oder irgend so'n Blödsinn;

б) при подчинительной связи часто отсутствует союз «dass»:

Aber ich hab' so einen Eindruck, du hast so verschiedene Aufgaben an verschiedenen Instituten.

Отсутствие союзов в данных конструкциях не затрудняет общение.

в) в бессоюзных предложениях со значением причинности асиндетон стирает грань между подчинительным союзом «weil» и сочинительным союзом «denn».

Ich hätte auch gern mal so Einblick bekommen in die...in deine Tätigkeit...das scheint ja sehr Verschiedenartiges zu sein.

2.2.2.2. Средства окказиональной и индивидуальной речевой экономии

Спонтанному диалогу свойственна также и так называемая окказиональная и индивидуальная экономия [Мехеда, 2017; Емельянова, 2019], которая распространяется лишь на определенный контекст, на определенную ситуацию [Riesel, 1970].

Этот вид экономии языковых средств находит свое выражение в кратких диалогических репликах, не поддающихся структурной типизации. Коммуникация осуществляется с помощью меняющихся в конкретном контексте групп слов, отдельных звеньев предложений или же только слов. Такой экономный способ передачи информации осуществляется под влиянием определенных экстралингвистических факторов; большую роль здесь играют паралингвистические средства, интонация, пресуппозиция, в результате чего говорящие понимают друг друга «с полуслова»:

– Und...? Ach ja! Ja, ja.

– Ja.

– Und was sag'sen?

– Ach, na, also...смех.

Лишь из расширенного контекста становится ясно, что заключено в приведенных репликах.

Окказиональная экономия языковых средств в спонтанном диалоге достигает своего «апогея», если их реализация сводится к нулю: это имеет место в тех случаях, когда реплика говорящего полностью заменяется невербальным выражением эмоциональной реакции:

– Und man kam also dann mit hängendem Magen und auf dem Zahnfleisch dann an...

– Uh! Uh!

К окказиональным средствам экономии выражения относится и апозиопезис. Являясь одним из средств реализации непринужденности и эмоциональности в спонтанном диалоге, он может выступать одновременно и в функции передачи компрессии мысли. Условия, при которых апозиопезис выступает как средство речевой «бережливости», совпадают с осведомленностью беседующих о предмете разговора, что приводит к мысленному завершению оборванного высказывания:

– Und wann?

– aff...ich fliege am 25.

– Juli? July?

– July...Juli. Dann fliegt die Dörte...

– Aha!

В других случаях «недосказы» могут быть продиктованы субъективными моментами: в случае, когда собеседник уходит от ответа или затрундется ответить на вопрос:

– Ist das noch gerecht?

– Ja, es is'...es is' eine Frage...

Здесь, конечно, не может идти речь об экономии выражения, так как мысль осталась не досказанной и не понятой собеседником. Под «экономией выражения» принято понимать «количественное отношение языковых средств к содержанию высказывания» [Ризель, 1962, с. 197].

Таким образом, даже на основании краткого рассмотрения синтаксических средств, создающих диалогическую компрессию, можно сделать вывод о том, что их количество, реализуемое в спонтанном диалоге, достаточно велико и весьма разнообразно.

Проявление тенденции к экономии языковых средств в спонтанном диалоге, выражающееся в невербализации ряда языковых единиц в речевой цепи, возможно на основе влияния экстралингвистических факторов, контекста, presupпозиции.

2.2.3. Синтаксические средства реализации пространности

2.2.3.1. Средства языковой избыточности

Мы уже отмечали наличие в спонтанной диалогической речи двух противоположных, но не исключающих друг друга тенденций: к языковой экономии и языковой избыточности. Существование этой полярности в спонтанном диалоге вполне объяснимо. Оно порождается, во-первых, определяющей чертой этой формы разговорной речи – непринужденностью, что выражается в частичном ослаблении контроля у говорящего над формой и содержанием высказывания. Во-вторых, здесь, безусловно, сказывается спонтанный характер речи, отсутствие предварительного обдумывания, что ведет к повторению элементов высказывания или целых высказываний как подтверждения начатой мысли. Здесь могут возникать также добавления, поправки, уточнения с целью выиграть время для обдумывания последующего речевого шага. В-третьих, нельзя не учесть

и фактор эмоциональности как причину появления в речи избыточных элементов [Глаголев, 1967; Алдиева, 2019; Wunderlich, 1894].

Языковая избыточность понимается лингвистами двояко. По мнению одних, это такой способ выражения мыслей, при котором в высказывание включаются дополнительные компоненты, наполняющие основной смысл высказывания дополнительным эмоционально-экспрессивным содержанием [Глаголев, 1967]. Другие определяют избыточность только как включение в речевой отрезок элементов, не меняющих существенно объем информации, содержащейся в данном отрезке [Поликарпов, 1990, 2000].

Наиболее распространенными синтаксическими структурами, характеризующимися избыточностью средств выражения, являются повтор, парентезы, пролептические и антиципационные конструкции и др.

Остановимся на их краткой характеристике.

I. Живая диалогическая речь звучала бы неестественно, если бы в ней отсутствовали повторения целых высказываний или их частей.

В диалоге различают *повторы*: 1) в смежных репликах; 2) в пределах одной реплики.

Наиболее типичным для диалога считается повтор в смежных репликах, так как в таком случае осуществляется их структурно-семантическая связь.

При этом как в границах одной и той же реплики, так и в смежных репликах повторяемость структурных элементов проявляется в самых разнообразных формах:

а) при повторении собеседником услышанной фразы им воспроизводится, как правило, ее основная схема, т.е. члены предложения в обеих репликах располагаются параллельно, что является типичным проявлением диалогичности [Астафьева, 1964]:

– Ich komme mit dem Wagen.

– Du kommst mit dem Wagen?

б) повторяемая фраза может не доводиться до конца, что часто наблюдается в спонтанном диалоге:

– Für wie lange sind Sie hier?

– Für wie lange...

в) самые разнообразные оттенки чувств передают повторы в реагирующих репликах элементов инициирующей реплики, например, чувство восхищения, что выясняется из контекста:

– Und ich war also eigentlich auch ziemlich überrascht davon, wie gut die Leute deutsch könnten!

– Oh, wenn ich so gut russisch könnte, dann ich hätte keine Probleme mehr, einen Arbeitsplatz zu finden!

г) повторение отдельных элементов высказывания может также отражать состояние раздумья собеседника, его желание проникнуть в смысл сказанного:

Aber insgesamt...ja insgesamt fand ich die ganze Stunde eigentlich ziemlich interessant.

д) повтор в смежной реплике с чувством убежденной правоты также является своеобразным «скрепом» реплик в диалогическом единстве:

– So ungefähr ja und so weiter...

– Nicht ungefähr, sondern ich hab' nämlich dort studiert, 4 Monate lang!!

е) совершенно естественным явлением в спонтанном диалоге является хезитационный повтор в период поиска нужной лексической единицы или планирования синтаксической перспективы высказывания:

1) Der eine ist so armes Schwein... is'nⁿ... is'nⁿ... einⁿ... einⁿ...einⁿ¹...Schwarzer,

2) Na^a.ſ. also^{o2} ∂∂³...wenn man⁴...wenn man ff wenn man das^s
|| ⁵ an das^s Examen hm an den Examina mißt... an den...Prüfungen am Jahresende, dann ist es eher k^konservativer...herkömmlicher Unterricht.

II. а) повторы являются главным, но не единственным языковым средством, воплощающим тенденцию к пространному выражению мысли в спонтанной диалогической речи. Так, спонтанность диалогической речи, отсутствие предварительного обдумывания ведет к *нагромождению элементов высказывания*; к тенденции не сразу прямо отвечать на вопрос:

– Und wie heißt er genau?

¹ is'nⁿ – обозначение хезитаций в виде затяжек сонантов.

² o^o s^s k^k – обозначение хезитаций в виде затяжек гласных и согласных.

³ ∂∂ ff – обозначение заполненного хезитационного периода формами невербального поиска.

⁴ wenn man – обозначение заполненного хезитационного периода формами вербального поиска.

⁵ || – обозначение длинного хезитационного периода в виде акустического нуля.

– Sie ist stolz..|...Ist eine.. eine..| na aparte Mischung zwischen süddeutschem und im...im spanischklingend...hm...sollenden...öö...
Wenzel Nikolas.

б) необходимость уточнить сказанное вызывает включение во фразу вводных элементов в виде *parenthes*. Внезапная остановка в процессе говорения нарушает стройную структуру предложения и вызывает одновременно необходимость повторить его элементы. В момент замешательства говорящий не сразу находит нужную форму для выражения мысли. В поисках такой формы рождаются сначала лишь отдельные «куски» фразы, а затем вся фраза, отчего все выражение становится громоздким.

Aber | | ich glaub‘ 5 Monate sind einfach zu kurz, um das^s.. | | um das richtig zu^u.. | | öö zu mechanisieren, so..| dass es auto..| automatisch ‘rüberkommt irgendwie..| na | ich glaub‘...wenn ich...wenn ich wirklich das Geld hätte, das hab’ ich leider nicht...aber wenn ich das Geld hätte, dann würde ich auf jeden Fall noch 5 Monate verlängern.

III. Пространность отдельных реплик создается также добавлением говорящим к основной фразе *элементов с целью подчеркивания*. Это явление очень распространенное в эмоциональной речи. Это добавления типа «Verstehen Sie!», «Nicht wahr!», «Nicht!».

– Keinen Platz? Keine Zeit?

– Ja. Und keine Farben. Und nichts mitgebracht natürlich. Es wäre ja unnötiger Ballast, nicht?

IV. О многословии в спонтанном диалоге свидетельствуют также *обращения, «открывающие разговор»* (Wunderlich, 1894):

Du...meinst du nicht...

V. Пространность высказывания возрастает, если его сопровождают элементы, не входящие непосредственно в предложение, но относящиеся к нему. Сюда относятся эмоционально-экспрессивные *слова-повторы; итерации* (Mackeldey, 1987):

1) Nu! Kennst du F...Ach nee, nee, nee!

2) – Dieser Quadflieg ist der große Faustdarsteller.

– Ja, ja, ja, ja.

3) – Willi Quadflieg.

– Der Sohn ist es? Nee, nee.

VI. Весьма привычно в обиходно-разговорной речи начинать высказывание со «*словечек*», полностью *десемантизированных*. На них удобно опираться в процессе обмена высказываниями, т.е. чаще всего они употребляются автоматически или же выполняют роль хезитационных периодов. Иногда они заканчивают реплику:

- 1) – Na so, das ist ja...
- 2) – Ja, das ist...na also...ich meine das nicht.
- 3) – Nur, nur jetzt so als ‘ne kleine philologische ∂ m Spitzfindigkeit, was?

VII. В спонтанном диалоге возможны формы с двойным отрицанием:

Und dazu find‘ ich^{ch}...leiderlei nicht keine Zeit.

VIII. В спонтанном диалоге употребительны *пролептические конструкции* [Riesel, Schendels, 1975; Jung, 1982; Jäger, 1976; Mackeldey, 1987; Тимошевская, Данилова, 2014; Фадеева, 2018]. Их частое появление в гипотаксисных конструкциях отмечает А.М. Поликарпов [Поликарпов, 1990; Поликарпов, 2011]. Пролепсис как синтактико-стилистическое явление служит, прежде всего, для организации коммуникативного членения высказывания [Михайлов, 1994].

Суть этого синтаксического явления состоит в вынесении одного из знаменательных компонентов высказывания за рамки синтаксической структуры и в замещении его позиции местоимением:

1) Überhaupt die ganze Ecke $\partial\partial$ Puschkinskaja, Gerzena und Gorkogo...diese ganze Ecke, die finde ich wunderschön.

2) Und die eine Frau, die diesen Vortrag angeboten bekommen hat, die war an und für sich nicht schlecht.

IX. *Антиципационные конструкции* представляют собой построения с обратным по сравнению с пролептическими структурами расположением элементов. Наличие их в устно-речевом дискурсе отмечают А.М. Поликарпов, Л.М. Михайлов, Н.А. Сайфуллина и др. [Поликарпов, 1990; Михайлов, 1994; Сайфуллина, 2017; Моргунова, 2020].

В антиципационной конструкции выносимый за рамки синтаксической структуры элемент занимает постпозицию:

– So ein apartes Thema, was ich schon über...mit^t denen...besprechen wollte...mit^t lieben Geschwistern, mit Dörte.

Следует заметить, что данные конструкции в исследуемом материале рассматриваются как *гезитационные периоды*, которые говорящий использует для обдумывания дальнейшей речевой перспективы.

X. Интересны в спонтанной диалогической речи построения с *анаколуфом*, т.е. когда наблюдается нарушение правильной формально-синтаксической связи между началом и последующей частью высказывания:

– Wenn man sich verteidigt...und die Planstelle...es ist eine Planstelle...

Таким образом, перечисленные формы речевой «расточительности» являются неизбежными спутниками диалогического общения с его тенденцией к удобству, с характерными для него эмоциональностью и непосредственностью. Тенденция к пространному выражению мысли является важной составной частью его специфики, его внутренней закономерностью.

Выводы

Генерирование спонтанной речи происходит не путем логического развертывания, а путем ассоциативного «нанизывания», «квантования» отдельных высказываний, сопровождаемых соответствующими невербальными средствами. Речевые высказывания часто носят эллиптизированный характер, что оказывается возможным в соответствии с ситуацией общения. Спонтанное высказывание эфемерно по своему характеру. Его невозможно повторно воспроизвести в абсолютно первозданном виде. Его мимолетность порождает «лоскутный синтаксис», структурную «пестроту», «разрыхленную» синтаксическую архитектуру.

Своеобразие форм выражения и содержания с помощью синтаксических структур спонтанной речи следует рассматривать не как нарушение правил синтаксической парадигматики и синтагматики, не как аномальность структурного «устройства» речи, а как норму языкового оформления спонтанно, «на ходу», порождаемой мысли. Лапидарность спонтанных высказываний можно считать лишь относительной, поскольку часто они могут быть довольно развернутыми, представляя собой одностороннюю последовательность самостоятельных высказываний, формируемых не только оккурсивно, но и кумулятивно.

Мы попытались кратко охарактеризовать лишь некоторые качественные синтаксические признаки спонтанной диалогической речи. Можно констатировать, что большая часть синтаксических средств, участвующих в оформлении спонтанного диалога, характеризуется полифункциональностью. В связи с этим одно и то же реально существующее языковое явление может актуализировать различные свойства диалогической речи. Так, вопросительные конструкции с порядком слов повествовательного предложения, характеризующие непринужденность спонтанного диалога,

отражают одновременно и его эмоциональность. Повтор разных видов, реализующих тенденцию к избыточности, также отображает эмоциональные оттенки реплик или же является причиной мыслительных и речевых затруднений и выполняет функцию обдумывания последующей речевой программы. То же самое можно сказать относительно других синтаксических средств.

Фрагментарный, аморфный характер языкового оформления мысли, обусловленный спонтанностью, непринужденностью общения, способствует появлению в спонтанной диалогической речи своеобразных уникальных построений, которые иногда трудно поддаются типизации.

Глава 3. ФЕНОМЕН ХЕЗИТАЦИЙ. ОСОБЕННОСТИ СЕГМЕНТАЦИИ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

3.1. Экстралингвистическая обусловленность хезитационных явлений в спонтанной диалогической речи

Диалогическая коммуникация реализуется в определенной коммуникативной ситуации. Она всегда социально контекстна [Якубинский, 1986]. Не может быть речевого акта, оторванного от конкретной ситуации, так как индивид не существует вне коллектива и материальной ситуации [Колшанский, 1984; Глазов, 2015; Васильева, 2018; Кочкарова, 2019; Große, 1976; Scherer, 1984; Mackeldey, 1987]. Ситуация выделяется в качестве основополагающего экстралингвистического фактора, обуславливающего специфику диалогической речи. Изменения в ситуативных характеристиках влекут определенную перестройку и в лингвистических характеристиках речи [Жинкин, 1982].

Поскольку объектом настоящего исследования являются хезитационные явления в речи говорящего, представляется целесообразным рассмотреть их с учетом условий ситуации продуцирования речи и межличностных отношений, а также попытаться обобщить наблюдения лингвистов и психологов в этой области.

Выделение *ситуации* в качестве фундаментального экстралингвистического фактора было обосновано в работах Л.П. Якубинского, Г.О. Винокура, М.М. Бахтина [Якубинский, 1986; Винокур, 1929; Бахтин, 1979]. Л.П. Якубинский указывал, что рассмотрение языка в зависимости от условий общения является основной базой современного языкознания [Якубинский, 1986]. Исходя из понимания языка как разновидности человеческого поведения, он выделял в нем факторы социального и психологического порядка.

Ситуация – понятие многоаспектное и ее определение связано с рядом трудностей. Дать исчерпывающее, однозначное определение данному понятию чрезвычайно трудно. Она включает не только элементы, чувственно воспринимаемые в процессе речи, но и все известные собеседникам обстоятельства, которые могут служить мотивом для их разговора [Балли, 1955]. По определению

А.А. Леонтьева, ситуация – это «совокупность условий, речевых и неречевых, необходимых и достаточных для того, чтобы осуществить речевое действие по намеченному плану» [Леонтьев, 1969, с. 155–156].

Термин «ситуация» может быть употреблен в широком и узком смысле [Святогор, 1968; Тарасова, 2017]. В широком смысле – это обстановка речи и факторы, касающиеся собеседников. В узком смысле это среда, материальное окружение собеседников. Ситуация речи в широком смысле складывается из ряда *объективных и субъективных факторов* [Краевская, 1981; Басова, Федуленкова, 2020].

Анализ компонентов ситуации позволяет разделить их на две указанные группы факторов. *Объективные факторы* объединяют характеристики, связанные с общими условиями речи. *Субъективные факторы* обуславливают характеристики, связанные с коммуникантами.

Одним из основных объективных экстралингвистических факторов ситуации общения является *предметная обстановка*, в которой протекает коммуникация [Якубинский, 1986; Девкин, 1981; Гайдучик, 1978; Бурая, 1982; Абдрахимова, 1987; Носкина, 2016 и др.]. Исследователи отмечают важность того обстоятельства, в привычной или непривычной обстановке протекает общение, насколько типична ситуация общения и насколько в процесс общения включены элементы самой ситуации.

Современные авторы, исследуя влияние бытовой приуроченности спонтанных диалогов на речевые характеристики говорящего, отмечают автоматизированность речевой деятельности в повседневном привычном общении, наличие в ней готовых фраз, ситуативных клише, шаблонов, штампов [Бычик, 1971; Русская разговорная речь, 1983]. Автоматизированность речи отмечается «наподобие ходьбы» [Леви, 1967, с. 172].

В привычной обстановке уменьшается вероятность появления затруднений в выражении смысла высказывания, в поиске речевых средств. То, что ясно из ситуации, может не получить вербального выражения [Лаптева, 1976; Земская, 1988]. В высказывании сохраняются лишь информативно значимые слова [Русская разговорная речь, 1983], а «полнота речи выступает как излишнее отяжеление речи, неуместный педантизм» [Гвоздев, 1965, с. 19].

Эмоциональное состояние говорящего находится в прямой взаимосвязи с привычностью обстановки. В некоторых работах рассматривается зависимость организации устного высказывания

от психологического состояния говорящего. В частности, в работе Э.Л. Носенко [Носенко, 1979] рассматривается специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности. Автор отмечает, что в этом состоянии, имеющем место в непривычной обстановке, у испытуемых возникают трудности в выборе лексических единиц, проявляющиеся в устных сообщениях в виде высокого процента нерелевантных сообщений и длительных поисковых пауз. Эти затруднения проявляются в изменении темпоральных характеристик устного высказывания (за счет возрастания длительных поисковых пауз); в увеличении количества семантически нерелевантных повторов и «заполнителей молчания».

Очень важной характеристикой обстановки, в которой протекает общение, является ее *официальность или неофициальность*. Основными темами спонтанной диалогической речи в неофициальной обстановке являются бытовые темы, хотя возможны и другие. Понятие «неофициальность» соотносится и с обстановкой речи и с темой разговора. Примером диалогической речи в официальной обстановке могут служить научные, политические дискуссии, интервью, судебные диалоги и т.д. [Helbig, 1975; Ященко, 1966].

Степень официальности обстановки отражается в степени контроля говорящего за речью. В различных работах [Stolz, Tannenbaum, 1963; Ragsdale, 1976; Rochester, 1973] исследовалось влияние экстралингвистического фактора официальности-неофициальности на эмоциональное состояние говорящего и в связи с этим отмечалось увеличение или уменьшение явлений гезитации в речевом потоке. Было, например, установлено, что негативная реакция слушающих (negative feedback) [Stolz, Tannenbaum, 1963, с. 225] в официальной обстановке приводит к ухудшению строения текста, в частности к существенному увеличению относительной частоты появления в речи явлений колебания. Наиболее явно это проявляется в том случае, когда слушающие – официальные или авторитетные лица. В. Штольц и П. Танненбаум видят причину в том, что негативная реакция вызывает у говорящего состояние эмоциональной напряженности (stress or anxiety) [Stolz, Tannenbaum, 1963, с. 225]. Это состояние приводит к нарушению речепорождающей деятельности: у говорящего возникает необходимость изменить произнесенный текст.

Для диалогической коммуникации важна и *тема* сообщения [Девкин, 1981; Ладыженская, 1985; Миронова, 1994 а, 1994 б; Филькова, 2011].

Тема может быть задана и не задана заранее. Это непосредственно связано со степенью подготовленности речевого сообщения и определяет лингвистические характеристики высказывания. Если тема задана, то уже нельзя говорить о полной спонтанности речи [Гоголадзе, 1987; Яковлева, 1996, 2005, 2016].

Рассматривать тему сообщения можно в двух аспектах: привычность–непривычность и официальность–неофициальность. Самыми привычными являются бытовые темы [Бычик, 1971; Бровченко, 1978; Носенко, 1970; Mackeldey, 1987], так как бытовую информацию говорящий получает из повседневного опыта.

Существенным фактором является подготовленность – неподготовленность речевой коммуникации. В самом определении спонтанности заложен фактор неподготовленности [Сиротинина, 1974; Девкин, 1981; Гоголадзе, 1987; Поликарпов, 2016]. В условиях устной коммуникации действуют две противоположные тенденции: с одной стороны, стремление говорящего к компрессии речи, с другой – в связи с неподготовленностью из-за боязни не быть понятым – к ее избыточности [Скребнев, 1971; Глаголев, 1967; Михайлов, 1994].

Однако избыточные в синтаксическом понимании структурные речевые элементы, появляясь в спонтанной речи вследствие ее неподготовленности, отнюдь не являются избыточными в смысловом отношении. Напротив, они есть полезные элементы относительно семантического планирования речевой программы, поскольку в данном случае они выполняют функцию хезитационных периодов. В нашем экспериментальном материале зарегистрировано почти стопроцентное совпадение аудиторских ответов в фиксации хезитационных периодов именно на избыточных элементах.

Следующим фактором ситуации речевого общения является *количество говорящих*. Именно количество говорящих у многих авторов выступает в качестве основного дифференциального признака, когда речь идет об определении жанров спонтанной речи: монолог, диалог, полилог. Исследовалось влияние данного фактора на речевые характеристики говорящего [Фонетика спонтанной речи, 1988]. На основании анализа экспериментальных данных были сделаны следующие выводы: 1) увеличение количества заполненных пауз и сокращение длительности и частоты незапол-

ненных пауз более вероятны в диалоге, чем в монологе, вследствие возможности перехвата инициативы говорения; 2) количество обоих видов пауз остается неизменным в том случае, если число потенциальных говорящих остается неизменным.

Зарубежные исследователи [Feldstein, Rogalsky, Jaffe, 1966, p. 143] проводили также эксперименты, описывающие одновременно влияние нескольких факторов на строение устного высказывания. Так было обнаружено взаимодействие объекта речи и числа участников речевого общения. Общее количество явлений речевого колебания и речевых нарушений в диалоге при обсуждении личных вопросов и в монологическом рассказе неличного характера существенно больше, чем в монологическом рассказе о личных проблемах и в диалоге, затрагивающем автобиографические данные одного из участников.

На формирование лингвистических характеристик спонтанной диалогической речи оказывает непосредственное влияние и такой экстралингвистический фактор, как *чередование ролей* в процессе общения [Холодович, 1967; Девкин, 1981; Ладыженская, 1985; Кирей, 1988; Миронова, 1994 а, 1994 б], который некоторые лингвисты называют «переменной контроля» [Ладыженская, 1985; Rochester, 1973].

Активность участников акта коммуникации может быть разной или одинаковой. При одинаковой активности говорящих происходит поочередная смена инициативы говорения, т.е. «ведущим» оказывается то один, то другой говорящий. При неодинаковой активности ведущая роль в течение большого промежутка времени принадлежит только одному из партнеров. Реагирующие реплики в этом случае непродолжительны и не влияют на общую программу изложения. Но роль ведущего может постепенно переходить к другому собеседнику в результате смены темы или захвата инициативы говорения. В этом случае другой собеседник также становится ведущим [Кирей, 1988].

Установлено [Rochester, 1973, p. 69], что «переменные контроля», такие как число потенциальных говорящих и индивидуальное желание каждого из участников коммуникативного акта говорить, сокращают частоту и длительность незаполненных, но увеличивают число заполненных пауз, которые, как установлено [MacLay, Osgood, 1959, p. 42], являются показателем удержания инициативы говорения.

В ситуации, когда оба собеседника активны, возможны наложения реплик, перебивы, вклинивания в речь партнера [Кирей, 1988; Сосновцева, 2018]. В противоположном случае темп речи менее активного партнера замедлен и увеличивается количество и длительность пауз как синтаксических, так и пауз колебания, связанных с обдумыванием ответа или с нежеланием вести беседу. По этим же причинам увеличивается количество речевых «сбоев» [Миронова, 1994 а, 1994 б; Завадская, Богданова-Бегларян, 2019].

При рассмотрении вопроса о ситуативных факторах важным является также учет *формы общения: непосредственная или опосредованная* [Якубинский, 1986; Сиротинина, 1974], «визуальный фактор» [Девкин, 1981, с. 6].

В ситуации непосредственного восприятия вещей и объектов, о которых идет речь, например при описании серии событий, сама последовательность этих событий организует и направляет размышления говорящего, в результате чего высказывание обычно разворачивается достаточно бегло и плавно, что ведет к уменьшению длительности пауз колебания в высказывании [Goldman-Eisler, 1961 b; Носенко, 1970].

Немалое значение при непосредственном контакте приобретают паралингвистические средства: а) кинетические – такие, как жесты, мимика, тип выбираемой позы; б) фонационные – тембр речи, громкость, типы заполнителей пауз, соотносимые с конкретным говорящим, мелодические явления, а также особенности произношения звуков: «диалектные, социальные, идиолектные» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 367].

Особое значение при описании роли невербальных средств в разговорной речи отводится мимике и жесту [Русская разговорная речь, 1983; Ильина, 2015; Коцаренко, 2018], которые, по мнению лингвистов, выполняют иногда роль реплики, заменяя словесное выражение, имеют значения, сходные со значением интонации [Якубинский, 1986; Дудина, 2014]. Отмечается сходство жестов с просодическими средствами языка, согласующимися в речи с темпом и ритмом, динамическими контрастами, паузациями и движением мелодии. Жест, как и интонация, может служить расчленению сообщения, выделению важного на фоне второстепенного, ремы на фоне темы, нести модальные и эмоциональные нагрузки [Русская разговорная речь, 1983].

Невозможность видеть собеседника, наблюдать за впечатлениями партнера по коммуникации от сказанного, использовать ми-

мику и жесты в опосредованных условиях общения приводит к необходимости постоянного контроля за каналом связи и адекватной реакцией собеседника, а это естественным образом накладывает отпечаток на лингвистические характеристики речи.

При исследовании влияния данного фактора на характер речи говорящего и появления в ней гезитационных явлений было установлено, что увеличение количества заполненных пауз и сокращение длительности и частоты незаполненных пауз более вероятны тогда, когда у говорящего нет возможности воспользоваться визуальными средствами контроля (жестами, мимикой) [Ладыженская, 1985].

Субъективные факторы, оказывающие влияние на лингвистические характеристики устного спонтанного высказывания, также разнообразны. Они могут быть *стабильными и переменными* [Девкин, 1981; Миронова, 1994 а, 1994 б].

Одним из важных *стабильных субъективных факторов* является наличие у говорящих *общей апперцепционной базы* [Якубинский, 1986; Земская, 1988; Тарасов, 1974]. Огромную роль играет *пресуппозиция* [Михайлов, 1994], т.е. общий фонд знаний и содержания духовной жизни, определенных фактов, объема кругозора собеседника.

Некоторые авторы указывают на необходимость учета владения *темой* разговора [Лурия, 1979; Бурая, 1982; Ладыженская, 1985]. Этот фактор имеет важное значение в лингвистической характеристике говорящего, поскольку от того, насколько говорящий владеет темой беседы, зависит количество и характер различных явлений колебания.

В качестве стабильных экстралингвистических факторов можно рассматривать *пол и возраст* говорящего [Павлова, 2018].

Многие исследователи в ряду стабильных факторов называют стратификационные характеристики говорящего, т.е. *классовую и профессиональную принадлежность, его образование* [Миронова, 1994 а, 1994 б; Мороз, Ларина, 2017], или его *социальный статус* [Абдрахимова, 1987; Кирей, 1988; Саклакова, 1991; Миронова, 1994; Черемисина, 1972, 1982; Кирпикова, 2018; Бурдина, Герасименко, 2018].

В современном обществе трудно определить классовую структуру, поэтому данный экстралингвистический фактор можно считать нерелевантным и главными стратификационными харак-

теристиками говорящего следует считать образование, профессию, род деятельности.

Лингвисты исследовали особенности распределения функционально различных явлений речевых hesitation в речи информантов, различающихся по образовательному и профессиональному признаку. В качестве связующего звена между социальными и речевыми характеристиками говорящего рассматривалось понятие речевого навыка [Миронова, 1994 б].

А.Р. Лурия указывает на то, что у человека с недостаточно развитым речевым навыком процесс порождения речи сталкивается с рядом препятствий [Лурия, 1975].

Многие исследователи отмечают, с одной стороны, связь силы речевого навыка с характеристиками речи, а с другой – с социальными характеристиками говорящего.

Сила речевого навыка определяется объемом речевого опыта, или речевой тренировки говорящего [Носенко, 1970], которая осуществляется в процессе обучения и в процессе некоторых видов профессиональной деятельности.

Рассматривались особенности распределения разных пауз колебания по месту их реализаций в синтагме (начало, конец, середина, стык), а также характерные для представителей профессиональных групп особенности речевых сбоев [Миронова, 1994 б]. Анализ показал, что все выделенные функциональные типы явлений речевого колебания (маркеры предупреждения, контроля и коррекции) [Миронова, 1994 б, с. 171–172] выступают в качестве лингвистических дифференциальных признаков для таких социальных характеристик говорящего, как уровень образования и род профессиональной деятельности. Было установлено, что отличительной чертой представителей группы лиц, имеющих среднее образование, является отсутствие заполненных пауз колебания, представленных звуками «нефонемного характера». Вместе с тем для них чрезвычайно характерно использование в качестве заполненной паузы колебания различных десемантизированных элементов русского языка – «сорняков». Отмечается индивидуальный характер «набора» подобных заполненных пауз колебания у говорящих. Представители этой группы строят речь небольшими блоками, подолгу обдумывая содержание и форму каждого из них, свидетельством чего является большое количество пауз колебания на стыке синтагм. Этой группе испытуемых более свойственны

моменты неправильного согласования процессов планирования и артикуляции речи.

У группы информантов с высшим образованием присутствие в речи заполненных пауз колебания является характерной особенностью. Это касается таких заполненных пауз колебания, как звуки нефонемного характера. Вместе с тем «сорняки» в роли заполненной паузы колебания отмечаются в их речи значительно реже. Использование же лексических единиц, ситуативно лишенных плана выражения, в качестве заполнителей пауз колебания для испытуемых этой группы совсем не характерно. Построение речи достаточно большими блоками не ведет к возникновению пауз хезитации на стыках синтагм. В процессе речепроизводства моменты неправильного согласования процессов планирования и продуцирования речи значительно более редки, чем для группы лиц со средним образованием, или совершенно отсутствуют [Миронова, 1994 б].

Ранее Ф. Лоунсбери исследовал зависимость длительности хезитационной паузы от речевых навыков говорящего [Lounsbury, 1965]. Им было установлено, что паузы тем короче, чем выше вероятность появления следующей речевой единицы и чем сильнее речевые навыки говорящего. И наоборот, паузы в речи длительны, если навыки говорения слабее, а вероятность распознавания следующей речевой единицы меньше.

К стабильным субъективным факторам относят *индивидуальные характеристики*: психический склад говорящего, его темперамент, умственные способности, речевые навыки, внимание, память, эрудицию, воспитание [Девкин, 1981; Краевская, 1981; Казиминова, Лебедева, Мальцев, 2016; Янмурзина, 2017].

Исследуя влияние данного фактора на речепорождение, исследователи [Goldman-Eisler, 1961 а; Talor, 1969; Носенко, 1970; Анощенкова, 1977] пришли к выводу о том, что паузы хезитации, вероятно, отражают не только затруднения, связанные с выбором лексических единиц, а также и трудности, возникающие при формировании мысли и создании предложения [Goldman-Eisler, 1961 а].

Это утверждение вытекает из того факта, что устная речь является результатом двух одновременно протекающих процессов, один из которых касается планирования содержательной и грамматической структуры, а второй – выбора слов, «заполняющих» эту структуру. А длительность и частота появления пауз зависит от количества операций, включенных в процесс речепорождения [Talor, 1969].

Э.Л. Носенко также подчеркивает зависимость появления хезитационных пауз и их длительность от мыслительных процессов в речи говорящего и его внимания. В ситуации, когда говорящему необходимо делать какие-либо выводы логического порядка или оценивать определенные события, внимание его в большей степени поглощено семантическим планом высказывания, и речь характеризуется наличием более длительных пауз [Носенко, 1970].

Кроме стабильных субъективных факторов, влияющих на характеристики спонтанной диалогической речи, выделяются также *переменные факторы*. К ним относится все, что связано с состоянием человека (физическим или психическим), отношением к теме и участникам общения.

Ведущим переменным субъективным фактором является *физическое и психическое (эмоциональное) состояние говорящего*, его настроение, так как в состоянии эмоциональной напряженности речь имеет свои особенности [Носенко, 1970; Анощенкова, 1977; Бурая, 1982; Торсуева, 1984; Ладыженская, 1985; Кислова, Русалова, 2013; Назарова, Схалимова, Хачемизова, 2016; Петрова, 2017].

Выражение эмоций составляет неотъемлемую часть процесса речевого общения. В состоянии стресса в речи четко проявляется действие двух противоречивых факторов: ускорение сенсорных и мыслительных процессов, участвующих в обработке информации, и замедленное оперирование языковыми единицами, обусловленное затруднениями в формулировании мыслей [Носенко, 1976, с. 71], что ведет к увеличению в речи количества различных хезитационных явлений [Носенко, 1979, с. 15; Черемисина, 1982, с. 117; Ладыженская, 1984, с. 75; Rochester, 1973, p. 59].

Известно также, что при производстве речи в стрессовой ситуации говорящий часто избирает наиболее простой способ грамматической реализации высказывания, что приводит к отсутствию грамматического согласования между его частями [Носенко, 1976, с. 72–73].

По мнению Ф. Гольдман-Эйслер, в характере процессов, отражаемых заполненными и незаполненными паузами, также наблюдаются различия. Незаполненные паузы отражают умственную, мыслительную деятельность говорящего, а заполненные – представляют собой явление не ментального, а эмоционального порядка [Goldman-Eisler, 1961 в].

Большое значение при продуцировании речи придается фактору *темпоральности*, который рассматривается в двух аспектах:

1) как неограниченность говорящего во времени [Ладыженская, 1985] и 2) как темповые характеристики говорящего [Русская разговорная речь, 1983; Янмурзина 2017].

Не ограниченный во времени человек излагает свои мысли достаточно подробно и точно. Отмечается довольно равномерное распределение пауз [Русская разговорная речь, 1983]. При временном ограничении говорящий, торопясь, начинает волноваться, часто сбивается, многие речевые характеристики модифицируются, в том числе характеристики явлений речевого колебания [Миронова, 1994 а].

Темповые показатели говорящего не являются постоянной величиной, а варьируют в зависимости от его индивидуальных особенностей. Исследования психологов и лингвистов показали, что индивидуальные интонационные характеристики, в том числе и темп речи, могут варьировать в зависимости от типа высшей нервной деятельности [Русская разговорная речь, 1983, с. 51–79]. Кроме того, речь говорящего не является постоянной по темпу, она изменяется под действием различных факторов: эмоционального состояния говорящего в момент речи, вида и характера речевой деятельности, ситуации речи. Оказывают влияние и чисто лингвистические факторы: смысловое содержание произносимого отрезка, его звуковой состав, позиция во фразе и т.д. [там же, с. 51–79].

Исследование влияния хезитационных явлений на темп спонтанной речи показывает, что сильное варьирование темпа обуславливается большой насыщенностью спонтанных высказываний разного рода обрывами, перебивами, самоисправлениями. Хезитации, вклиниваясь во фразы, модифицируют их темпо-ритмический рисунок, вызывая колебания темпа в них [Анощенкова, 1986, с. 5–11].

Непосредственное влияние на характеристики спонтанной речи оказывает отношение говорящего к предмету речи. С этим связан такой важный субъективный фактор ситуации, как *заинтересованность – незаинтересованность* в предмете разговора [Воронцова, 2016].

Лингвисты исследовали специфику функционирования заполненных и незаполненных пауз от степени устремления говорящего на разговор [MacLay, Osgood, 1959]. В случае заинтересованности в предмете разговора отмечается удержание контроля над речевой ситуацией и как следствие – употребление заполненных пауз. В случае незаинтересованности вести беседу и желания прекратить разговор наблюдается сокращение числа заполненных и незаполненных пауз и их длительности.

Данный экстралингвистический фактор исследовался и в плане зависимости появления речевых колебаний от того, насколько предмет речи затрагивает личность говорящего и обуславливает в связи с этим его эмоциональное состояние. Было обнаружено, что при обсуждении личных проблем (*personal problems*) говорящий вставляет в речь значительно больше элементов хезитаций, чем при рассказе на бытовые темы или обсуждении конкретных автобиографических фактов [Feldstein, Rogalsky, Jaffe, 1966, p. 137–152]. Это подтверждается и психологическими исследованиями. М. Элвин, Р. Олдфилд обнаружили, что в речи говорящего встречается наибольшее количество различных ошибок и сбоев в том случае, когда он пытается выразить то, что его волнует в наибольшей степени. Они отмечали затруднения говорящего при попытках найти слова, подходящие для выражения определенных мыслей для описания волнующего события [Elvin, Oldfield, 1951, p. 109–119].

Переменным субъективным фактором являются и *межличностные отношения* [Девкин, 1981; Краевская, 1981; Долганов, 2015, 2016; Малетич, 2017 и др.]. По мнению Р.С. Трохиной, этот фактор накладывает отпечаток на просодическую структуру высказывания [Трохина, 1976, с. 188].

Появление хезитационных явлений в речи говорящего не может рассматриваться без учета межличностных отношений участников речевой коммуникации. На основании рассмотрения результатов целого ряда исследований [Levin, Silverman, Ford, 1967, p. 560–564; Preston, Gardner, 1970, p. 936–945; Rochester, 1973, p. 51–81 и др.], в которых экспериментально решались вопросы, связанные с влиянием данного фактора на характер спонтанной речи, было доказано, что на ее характер и, в частности на характер паузации, влияет специфика аудитории и отношение говорящего к слушающему: увеличивается частотность незаполненных пауз и их длительность и остается индифферентным распределение и длительность заполненных пауз.

При анализе межличностных отношений коммуникантов большое значение придается такой их характеристике, как *симметричность-несимметричность* [Крысин, 1976; Метляева, 2018; Кушина, Иванов, 2019], «главенство-подчиненность» [Девкин, 1981, с. 11]. Наличие данного экстралингвистического фактора является причиной появления хезитаций «как вокалических, так и незаполненных» [Шевченко, 1982, с. 53].

Таким образом, наблюдения зарубежных и отечественных психологов и лингвистов позволяют сделать вывод о ситуативно-следственном характере конституирования хезитационных явлений в спонтанной диалогической речи.

3.2. Хезитации как специфическое средство сегментации спонтанной речи

3.2.1. О способах выделения единицы вербального планирования

Кроме актуального [Ковтунова, 1976; Крылова, 1992; Хамидцев, 2015; Воронцова, 2016 и др.] и синтагматического членения [Щерба, 1948; Зиндер, 1979; Брызгунова, 1977; Светозарова, 1970; Черемисина, 1989; Златоустова, 1981; Тыщенко, 2015; Пиотровская, 2015 и др.], характерных для читаемых текстов и подготовленной речи и осуществляемых с помощью пауз, выполняющих коммуникативную и синтаксическую функции, в спонтанно продуцируемых текстах существует так называемое хезитационное паузальное членение, признаваемое многими исследователями. Однако открытым остается вопрос о том, может ли пауза хезитации осуществлять лингвистическое членение речевого континуума. Поиск ответа на этот вопрос обусловил психолингвистические и лингвистические исследования. В процессе этих исследований выявилось частое несовпадение синтаксических и фонетических единиц членения.

Если для чтения и подготовленной речи в целом характерно отношение взаимосвязи между синтаксическим и фонетическим членением, то в спонтанной речи эти виды сегментации речевого континуума могут находиться в противоречии. В спонтанной речи с помощью пауз колебания вычленяются фрагменты высказываний, которые в синтаксическом плане образуют нечленимое целое. Очень часто незапланированные говорящим хезитационные периоды возникают внутри смысловых единиц и их нельзя квалифицировать как паузы стыка [Lounsbury, 1954; Boomer, Dittman, 1962; Martin, 1970; Drommel, 1974].

Из результатов исследований, направленных на поиск единиц текста, получаемых в результате его сегментации хезитационными паузами, не совсем ясно, в терминах каких языковых единиц

или не обозначаемых с помощью языковых категорий понятий их описывать. Соответственно неясно, какая дистрибуция пауз в высказывании представляется наиболее релевантной для их анализа.

Первые психолингвистические исследования хезитаций как носителей функции кодирования речи были сосредоточены на *слове*. В связи с этим следует указать на первую работу Ф. Гольдман-Эйслер [Goldman-Eisler, 1958, p. 226–227], где она утверждала, что речь состоит из последовательностей слов. Эти последовательности различаются только по длине и членятся на дискретные элементы посредством пауз разной длины. Она считала, что как только говорящий произнес первое слово высказывания, ему нужно принять решение только относительно дальнейшего лексического состава.

Ф. Гольдман-Эйслер высказывает мысль о том, что непрерывность речевого континуума связана с высокой предсказуемостью слов в контексте, а пауза отражают низкую степень предсказуемости слова, следующего за ней. При этом утверждается, что слово, произнесенное непосредственно перед паузой, обладает наивысшей степенью предсказуемости. Под предсказуемостью автор понимает вероятность появления слова в данном контексте.

Затем появились серии экспериментов, опровергающих выводы Ф. Гольдман-Эйслер [Tannenbaum, Williams, Hillier, 1965, p. 139]. Было установлено, что слова, произнесенные непосредственно до и после паузы колебания, обладают наименьшей степенью предсказуемости.

Д.С. Бумер [Boomer, 1970, p. 159] в своих исследованиях отметил, что знаменательное слово, поиск которого вызывает появление хезитационной паузы, не всегда непосредственно следует за этой паузой, а может предваряться служебными словами.

В более поздних экспериментах [Butterworth, 1975], посвященных изучению зависимости появления хезитационных пауз от выбора лексической единицы, сделан вывод о том, что паузы предвосхищают увеличение информативности в последнем речевом отрезке, и что они отражают процесс выбора между различными лексическими единицами.

Постепенно исследователи пришли к выводу, что появление данного вида пауз отражает не только затруднения, возникающие в связи с выбором слов, но и трудности, возникающие при *структурном оформлении мысли*, т.е. при создании формы высказывания [Goldman-Eisler, 1961 a, p. 220–223]. Это положение вытекает из того факта, что речь является результатом двух одновременно

протекающих процессов, один из которых касается планирования содержательной и грамматической структуры, а второй – выбора слов, заполняющих эту структуру. А длительность и частота появления пауз хезитации зависит от количества операций, включаемых в процесс кодирования [Talor, 1969, p. 170–175].

Таким образом, Ф. Гольдман-Эйслер [Goldman-Eisler, 1961 a, 1961 b] делает вывод о том, что появление хезитаций отражает мыслительную деятельность (cognitive activity) говорящего, включающую выбор (selection), абстрагирование (abstraction), обобщение (generalisation) и планирование (planning).

Процесс планирования, в свою очередь, также состоит из трех типов решений: задачи *содержательного плана*, выбора *синтаксической структуры* и, наконец, *лексического выбора*. При этом отмечается, что процесс принятия решения ставит также задачу необходимости вербализации того или иного содержания, которое возникает в сознании говорящего в процессе порождения речи [Goldman-Eisler, 1961 c].

Таким образом, признается, что процесс планирования речи представляет собой сложное многоэтапное явление. Изучение хезитационных явлений наполняется новым и более глубоким содержанием. В процессе поиска единицы речевого планирования исследователи ставят перед собой новые дополнительные задачи: 1) в каком плане различаются хезитационные паузы и синтаксические [Lounsbury, 1965; Hawkins, 1971; Drommel, 1974]; 2) какие процессы отражают разные виды колебания (незаполненные, заполненные) [Boomer, 1965; Maclay, Osgood, 1959; Cook, Smith, Lalljee, 1974; Goldman-Eisler, 1961 c; Livant, 1963]; 3) какие экстралингвистические факторы влияют на различное распределение заполненных и незаполненных пауз [Lounsbury, 1965; Talor, 1969; Feldstein, Rogalsky, Jaffe, 1966; Rochester, 1973; Носенко, 1970; Ладыженская, 1985; Миронова 1994]; 4) каковы причины, определяющие количество и длину пауз в речи [Goldman-Eisler, 1961 c; Русская разговорная речь, 1983; Ладыженская, 1985; Миронова, 1994 б].

На основании одной из гипотез Ф. Лоунсбери [Lounsbury, 1954, p. 98] о том, что несинтаксические членения являются границами единиц внутреннего кодирования, и на указании Х. Маклея и Ч. Осгуда [Maclay, Osgood, 1959, p. 23] о том, что, поскольку не разработан независимый метод определения единиц кодирования, эта гипотеза может быть использована в качестве отправной точки для установления функциональных психолингвистических единиц

кодирования, А. Хендерсон, Ф. Гольдман-Эйслер, А. Скарбек [Henderson, Goldman-Eisler, Skarbek, 1965] предложили модель такой единицы, используя результаты экспериментального анализа. Они предположили, что если планирование является процессом, внутренне присущим порождению речи, то существует, вероятно, неслучайное последовательное распределение хезитационных пауз в речи. Результаты эксперимента показали регулярное распределение явлений колебания в спонтанной речи: периоды с относительно долгими паузами и короткими отрезками звучащей речи регулярно чередуются с другими периодами, где за кратковременными паузами следуют относительно длинные речевые цепочки.

Основываясь на этих данных, авторы предлагают функциональную единицу, отражающую, по их мнению, так называемый *когнитивный ритм или шаг мышления* (cognitive rhythm or cognitive stride) [Henderson, Goldman-Eisler, Skarbek, 1965].

Единицей вербального планирования считается некоторая сложная единица, складывающаяся из двух последовательно сменяющих друг друга отрезков речи. Первый отрезок состоит из *длинной паузы и короткого речевого отрезка*, второй – из *краткой паузы и длительного речевого фрагмента*. Равномерное чередование длительных и кратких пауз создает ритм речи. Время пауз, по мнению Ф. Гольдман-Эйслер, должно составлять 1/3 общей длительности речи [Goldman-Eisler, 1967, p. 122]. Логику рассуждений исследователей можно проиллюстрировать следующей схемой:

Единица вербального планирования = отрезок речи 1 (длинная пауза + короткий речевой отрезок) + отрезок речи 2 (короткая пауза + длинный речевой отрезок).

Предполагалось, что планирование речи осуществляется в период первой длительной паузы до произнесения первого речевого отрезка; при этом планирование осуществляется на два отрезка вперед. В соответствии с этой гипотезой, второй длительный речевой отрезок должен быть более тщательно оформлен и организован как грамматически, так и в фонетическом отношении. Результаты эксперимента подтвердили эту гипотезу: действительно, более короткие паузы встречаются главным образом перед четко оформленными синтаксическими конструкциями – в основном перед началом придаточных предложений. Первое же колебание не отражает непосредственной связи с синтаксической структурой отрезка. Оно сопровождает процесс вербального планирования на высших уровнях абстрагирования и обобщения.

В связи с этим возникает вопрос о способе и средствах материализации первого речевого фрагмента. Кроме того, следует отметить, что данная модель вербального планирования противоречит выводу Ф. Гольдман-Эйслер [Goldman-Eisler, 1961 с], сделанному ранее о том, что процесс планирования, кроме содержательного плана, включает также планирование синтаксической структуры высказывания и лексический выбор. В связи с этим получается, что явления хезитации отражают только процесс речевого планирования на высших уровнях сознания. Где же замысел облекается в материальную оболочку, остается неясным.

Не вполне убедительным кажется также утверждение авторов о следовании друг за другом только в заданном алгоритме цепочек, состоящих из длинной паузы – короткого речевого отрезка – короткой паузы – длинного речевого отрезка. Представляется вполне возможным и в действительности имеющим место [Яковлева, 1996] наряду с указанным также и наличие других алгоритмов кодирования речи.

Тем не менее усилия зарубежных исследователей в поисках единицы вербального планирования можно считать продуктивными. Их идея выделения в качестве единицы вербального планирования «речевого шага», «ритмического шага мышления» требует изучения.

В качестве единицы кодирования речи предлагался также и период (*suprasegmental semantic unit, supraclause, meaningful communicational unit*), состоящий из паузы и фонации [Rochester, 1973, p. 64–69], т.е. просодическая единица, представляющая собой *фонематическое предложение или фразу (phonemic clause)* [Boomer, 1965, p. 148].

Вычленению высказываний в спонтанной речи на перцептивном уровне препятствует свойственное данному виду дробное членение, которое создается за счет вычленения в речевом континууме как полнозначных, так и неполнозначных слов, вследствие чего утрачивается основное свойство синтагмы – выражать смысловое целое. Правда, некоторые исследователи в качестве единицы анализа спонтанного дискурса все же выбирают синтагму, опираясь на письменную и подготовленную речь. Однако этот выбор противоречит реальным фактам. В спонтанной речи с помощью хезитационных периодов часто выделяются аморфные в синтаксическом плане фрагменты высказываний, образующие нечленимое целое. Синтагма непригодна в качестве единицы анализа спонтанного речевого продукта [Яковлева, 2014, 2015].

Стремление найти альтернативную синтагме единицу в спонтанной речи привело к появлению понятий «неполная синтагма» (Антипова 1980), «паузальная группа» [Brown, Currie, Kenworthy, 1980]. Однако и они не принесли ожидаемого успеха.

Неполная синтагма определяется как отрезок речи, прерываемый в месте сильных связей, вследствие чего слово или слова, входящие в неполную синтагму не образуют смысловое единство [Антипова, 1980, с. 91].

Понятие «паузальная группа» определяется как любой речевой сегмент от паузы до паузы. Если речевой сегмент заключен между синтаксическими паузами или хезитационными паузами, совпадающими с синтаксическими, тогда можно определить его синтаксическое наполнение. В противном случае данный термин в качестве единицы анализа спонтанного текста не «работает». Кроме того, данный термин, с нашей точки зрения, неточный, перевернут «с ног на голову». По сути дела этим термином обозначают только фонационный фрагмент, в то время как пауза может быть и нефонационной. Фонационные отрезки, получаемые в результате сегментации спонтанного текста хезитациями, не всегда имеют форму смысловых единиц, часто это просто бесформенные сегменты. Наблюдается полное отсутствие четких формальных грамматических показателей между единицами членения. Синхронность процессов обдумывания и продуцирования речи ведет к тому, что границы фраз становятся расплывчатыми, их просодическое оформление не имеет четких делимитативных признаков [Яковлева, 1996, 2005, 2014, 2015].

Факты своеобразного членения спонтанного текста хезитациями, не совпадающего с синтаксическим членением, ставят лингвистов в тупик: возникает много разногласий по поводу признания или непризнания *лингвистической сущности* паузы колебания. Данный факт побудил лингвистов [Яковлева, 1996] начать поиски доказательств в пользу если не лингвистической сущности хезитаций, то, по крайней мере, их лингвистической значимости и тем самым их некоторой лингвистической реабилитации. Сомнение вызывало подчеркивание отдельными исследователями их лингвистической немотивированности [Mahl, 1959, p. 113; Ладыженская, 1985, с. 124 и др.]. Данное мнение представляется несколько интуитивным, не вполне обоснованным и преждевременным в силу малой изученности хезитаций. Психологическая незапрограммированность данного вида пауз в спонтанной речи гово-

рящим не означает их полной немотивированности строем языка [Яковлева, 1996]. Также и доказательство равномерного чередования длительных и коротких пауз при распределении единицы речевого планирования [Goldman-Eisler, 1967] вызывает некоторые сомнения в полной немотивированности появления хезитаций даже самым ходом когнитивных операций [Яковлева, 2016]. Кроме того, по нашему мнению, при полной языковой немотивированности эти паузы не были бы, как выясняется, так сильно функционально нагружены. Об обусловленном синтаксическим строем языка характере появления хезитаций говорят факты установления зависимости между локализацией хезитационных пауз и синтаксической структурой высказывания [Яковлева, 1996].

Мы попытались доказать, что психологически непреднамеренный говорящим характер появления хезитаций отнюдь не исключает наличия определенных тенденций в их появлении в рамках высказывания, что может быть обусловлено особенностями синтаксического строя языка, в частности немецкого (фиксированный порядок слов, рамочная конструкция). Локализация хезитационных периодов в строго обусловленных синтаксических позициях высказывания дает основание для установления определенных закономерностей их реализации.

В местах «склеивания» хезитационных пауз с синтаксическими – хезитационные паузы берут на себя часть функциональной нагрузки синтаксических пауз, перерастая в хезитационные периоды, характеризующиеся относительно долгой протяженностью, в течение которых созревает план кодирования следующего речевого шага или исправление его неудавшейся артикуляторной реализации, что связано с решением определенной синтаксической задачи.

Относительно легкое распознавание хезитационных пауз [Boomer, Dittman, 1962] также свидетельствует в пользу их лингвистической релевантности. Этот факт говорит о том, что декодирование речи происходит не только посинтагменно, но большей частью в хезитационные периоды, которые являются для слушающего своеобразным «местом ориентирования» при восприятии потока информации и декодирования сказанного. В данном случае можно отметить функциональную тождественность синтаксической и хезитационной паузы.

Наконец, данные лингвистов [Ладыженская, 1985; Шапа, 1993 и др.] о просодической оформленности хезитаций свидетельствуют

об их высокой коммуникативной информативности и лингвистической значимости.

3.3. Классификация хезитационных явлений

3.3.1. Формальный подход

Первыми исследователями хезитационных явлений можно считать зарубежных ученых Ф. Лоунсбери, Ф. Гольдман-Эйслер, Д. Трейгера, Х. Маклея, Ч. Осгуда и др., проводивших, в основном, психологические и психолингвистические исследования явлений речевого колебания. Все дальнейшие исследования этого феномена, в целом, опирались на их результаты и выводы. Лингвистический аспект хезитаций оставался «за кадром».

Различные авторы трактовали понятие «хезитация», в основном, единообразно. Однако в их классификациях прослеживаются, с одной стороны, моменты различного понимания одних и тех же явлений, а с другой – объединение в один класс разнородных понятий. Следует констатировать факт превалирующих попыток в приведенных ниже классификациях отразить в основном лишь формальную сторону данного сложного явления.

Так, Д. Трейгер [Trager, 1958, p. 8] включает в свою классификацию следующие виды хезитаций:

1. *Нулевые сегменты (zero segregations):*

Hatt' ich wirklich... |..riesige Lust, hierher zu fahren¹

2. *Звуковые сегменты (vocal segregations):*

Und das hat zur Folge...^ddas sind sozusagen ∂∂ ff sagen wir mal mm aa na Fakultäten, übergreifende Lehrstühle.

3. *Повторение речевых отрезков разной длины:*

a) Weiter...weiter kann man nichts planen.

б) Aber wahrscheinlich wird das wohl... | ²... wird das wohl zu spät.

4. *Исправления*

Und wir fliegen ja dann ∂∂... das heißt...ich fliege nach Griechenland, zu Dörte.

¹ Ввиду того, что авторы приводимых классификаций не иллюстрируют их своими примерами, мы для удобства восприятия приводим примеры из нашего экспериментального звучащего материала.

² Обозначение хезитаций в виде акустического нуля средней длины.

5. Оговорки (*slips of the tongue*):

Am Montag muß ich dich unbedingt überall vorstellen: auf den...auf den Fakultäten...auf den Fakultäten.

В классификацию Х. Маклея и Ч. Осгуда [MacLay, Osgood, 1959, p. 24] входят следующие виды хезитационных явлений:

1. *Ложные начала (false starts)*:

In den ôô Oder ein Paukunterricht oder wie könnte man das bezeichnen...

2. *Повторы (repeats)*:

Also, intensiv...intensiv...Intensivkurse für Deutsch, Französisch und so weiter.

3. *Паузы, заполненные и не заполненные звуками*:

Also...[..entspanntes Lernen..]..durch Imitation ff ganz ohne Grammatik.

Более расширенную и уточненную классификацию предложили позднее Д. Блэнкеншип и К. Кей [Blankenship, Kay, 1964, p. 360–362].

К речевым колебаниям они отнесли следующие явления:

1. *Нелексические вставки (non-lexical intrusive sounds)*:

Und hast'n Eindruck, das ein... ôô...moderner Unterricht ist.

2. *Коррекцию предложения (sentence correction)*:

Es ist ein Glück, dass ich noch Paar mal schnell im letzten Augenblick noch 2 kurzärmlige Hemden eing...in den Koffer gepackt habe.

3. *Замену слов (word change)*:

Den Sohn hab' ich gar nicht gehört... || ...gesehen.

4. *Повторы (repeats)*:

Der eine ist so armes Schwein... *is'nⁿ... is'nⁿ... einⁿ... einⁿ... einⁿ...*Schwarzer

5. *Заикания (stutters)*:

Ja, hat sie...[..hat..sie..hat sie mir so..sogar geschrieben.

6. *Пропуски части слова (omission of part of a word)*:

Und dann hat jeder so sei..sein Bereich.

7. *Незавершенность предложения (sentence incompleteness)*:

hm... da geht viel Zeit auch noch drauf, hin und her zu...

Названные явления речевого колебания исследователи понимали как «вставные» элементы, которые включаются в длинные несинтаксические паузы. В классификации отсутствуют незаполненные хезитационные паузы.

Д. Рэгсдейл и Д. Систерхен [Ragsdale, Sisterhen, 1984, p. 235–254, p. 240–241], исследовавшие хезитации у детей с патологией и без

патологии речи (авторами не уточняется род патологии), выделили три большие категории хезитаций:

1. Ah-феномены, т.е. заполненные формами невербального поиска.

2. Non-ah-феномены – заполненные разными формами вербального поиска, в частности:

- а) изменения предложения,
- б) повторы,
- в) заикания,
- г) оговорки,
- д) пропуск слова или части слова,
- е) обрыв предложения,
- ё) нефонемные затяжки звуков.

В формы вербального поиска авторы включают и нефонемные затяжки последних элементов лексических единиц.

3. Незаполненные паузы.

На основании серии экспериментов авторы констатируют, что дети без патологии речи так же, как и взрослые, употребляют «ah-феномены», повторы, заикания чаще, чем другие виды хезитаций. Напротив, дети с патологией речи больше употребляют «non-ah-феномены». У мальчиков с патологией речи вообще больше хезитаций, чем у девочек. С возрастом у мальчиков число хезитаций уменьшается, а у девочек увеличивается.

Рассмотренные трактовки явлений хезитации можно считать более подробными по сравнению с классификациями Д. Трейгера, Х. Маклея и Ч. Осгуда.

А. Хике [Hieke, 1981, p. 151–156] в своей классификации хезитаций выделяет следующие ее формы:

1. Повторы и ложные начала (repeats and false starts).
2. Акустический нуль (silent pauses).
3. Заполненные паузы (filled pauses).
4. Проспективные повторы (prospective repeats).
5. Слоговые удлинения (syllabic prolongations).
6. Исправления (repairs):
 - а) ошибок в произношении,
 - б) синтактико-семантических ошибок (замена, добавление, перестройка),
 - в) когезионных ошибок.

Однако если проанализировать представленные классификации, то и в рамках каждой из них, и при сравнении между ними

можно обнаружить неточности, смешение понятий, непоследовательность.

Основной недостаток рассмотренных классификаций в том, что они отражают лишь формальную, внешнюю сторону хезитационных явлений без учета их функциональных характеристик.

Существенным недостатком является также смешение различных по функциям явлений: 1) пауз хезитации как «трамплина» для реализации еще нематериализованной последующей речевой программы (акустический нуль; хезитационные периоды, заполненные формами вербального и невербального поиска; плеонастические конструкции разного рода) и 2) «пробных» уже материализованных ошибочных речевых шагов (фальстарты с последующей самокоррекцией; самопрерывания с последующим самопродолжением прерванного или подхватом партнером), которые являются неудачной попыткой реализации уже созревшего речевого замысла.

Недостаток существующих классификаций хезитационных явлений можно увидеть и в приблизительном делении пауз на заполненные и незаполненные без учета их разновидностей внутри данных двух видов и промежуточных комбинаций. Так, Х. Маклей, Ч. Осгуд к незаполненным паузам наряду с акустическим нулем относят и нефонемное продление ряда конечных звуков лексических единиц, а Э. Гюлих [Gulich, 1970] и Р. Дроммель [Drommel, 1974] объединяют в один подвид заполненных пауз затяжки последних гласных элементов вербальных реализаций и заполненные некоммуникативными фонациями отрезки. Д. Блэнкеншип и К. Кей вообще не включают незаполненную паузу в свою классификацию. Заполненная пауза у них представлена только нелексическими вставками.

Существенным недостатком следует признать и отсутствие унификации обозначения и понимания видов хезитации. Например, один и тот же характер хезитационных явлений разными авторами называется по-разному (ср. «ложные начала» у Х. Маклея и Ч. Осгуда, «коррекцию предложения» у Д. Блэнкеншип и К. Кей). Противоречия можно увидеть и внутри классификации Д. Блэнкеншип и К. Кей: «пропуски части слова», «заикания» и «замена слов» могут быть рассмотрены как явления одного порядка, если проследить причины их возникновения.

Кроме того, обладающие одинаковыми формальными признаками явления (повтор, заикания, пропуски и замена слов) могут и не иметь отношения к явлениям хезитации. С одной стороны,

повторы и замена слов, возникающие при поиске «удобного» для произнесения слова, могут быть следствием другого явления, связанного с патологией речи, логоневрозом. С другой стороны, повтор и замена слов могут иметь чисто лингвистическую природу. В частности, замена слов может быть связана с явлениями эвфемизма, а повтор по своей лингвистической нагрузке – полифункционален [Шитова, 1988; Головкина, 1964].

Кроме повтора-хезитации, связанного с затруднениями говорящего в выборе лексической единицы и построением высказывания, существует повтор-подчеркивание, представляющий собой речевой прием, используемый в качестве актуализатора для усиления экспрессивности высказывания часто также непреднамеренно. В этом случае совпадает форма, но не функции, и исследователь должен выяснять причины, порождающие повтор.

Включаемые исследователями в классификации хезитационных явлений оговорки часто вряд ли вообще можно считать хезитациями.

В качестве дополнения к имеющимся классификациям, в частности к классификации Д. Блэнкеншип и К. Кея, Б.Я. Ладыженская и другие исследователи выделяют, наряду со смысловой коррекцией высказывания, также и грамматическую коррекцию, затрагивающую форму и структуру высказывания [Ладыженская, 1985, с. 126–131]. Кроме того, дополнением имеющихся классификаций можно считать и расширение понятия «заполненная пауза» [Ладыженская, 1985, с. 142–150]. Б.Я. Ладыженская вводит в состав заполненной паузы, кроме звуков нефонемного характера, также и «десемантизированные» или частично «десемантизированные» элементы русского языка: указательные местоимения, частицы с расплывчатой семантикой: «этот», «ну», «такой» и др. В остальном классификация Б.Я. Ладыженской аналогична классификации Д. Блэнкеншип и К. Кея. Впоследствии инвентарь десемантизированных элементов русского языка будет значительно пополнен другими исследователями [Кокошкина, 2011; Богданова-Бегларян, Кутруева, 2013 и др.].

Таким образом, формальный подход к классификации явлений речевого колебания привел как к смешению разнородных понятий, так и к отнесению одного вида хезитативов к разным понятиям. Попытки только формального подхода к классификации хезитационных явлений, предложенного психолингвистами, были полезными лишь на первых этапах исследования. Они первыми обрати-

ли внимание на данное речевое явление и описали, хотя и неполно, формальные признаки этого феномена. Анализ имеющихся классификаций хезитационных явлений показал, что для раскрытия их сущности, наряду с формальным подходом, перспективным и необходимым представляется также учет функциональной нагрузки, выполняемой хезитационными явлениями, и выявление причин их появления. Опора лишь на форму приводит к эклектическим выводам, затрудняющим поиск путей разрешения проблемы доказательства коммуникативной релевантности хезитационных явлений.

3.3.2. Формально-функциональный подход

Попытки только формального подхода к классификации явлений хезитации, как уже отмечалось, оказываются недостаточными. Для решения ряда теоретических и практических задач, требующих создания лингвистической базы для диалоговых систем «человек-машина», систем автоматического распознавания речи и других прикладных целей, перспективным представляется использование функционального подхода к анализу и таксономизации явлений хезитации.

Попыткой выйти за рамки формального подхода к анализу явлений речевого колебания было выделение П. Танненбаумом, Ф. Вильямсом, К. Хильяром [Tannenbaum, Williams, Hillier, 1965, р. 139] двух видов хезитационных явлений: *1) связанных с «нащупыванием» («groping») будущего высказывания; 2) с исправлением допущенных ошибок.* Здесь мы видим четкое различие двух функций, выполняемых хезитациями: помощь в созревании речевой программы и коррекция еще не до конца созревшего замысла, артикуляторная реализация которого уже началась.

Л.П. Бондаренко [Бондаренко, 1978, с. 155–156] в результате исследования дистрибуции и функций пауз колебания в английской спонтанной речи предлагает классифицировать их следующим образом:

1. По дистрибуции: а) межсинтагменные, б) внутрисинтагменные.
2. По функциям: а) *порождающие, планирующие* высказывание, б) коммуникативные (преднамеренная хезитация) паузы как *дикторский прием.*
3. По форме: а) заполненные, б) незаполненные, в) смешанные.

По мнению Л.П. Бондаренко, нецелесообразно функционально противопоставлять различные формы пауз колебания (заполненные, незаполненные), так как анализ их дистрибуции показал, что по функциям они не различаются. Данное утверждение, по нашему мнению, требует дополнительных доказательств.

Положительным в данной классификации является попытка обозначить функциональную сторону данного явления, однако, к сожалению, она не нашла дальнейшего развития в работе. Кроме того, представляется неоправданным называть хезитации «преднамеренными», поскольку данный феномен таковым не является в спонтанной естественной речи, хотя, действительно, может иметь место как дикторский прием. Однако тогда, с нашей точки зрения, следует выяснять характеристики диктора (является ли он актером или обыкновенным информантом, поскольку исследователи, часто фонетисты, «дикторами» называют любых информантов, чья речь не имеет отношения к чтению перед микрофоном).

Е.П. Шапа [Шапа, 1993, с. 68] в своей классификации выделяет заполненные и незаполненные хезитационные периоды. Незаполненные хезитационные периоды в английской спонтанной речи включают: 1) цезуры 1=80–200 мс (миллисекунда); 2) внутренние логические паузы 1=220–720 мс; 3) финальные логические паузы 1=400–1940 мс.

Основой для выделения данной классификации послужило различие выполняемых ими функций.

Цезуры *соединяют грамматически взаимозависимые семантические единицы внутри тематического отрезка*. Наиболее частотными являются цезуры в пределах 100–160 мс.

Внутренние логические паузы обычно встречаются там, где грамматическая связь между семантическими единицами более свободна, и диапазон грамматического варьирования шире. Внутренние логические паузы выполняют *функцию логической связи соположенных элементов*.

Финальные паузы (как разновидность логических пауз) *завершают временное и семантическое усилие говорящего наиболее адекватно вербализовать «мыслеобраз» на определенном тематическом отрезке*.

Подход Е.П. Шапы к данной классификации основывается на функции хезитационных пауз *маркировать переход к новому тематическому фрагменту текста*. Заполненная пауза рассмат-

ривается автором как способ подготовки к реализации последующего речевого шага с удержанием инициативы говорения.

Н.И. Миронова [Миронова, 1994 б, с. 95] относит к заполненным паузам нефонемное продление конечных звуков слов, считая это явление и заполнение пауз звуками нефонемного характера одноплановым как по форме, так и по содержанию, поскольку, по ее мнению, продление конечного гласного в словах можно так же, как и заполненную паузу в классическом понимании, функционально считать способом заполнения, **удержания канала связи**.

Относительно функционального плана этих явлений с Н.И. Мироновой, пожалуй, можно согласиться, хотя можно предположить как другую, так и разную функциональную нагрузку этих видов пауз. Что же касается формы, то здесь мы имеем дело с разнородными понятиями. В случае затяжки последнего элемента лексических единиц речь не идет о «заполнении» пустого сегмента [Яковлева, 1996].

Относя повторы частей слов (заикания) к «маркерам предупреждения» наряду со вставными элементами вербального характера, Н.И. Миронова тем самым наделяет их одинаковой функциональной нагрузкой (наряду с *предупреждением* также *удержание канала связи*). Однако повтор части слова может быть следствием выявления несоответствия между процессом планирования и артикуляторной реализацией программы, а вставные элементы не только предупреждают о затруднении, но и выполняют другие многочисленные функции.

Десемантизированные и частично десемантизированные лексические элементы, относящиеся к «маркерам предупреждения», автор называет «сорняками», лишая их тем самым функции, указывая на их избыточность относительно информативности. По нашему мнению, некорректно называть данные слова «сорняками», «паразитами» «пустыми», наделяя их лишь отрицательными характеристиками, поскольку без таких «речевых», десемантизированных слов речь отдельных индивидов может не состояться, поскольку для них это речевые опоры. Они помогают говорящему **спланировать речевую перспективу, а слушающему декодировать услышанное**. Кроме того, они выполняют и много других полезных функций: *мыслеобразующую, делимитативную* [Яковлева, 1996, 2014, 2016], *ритмическую, мелодическую, экспрессивную* [Ладыженская, 1985] и др.

Н.И. Миронова, учитывая особенности процесса порождения речи, также предлагает выделять, соответственно функциям, выполняемым в процессе речепроизводства (предупреждение, исправление, контроль), следующие типы речевого колебания.

1. *Маркеры предупреждения* – сигналы, предупреждающие о возникновении у говорящего речевых затруднений. К маркерам предупреждения относятся следующие виды пауз: незаполненные; заполненные: а) вставками различных звуков нефонемного характера («м», «э»); б) нефонемным продлением конечных звуков слов (в служебных или знаменательных словах: «ну^у», «поскольку^у»); в) повторами частей слов (заикания) или целых слов: *или это что-то пере...перепевы чего-то* [Миронова, 1994 а, с. 13–14]; г) десемантизированными (или частично десемантизированными лексическими элементами): мы...э значит с одним приятелем поехали [там же].

2. *Маркеры коррекции* – речевые сбои, связанные с исправлениями уже допущенных ошибок. В разряд таких исправлений включены сбои на уровне лексической единицы, связанные с затруднениями при поиске ее смысла:

а) ту ношу, которую вот предла...представляет им вот создание семьи [там же]

или ее грамматического оформления:

б) и водное...значит водный спорт [там же],

а также сбои на уровне высказывания, связанные с его смыслом (*пример а*) или формой (*пример б*).

3. *Маркеры контроля*. Речь идет о таких случаях, когда в момент контроля за соответствием результата намеченной программе изложения говорящий выявляет несогласование процессов планирования и артикуляции речи и останавливает высказывание: кое-где вы...выглядывают черепахи [там же].

Б.Я. Ладыженская [Ладыженская, 1985, с. 142–155] в своей работе показала, что несмотря на свою информационную избыточность, десемантизированные «пустые» «вставные элементы» выполняют: 1) *ритмообразующую функцию*, 2) *восполняющую мелодическую функцию синтагмы*, не реализованную при произнесении полнозначной части высказывания, 3) *экспрессивно-оценочную функцию*.

Г.И. Бубнова [Бубнова, 1987], работая со спонтанным речевым материалом носителей французского языка, выделяет простую

(пассивную) и сложную хезитацию. *Простая хезитация* включает звуковую хезитацию:

/chez Bal'za: : c ou chez Zo'la (il) y a 'peu d'hu'mou:rd / euh:: / et on 'la: a 'cause de cet hu'mour et au'ssi a cause de cette cruau'té on l'a sou'vent rappro'ché de Tche'khov/ [Бубнова, 1987 с. 20],

хезитационное удлинение гласных:

/c (e) n'est pas l'o'ralə: tou'jours authen'tique et pour 'ça le 'texte est 'trus trus lu'cide 'moi c'est c (e) que j'ai vrai'ment ai'me/ [там же, с. 25],

хезитационный «е» беглый:

/ 'que: ' euh:: la 'mao'trise de l' e'crit dans les e 'tudes fran'zai:s/ [там же, с. 28].

В качестве сложной хезитации автор рассматривает *фальстарты*:

/'mais' euh:: c (e) n'est 'pas la 'vie du fran'çais quoti'dien une 'fois qu (e) ses e'tudes sont f + sont terminées... / [там же, с. 33]

и поисковые повторы (грамматические слова: артикли, предлоги, местоименные прилагательные, местоимения):

/ ils devaient se se bor'ner a prendre en 'note c (e) qui était 'dit/ [там же, с. 43].

Среди повторов грамматических слов Г.И. Бубнова выделяет простые односложные повторы (de de de) и распространенные повторы 2–3 слога, которые охватывают целый грамматический блок (se qui est, de ne pas, il a). Распространенные повторы, как и простые, реализуются в виде полного повтора или содержат элемент коррекции (de se que de se qu'est) [там же].

Анализ текстовой дистрибуции звуковой хезитации позволил автору утверждать, что она выполняет две основные функции, которые тесным образом связаны с занимаемой ею текстовой позицией.

В предпаузальной позиции (отдельная паузальная группа, конец паузальной группы) ее текстовая функция как фонационной части паузы колебания состоит в *сокращении*, а иногда и в *снятии паузы*.

В фонационном окружении (начало – середина паузальной группы) ее текстовая функция заключается в **преодолении деструктурирующих тенденций**, свойственных устному синтаксису, в *нейтрализации спонтанно возникающих обрывов формальных связей*, в *создании просодической плавности и непрерывности речи там, где синтаксически она нарушается*.

Функция хезитационного удлинения гласных заключается в **модификации картины взаимодействия акустических пара-**

метров. В условиях нейтрализующего воздействия хезитационной долготы особое значение при выражении акцентной выделенности гласного приобретает тонкая «взаимная» [Бубнова, 1987, с. 28] подстройка параметров ЧОТ и интенсивности.

Основную текстовую функцию всех видов пассивной хезитации Г.И. Бубнова видит в **обеспечении плавности и непрерывности устноречевого развертывания** там, где синтаксически они нарушаются.

Функцией фальстарта (самоперебива) исследователь считает не формальную коррекцию, а **уточнение и нюансировку той мысли**, которая содержится в левом контексте (т.е. в начале высказывания. – *Прим. наше*) или **смену речевого плана**. При реализации самоперебива наблюдается **развитие и обогащение содержательного плана высказывания**.

Анализ повторов, с точки зрения автора, свидетельствует, что основная функция просодии при их оформлении заключается в **маскировке и снятии поисковых трудностей**, естественно возникающих при спонтанном говорении.

Учитывая синтаксические особенности немецкой диалогической речи, мы [Яковлева, 1996, 1997, 1998 а, 1998 б, 1998 в, 1998 г, 1998 д, 1999 а, 1999 б, 2000 а, 2000 б, 2000 в, 2000 г, 2001 а, 2001 б, 2001 в, 2002, 2004, 2007, 2008, 2009 а, 2009 б, 2009 в, 2014, 2015, 2016] попытались определить функциональную нагрузку отдельных видов хезитаций, выполняемую ими в процессе кодирования и декодирования речи, и соответственно представить свое понимание этого явления в классификации видов хезитационных периодов, обобщив и систематизировав свои наблюдения и результаты проведенных нами видов анализа: синтаксического, дистрибутивного, аудитивного, акустического (см. их описание в 4 гл.).

В **широком смысле** мы рассматриваем хезитационные явления как различные нарушения в организации речевого континуума, связанные с речевыми затруднениями, не относящимися к патологии речи. В **узком смысле** под хезитационными явлениями мы понимаем **хезитационный период (ХП)** – промежуток времени, в течение которого говорящий планирует проспективную речевую программу или осуществляет ее неудачную реализацию с последующей коррекцией, а слушающий декодирует услышанное и антиципирует дальнейший речевой шаг говорящего.

Выбор термина «хезитационный период» мы обосновываем в силу нашего понимания хезитации как временного интервала или

цикла, периодически возникающего в определенных синтаксических позициях спонтанного высказывания, необходимого для кодирования говорящим ближайшей речевой программы и декодирования слушающим речевого замысла партнера.

Нами разработана классификация видов хезитационных периодов в зависимости от выполняемых ими функций (см. в Приложении табл. 5 «Формально-функциональная таксономия хезитаций»).

Мы выделяем две главные функции, которые выполняют хезитационные периоды: *функцию планирования проспективной речевой программы и функцию восстановления качества речи, реализуемую в виде контроля и коррекции*, внутри которых выделяются и другие функции.

Функцию планирования проспективной речевой программы выполняют следующие виды хезитационных периодов [Яковлева, 1996, 2016]:

А. Незаполненные ХП (акустический нуль).

Б. ХП, заполненные формами невербального поиска (нелексическими звукосочетаниями):

1. Заполненные одним видом звука “ôôô”, “mm”.

2. Заполненные последовательностью разных звуков: “ôô mm ff”.

В. ХП, заполненные формами вербального поиска:

1. Плеонастическими вставными элементами:

1. Единичными десемантизированными лексическими единицами (разнофункциональными частицами, модальными, служебными словами), вставляемыми в пустой сегмент речевого континуума:

na also, na ja, ja doch, echt, so nu, na, nö и т.д.

а) с затяжкой¹ (удлинением) последнего гласного или согласного элемента:

na also⁰, na ja^a, und^t

б) без затяжки последнего элемента.

2. Лексическими единицами в виде проспективного повтора, т.е. повтора, нацеленного на реализацию перспективы высказывания:

а) изолированных лексических единиц:

Und auch die... die... die Katrin... ihre... die Nichte protestiert².

б) словосочетания (части предложения):

¹ Затяжка в данном случае рассматривается как явление, сопровождающее заполнение пустого сегмента.

² Примеры взяты из нашего экспериментального материала.

Aber wahrscheinlich wird das wohl... wird das wohl zu spät.

3. Пролептическими элементами:

a) Und die¹ eine Frau, die da diesen Vortrag angeboten bekommen hat, die¹ war an und für sich nicht schlecht.

б) Die¹ ganze Ecke, die¹ finde ich wunderschön.

4. Антиципационными конструкциями:

Ich hatte sowieso den Eindruck, daß die¹ von ihrer Fähigkeit zu sprechen,

...die¹ Männer, ohne... ohne Akzent und flüssig zu sprechen...

5. Парентезными включениями:

Und das hat zur Folge... das sind, sozusagen, dd ff sagen wir mal mm

na Fakultäten, übergreifende Lehrstühle.

6. Смешанными конструкциями с анаколуфом и парентезой:

Wenn man sich verteidigt und die Planstelle... es ist eine Planstelle, da... dann ist es ein unbefristeter Assistent...

Г. Комбинированные XII, сочетающие заполненные и незаполненные формы поиска:

1. Двусоставные:

1. Заполненные + заполненные

а) вербальным компонентом + нелексическое звукосочетание (одного вида или последовательностью разных звуков):

– с затяжкой последнего элемента вербального компонента:

also⁰ dd ja^a am əm

– без затяжки последнего элемента вербального компонента:

na ja mm; doch aa ff

возможна обратная последовательность:

б) нелексическое звукосочетание + вербальный компонент:

dd mm und und

2. Заполненные + незаполненные

в последовательности:

а) вербальный компонент + акустический нуль:

– с затяжкой последнего элемента вербального компонента:

und^{tt} | ...also **jetzt^{tt}** | **ja^a**.. | .. und was gibt's...**der^a**. | . mehr in die Breite gerät

б) акустический нуль + вербальный компонент:

– с затяжкой первого или второго элемента вербального компонента:

. | . **u^und**... | | ... **u^un^d**

– без затяжки вербального компонента:

Also, hier links is '... | ... also das Badezimmer

в) акустический нуль + нелексическое звукосочетание:

auf die Straße gesetzt... | ... dd spielt...

angefangen habe... | | ... dd zu beantragen...

г) нелексическое звукосочетание + акустический нуль

Und der andere heißt Deutsch für dd. | .

II. *Чередующиеся макрופериоды*, включающие различные виды хезитационных компонентов, следующих чередующейся цепочкой друг за другом:

ак. О + запол. верб. компонент с зат. посл. эл. + ак. О + запол. верб. комп. с зат. посл. эл. + ак. О + запол. верб. комп. + ак. нуль + запол. верб. комп. + запол. нелекс. звукосоч. + запол. верб. комп. + ак. О + запол. верб. комп. + ак. О + запол. верб. комп. + ак. О + запол. нелекс. звукосоч. + ак. О + запол. верб. комп. с зат. посл. эл. + ак. О + запол. верб. комп.:

. | . na^a. | . also^o. | | . wenn man. | . wenn man ff wenn man. | . das. | . an dd... das^s Examen. | . hm an den Examina...

III. *Хезитации-наложения* – хезитационные периоды, накладываемые на реплику партнера. Их функция двояка. Часто они являются сигналом для *перехвата инициативы* говорения как выражение возбуждения, нетерпения собеседника. С другой стороны, они возникают и как попытка *развития нового замысла*, когда сообщение партнера уже утратило для собеседника свое значение.

B:... auf der Datsche. Haben sehr schön gefeiert.

↑↑

↑↑

*A: ja... **hat sie...** **hat sie...** **hat sie** mir sogar...*

Д. Особую группу ХП, выполняющих функцию планирования, образуют в немецкой спонтанной диалогической речи **внутрисловные хезитации**, возникающие:

1) *на стыках слов в ситуативных композитах* (окказиональных словосложениях), являющихся результатом исключительной продуктивности словосложения в немецком языке, возникающих в свободном словотворчестве, огромное количество которых не всегда фиксируется словарями:

а) с затяжкой последнего элемента в первом компоненте сложного слова:

Pflicht^t jahre;

б) в виде акустического нуля между составляющими сложного слова:

Gruppen.||. zugehörigkeit;

2) на морфемных границах в обычных словах:

а) с затяжкой последнего элемента на границе:

über^a... setzen;

б) с акустическим нулем на границе (обычно в Part. II после префикса «ge»):

ausge.|. ruht, ge.|. wohnt, ge.|. jubelt;

3) в суффиксе «in» у существительных ж. р. в случае альтернативы грамматической формы ед. или мн. числа:

Lehreriⁱ nnen.

Е. **Затяжки** (нефонемное удлинение) последних (реже первых, иногда вторых) гласных или согласных элементов в лексических единицах (в вербальных компонентах фонационных отрезков): der^a, ganz^z, und, un^d.

Названный вид хезитационных периодов рассматривается нами как самостоятельный вид хезитации, имеющий отличную от заполненной паузы природу. В данном случае речь не идет о заполнении пустого сегмента. Чаще всего данное явление реализуется как составная часть сложных комбинированных хезитационных периодов.

Вторая основная функция, выполняемая хезитационными периодами – это **функция восстановления качества речи**, реализуемая в виде **контроля и коррекции**. Эту функцию выполняют ХП, называемые речевыми сбоями, которые возникли как пробные, неудачные речевые шаги (фальстарты), как ошибочная попытка реализации: 1) уже рожденного речевого замысла; 2) замысла, созревшего еще не полностью, в то время как его артикуляторная реализация уже началась [Яковлева, 1996].

Эти попытки неудачной реализации замысла корректируются также двояким способом:

А. **Самостоятельным выходом говорящего из затруднительного положения**. В связи с этим мы выделяем ретроспективные коррекции, т.е. самоисправления, обращенные назад к неудачному началу высказывания с целью заблокировать его артикуляторную реализацию, не отвечающую замыслу и исправить неудачное начало речевого шага. То есть говорящий как бы «оглядывается» на свой первоначальный замысел, обнаружив несоответствие результата намеченной программе изложения.

І. В исследуемом экспериментальном материале были зафиксированы следующие **ретроспективные коррекции**:

1. На произносительном уровне:

mm imaginal...ah...imaginär war das doch... | ...das könnte man sich ganz anders...

ja... kra... ээ kreuzt er wieder...

2. На уровне синтаксиса:

а) субституции:

Ich weiß nicht geht... ging dir das genau so

б) добавления (в виде парентезных включений, когда говорящий осознал, что должен пояснить предыдущую мысль):

Ich hänge mittlerweile wirklich nicht mehr mit... mit der Gruppe 'rum... ich hab'mich so abgeseilt!!! was auf der anderen Seite auch nervlig ist... wenn du mal... dann. | ausnahmsweise mal im Wohnheim sitzt... na.

3. На лексическом уровне:

Un'd nachmitt...na... abends hab'ich schon Theater fahr. | . ээ vorsehen.

Das ist also⁰. | . ein Job, der^a... mehr in die Breite gerät. | . in die Breite geht.

4. На уровне коррекции замысла:

Aber dieses... mm ээ...Syntaktisch gesehen waren da noch eine ganze Menge Fehler.

II. Самоподхват конструкции с апозиопезисом.

*Es ist im Moment. ||. Ach!.. ||. So.. ||. **ich bin da in eine sehr ungünstige Zeit gekommen.***

Б. **Вмешательством партнера.** Речь идет о таких случаях, когда говорящий не может самостоятельно справиться с речевым затруднением, и ему помогает партнер:

1. Самопрерванная конструкция с последующей коррекцией партнером:

A: **Das** war.. ||.

B: **Du** warst so geschockt.

2. Самопрерванная конструкция, продолженная партнером (так называемые подхваты):

A: Ja, so viele nicht, **denn^m** viele dieser Städte sind ja leider für mich^{ch}. ||.

B: **Ja geschlossen.**

Кроме выделенных видов хезитаций в рамках двух основных функций (функции планирования и восстановления качества речи) мы выделяем и *другие виды*, выполняющие самые разнообразные

функции: коммуникативные, лингвистические, перцептивные, психологические и др.

Метатекстовый комментарий (вставные фразы говорящего, обращенные к самому себе или адресату, *облегчающие процесс поиска «связующей нити»* с разворачивающейся программой и *обеспечивающие непрерывный контакт с собеседником*). Наряду с функцией обеспечения канала связи между говорящими можно выделить и функцию *удержания канала связи*.

Was weiß ich, weißt du was, wie heißt das, was hab ich eben gesagt и т.д.

Невербальные хезитации – покашливания, вздохи, смех, прочищение горла (при отсутствии физиологической потребности, а лишь как неосознаваемая маскировка возникшего речевого затруднения), причмокивания языком, кинестезические элементы – выполняют *функцию маскировки* речевого затруднения и вызванного им смущения, отвлекая слушающего от возникшей проблемы.

Хезитации отражают процесс принятия решений *семантического или смыслового* характера, в связи с чем можно выделить *семантическую функцию*, выполняемую ими.

Неоспорима роль хезитаций в *архитектонике* высказывания, поскольку в ХП происходит формирование *синтаксического каркаса* высказывания. Они связаны с выбором решений о необходимости *вербализации* или *умолчания* той или иной информации. Хезитации *маркируют* переход к *новому тематическому фрагменту* дискурса. Так называемые «порождающие зоны» или «точки», которые являются ключевыми моментами для возникновения новой темы, подтемы, микротемы, содержат элемент колебания. ХП обычно связаны с ответственными моментами в индивидуальной речевой деятельности, с критическими точками информационно-содержательного, целевого и других аспектов взаимодействия. «Порождающая зона» может иметь некоторую протяженность во времени, представляя собой размытую область неясного, скрытого зарождения темы. Таким образом, дополнительно выделяются *тематическая и структурная функции*.

Следует отметить, что моменты речевого колебания непреднамеренно коммуникативно ориентированы. Они нацеливают на декодирование речи, ориентируют слушающего на принятие поступающей информации, фиксируя его внимание на последующей за ХП реализации речевой программы. То есть в моменты ХП ад-

ресат, кроме декодирования услышанного, еще и антиципирует продолжение речевой программы адресанта. Таким образом, фактически хезитации являются «опорами» для него в речевом потоке. Следовательно, они выполняют **ориентирующую (декодирющую и антиципирующую) функцию**.

Хезитации выполняют **дейктическую функцию**, выступая в качестве **индикатора** поступления информации. Выделение данной функции подчеркивает роль хезитаций в обеспечении канала связи между коммуникантами, наличие или отсутствие внимания со стороны слушающего.

Следует отметить также **фатическую функцию**. Моменты речевого колебания довольно часто маркируют начало и конец беседы, предваряя выбор фраз, открывающих или заканчивающих ее. Внутри же фатических фрагментов беседы хезитации, как правило, почти не фиксируются.

Разная длительность ХП в разных типах звучащего дискурса позволяет выделить **стилистическую функцию**.

ХП являются неотъемлемой частью свободного словотворчества. Особую, **словообразовательную функцию** выполняют внутрисловные хезитации. Мотивом поиска составляющих сложного слова является желание более точно выразить свою мысль.

Исследование Н.Г. Гармаш [Гармаш, 1999] на материале устных пересказов и спонтанной речи детей четырех-девяти лет посвящено изучению влияния хезитаций на организацию устной детской речи.

Инвентарь средств выражения хезитации в детской речи включает в себя паузы, вставные элементы, продление звуков в лексических единицах, добавление лишних звуков, повторы слов, заикания, повторы сегментов слова после слова, фрагменты слова, самоисправления, метатекстовые комментарии говорящего, невербальные средства (покашливание, прочищение горла, смех, цоканье языком, вздохи).

Анализ материала показал, что чем менее определена специфика выражения элементов колебания (ЭК), тем больше степень функциональной многозначности этих средств, тем сложнее определить конкретный повод их появлений в данном конкретном случае. К самым «прозрачным» ЭК относятся самокоррекции, корректирующие вставные элементы и повторы, метатекстовые комментарии, «редакторские» вставные элементы, которые дают возможность однозначно определить причину хезитации, а самым многозначным ЭК

является пауза. Серьезные затруднения говорящего приводят к появлению цепочек ЭК, компоненты которых могут быть связаны и с планированием, и с коррекцией, и с контролем. По мнению исследователя, необходимо каждый раз рассматривать ЭК в общей структуре речевого сбоя, а определение функций ЭК часто требует обращения к широкому контексту.

По данным автора, чаще всего дети выявляют и корректируют свои речевые проблемы сразу же после вербализации проблемных элементов, только 22% коррекций происходит при отсроченном обнаружении проблемы, причем самая высокая доля отсроченных коррекций в группе уточнений, а самая низкая при коррекции ошибок и оговорок и переборе вариантов.

Исследование хезитации у детей четырех – девяти лет показало уменьшение появлений хезитаций с возрастом. По мере взросления детей уменьшается общее проявление хезитаций за счет снижения частоты употребления отдельных ЭК, частоты прерывания слов, просодических и грамматических единиц. При сравнении со взрослыми выявлены изменения как в самом инвентаре используемых средств выражения хезитации, так и в частотном распределении отдельных ЭК – исчезают определенные типы и виды ЭК (повторы сегментов слова после слова, разрывы слова границей интонационных единиц); уменьшается частотность повторов и особенно ЭК, связанных с нарушением целостности слова, уменьшается частота коррекций системных ошибок и оговорок, увеличивается частота вставных элементов и продлений звуков слова. Представляется, что уменьшение числа и проявлений хезитативов связано с постепенным улучшением речевых навыков детей [прим. наше].

Основными функциями ЭК у пауз являются **функции подготовки планирования высказывания или контроля и коррекции ранее сказанного**. У вставных элементов это функции внутреннего контроля: «ой, нет, т.е., а» [Гармаш, 1999, с. 11], переключения внимания говорящего на обработку следующего речевого отрезка: «потом, дальше», поиска номинации или более удачного варианта выражения сказанного: «как это, короче, сейчас, одним словом» [Гармаш, 1999, с. 11], коррекции интонации. Функции хезитационных повторов автор связывает с планированием продолжения речи, коррекцией ранее сказанного или с контролем. Функция заикания как «топтания на месте» заключается также в планировании следующего речевого фрагмента и контроле сказанного: «что это ла...лапки ро-

зовые», «ты бы не стал лап...лапы мочить в воде» [Гармаш, с. 13]. Основная функция – коррекция выявленного несоответствия материализованного *самоисправления* фрагмента с внутренней программой. *Метатекстовые комментарии* возникают обычно у детей при затруднениях в планировании, реже при контроле и коррекции. Функции невербальных *хезитационных средств* – *выиграть* время для обдумывания, *заполнить* канал коммуникации, *удержать* речевую инициативу.

О.А. Александрова [Александрова, 2004, с. 9–18], работая на материале русской спонтанной речи, по форме делит хезитационные паузы на вербальные и невербальные.

I. Вербальные:

а) фонетико-фонологические: вокализации: «э-э», «м-м», «зм», «пхм», «эм»; удлинения звуков: «*нра-авится*»; «*с-слушать*» [там же, с. 9];

б) лексико-семантические: «этот», «такой», «самый», «так», «ну», «вот», «как бы», «значит», «в общем» [там же] и др.;

в) синтаксические: метатекстовые комментарии: «по правде говоря», «короче говоря», «так сказать», «как говорится» [там же], и др.; незаконченные высказывания – *высказывания с незамещенными синтаксическими позициями, смысл которых, необходимый для коммуникации, невозможно извлечь ни из контекста, ни из ситуации, ни из фоновых знаний говорящих. Эти высказывания остаются незавершенными и в интонационном оформлении*: «Даже дети в детском садике... Вот, мы сегодня разбирали вопрос о рекламе»; непреднамеренные повторы слов и словосочетаний: мне нравятся передачи <передачи> о животных; я смотрела телевизор <смотрела телевизор> и читала [там же, с. 10];

г) **морфологические**: непреднамеренные повторы части слова: «я имею в виду <ду ду ду>» \ фальстарт: «загружают фильм {ка} через диск» и рестарт: «\лю\ любимые передачи» [там же].

Метатекстовые комментарии, как и лексико-семантические заполнители, по своим функциям являются языковыми единицами. Однако, выступая в роли «экспонента паузы колебания» (ЭПК) [Александрова, 2004, с. 8], они десемантизируются в высказывании, теряют свои функции, становятся «пустыми» словами и свидетельствуют только о затруднениях или сомнениях говорящего.

II. Невербальные:

а) незаполненная пауза колебания – длительный перерыв в звучании;

б) вслед за нами и Н.Г. Гармаш и О.А. Александрова выделяют паралингвистические паузы хезитации (покашливание, вздохи, смех, прочищение горла, цоканье языком, кинесические элементы).

По мнению исследователя, не всякое речевое затруднение порождает паузу хезитации, т.е. речь остается гладкой и информативной. Колебание же это такая трудность в ментальном плане, которая всегда проявляется в речи. Другими словами, пауза колебания и хезитация представляют разные стороны (внешнюю и внутреннюю соответственно) процесса речепорождения [Александрова, 2004, с. 10].

Вслед за нами, автор выделяет те же самые функции хезитации (см. выше), за исключением функции полезных делимитативных сигналов, выделенных нами. Вслед за Б.Я. Ладыженской, О.А. Александрова выделяет и ритмообразующую функцию.

О.А. Александрова, В.В. Иваницкий [Александрова, Иваницкий, 2003] выделяют факторы (экзогенные и эндогенные), обуславливающие появление паузы хезитации: психолингвистические, языковые, социолингвистические, психологические, индивидуальные, физиологические.

К экзогенным авторы относят факторы, вызванные ситуацией общения или другими внешними условиями, не зависящими от говорящего. Эндогенные факторы вызываются внутренними причинами.

На этапе реализации плана высказывания особое влияние оказывают языковые факторы. Они описаны в работе с опорой на уровни языка, в соответствии с которыми выделяются орфоэпические, лексические, лексико-семантические и грамматические (морфологические и синтаксические) факторы.

I. Орфоэпические факторы:

а) длинное слово

учитывая | ко-мпью-ютерта-ацию эту огромную [Александрова, 2004, с. 15].

б) колебание в правильности ударения

нас держат за таких \ лОхов или лохОв (смех) [там же].

II. Лексические факторы:

Все ситуации лексических затруднений исследователь делит на два вида:

1. Адекватное слово отсутствует во внутреннем плане, поэтому экспоненты паузы колебания (ЭПК) используются для поиска нужной единицы:

это-о фильм ужасов, причем в тако-ом [э-э/ полнометражный, скажем [Александрова, 2004, с. 15];

2. Во внутренней речи имеется несколько вариантов, что предполагает их анализ и последующий выбор слова.

Но все-таки не-е развлекательная такая передача-то, более-менее серьезная [там же]. Помимо слова «развлекательная» говорящий анализировал еще варианты «молодежная», «веселая» и «подростковая».

Внутри ситуаций выбора / поиска слов отмечены следующие трудности.

а) неблагозвучное слово

*Сериалы наши, то, что **вот** \ «Азazelь» показывали, еще что-то* [там же].

б) паронимы

потому что эти передачи более {восприим} | легко воспринимаются; *фамилии, похожие по звучанию (А: Какой диктор или телеведущий вам не нравится? Б: <Который не нравится?> | **Верби-ицкая*** [там же].

Говорящий прибегает к переспросу, незаполненной паузе и растягиванию звука, чтобы сопоставить профессии людей с фамилиями, похожими по звучанию: Вербицкая и Вежицкая.

в) редко употребляемое слово:

| в общем, наш фильм, там нет **тако-ого вот** | \амери\ **американщины** этого всего [там же, с. 15].

III. Лексико-семантические факторы:

а) нечеткое представление о референте

*Мне, например, в самой, {пере} программа сама «Домино» мне не всегда нравится смотреть, но **вот** ведущая Елена...* [там же];

б) подбор синонима

Якубович, он, несмотря на всю свою безалаберность \ да-а? **вот** \ «Поле чудес», но шоумен он хороший [там же].

Информант подбирал синоним к слову «безалаберность» но так и не сделал выбор, заменив его ЭПК.

в) поиск антонима

*ну, по большей части, они **такие** достаточно | **ну не захватывающие**, поэтому я их **в общем-то** и не смотрю* [Александрова, 2004, с. 15].

Говорящему для выражения идеи требовался антоним к слову «захватывающий», которого он не смог подобрать, поэтому использовал отрицательную частицу «не».

г) ограниченная лексическая сочетаемость
он так мало играет <иг-рает> | занимает место такое малое в моей жизни [Александрова, 2004, с. 16],

д) подбор эвфемизма

(цоканье языком) *да-а [э-э] {ч} вот этот вот ящик, конечно, занимает в моей жизни очень много времени* [там же].

е) создание юмористического эффекта, поиск сравнения

это как I этот самый I комар летает, ну что же делать? [там же]

ж) межъязыковая интерференция

(цоканье языком) *меня раздражают все вот эти вот наши \ (цоканье языком) [э-э] quiz-shows; у французов есть тако-ое [э-э] выражение, так называется «плавать по [э-э] телевизору* [там же].

з) поиск слова с широким значением

приходится смотреть, \ когда все-е [э-э] родственники спят, допустим [там же, с. 16].

Говорящий употребляет «спать» вместо «отдыхать».

и) поиск слова с узким значением. «Время» вместо «жизнь».

чтобы занять свою \ свое свободное время [там же].

IV. Грамматические факторы:

1. Морфологические факторы (говорящий испытывает трудности в словоизменении). Возможно колебание или несоответствие по следующим грамматическим категориям: в роде, числе, времени, лице, падеже.

2. Синтаксические факторы:

а) согласование членов предложения

и ведь большинство людей смотрит [э-э] \ смотрят, все смотрят эти передачи [там же].

б) сокращение выбранной грамматической конструкции

Ну, я думаю, будет больше детских программ [а-а] познавательного такого плана, но не так вот как скучных каких-нибудь <скучных> не скучные такие, а нормальные [Александрова, 2004, с. 16].

в) изменение текста во внутренней речи

Воспринимаю ее как [э-э] тако-ое [э-э] не как раздражающий какой-то элемент в моей жизни, а как [м-м] ка-ак к предмету, который можно изучить [э-э] [м-м] со стороны [м-м] (цоканье языком) как поставлена, например, реклама [Александрова, 2004, с. 17].

г) нарушение тема-рематической организации высказывания

{С-с} *ребенок*, которому четыре года, смотрит вот эту рекламу [Александрова, 2004, с. 17].

д) неудачное начало грамматической конструкции

Я наши люблю фильмы старые. Ну, вот какие-нибудь {ше-
стидеся}, старые наши фильмы [там же, с. 17].

К физиологическим факторам исследователи относят плохое самочувствие, необходимость сделать вдох, регуляцию дыхания.

К психологическим факторам относятся неготовность к диалогу, полярность эмоционального фона; особенности памяти (плохая память на названия, фамилии, потеря мысли), нервозность, ощущение неловкости из-за отсутствия идеи или длительного припоминания, индивидуально-психологические особенности.

Индивидуальные факторы определяются нежеланием что-либо говорить, узким кругозором, слабыми речевыми навыками, маленьким словарным запасом и пр.

В число социолингвистических факторов входят: пол, возраст, сфера деятельности, уровень и тип образования. Социологизированные факторы предусматривает социальный статус говорящего. При высоком социальном статусе возрастает ответственность за сказанное, поэтому увеличивается этап обдумывания, а контроль, как правило, осуществляется еще на этапе замысла.

Исследование Н.В. Богдановой-Бегларян и Н.Г. Кутруевой [Богданова-Бегларян, Кутруева, 2013] посвящено анализу вербального заполнения хезитационных пауз в русской устной спонтанной речи. Конкретным объектом внимания в работе стала конструкция как его (ее, их), выступающая в проблемных точках речепорождения, главным образом, как сигнал поиска говорящим нужного речевого средства для продолжения речи.

Вербальный хезитатив (ВХ) как его (ее, их) [там же, с. 8], исследователи считают результатом протекающего в устной речи процесса прагматикализации. В ходе этого процесса определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний.

Функционально заполнители пауз не только позволяют говорящему выиграть время, но и задают членение текста на синтагмы и макросинтагмы, управляют вниманием собеседника, маркируют различные этапы построения речи, дают информацию об отношении

говорящего к произносимому тексту и могут выражать общие установки, которыми руководствуется говорящий при построении речи. Такие хезитативы лишь условно можно назвать «словами-паразитами», поскольку они довольно сильно функционально нагружены, и эти функции положительны для архитектоники высказывания [Яковлева, 2009]. Тем самым каждое из «слов-паразитов» заслуживает самого внимательного лингвистического анализа, направленного на выявление их коммуникативных функций.

Н.В. Богданова-Бегларян и Н.Г. Кутруева вводят некоторые терминологические уточнения, важные для всех исследований, связанных с хезитацией в спонтанной речи. Отдельные **ВХ** – это, вот, это самое, скажем, как его, знаешь, (**я**) не знаю – выступают в речи в ряде своих вариантов – ну это, как это, так скажем, вот так вот, как ее, ты знаешь и т.п. Иногда они объединяются в более или менее протяженные цепочки, которые авторы называют **хезитационными конструкциями** (ХК). Иными словами, ХК может включать как один ВХ (материально совпадать с ним), так и более, а может дополнительно включать еще и неречевые единицы типа э-э и др., обрывы слов и физические паузы.

Анализ материала позволил установить функциональную нагрузку вербального хезитатива как его (ее, их). Его функцией, накладывающейся на основную, хезитационную, является **поиск конкретной единицы или просто продолжения речи**. Эта функция оказалась наиболее распространенной для исследуемой конструкции, и она легко поддается дальнейшей систематизации, поскольку хезитация может возникнуть у говорящего в случае поиска разных лексических единиц:

1. Поиск предиката

*снимочки мы делали / там вроде косточки нормальные / да? у вас? // *П да / там (;) они это / как его? ближе (;) к спрессованы / или как-то там (э) было... #угу /угу /в компрессии* [Богданова-Бегларян, Кутруева, 2013, с. 8].

2. Поиск предикативной единицы

*о (:). | это давно было-то г... // тогда-то сложнее еще было // # а/а/и **этот** / как его (**а**) / *П когда оформляли / потом / там же депутаты / муниципалки как его (?) (**б**) / @ угу // @ голосуют или чего там // вот* [Богданова-Бегларян, Кутруева, 2013, с. 9].

3. Поиск имени существительного (наименования)

а / все...а у меня на да... д... дача на этом / как его / на Дунае // # а ну / на Дунае хорошо [там же, с. 10].

4. Поиск определения

*так / ну что / это каким сделаем? // *П давайте / *П просто красным // *П красным? // да / вишневым таким вот // *В ты понимаешь... @ прям вот таким вот вишневым // ты думаешь? // да! // *П нет / а я думаю знаешь что? // *П вот этот вот дом / *П он... вот это все / можно тоже таким // это как его / ну как брев... бре... бревна / как 0 что?*

*доски // *В а вот эту сторону... она будет немножко что / потемнее / в тени потому что [там же, с. 12].*

5. Неудачный поиск

[Таня, жен, 18] Вообще выиграли. А там мужик / короче / поставил сто / выиграл полторы. [Аня, жен, 18] Ни фиги себе! [Таня, жен, 18] Этот... как его?... мм... Мужик / короче / три тысячи положил на юниоров. [Катя, жен, 19] Они выиграли. [Таня, жен, 18]... А он сказал / что ток типа... забьют [там же, с. 12].

Искомое слово так и не было найдено, и говорящий просто бросает начатую конструкцию и продолжает дальше.

6. «Рефлекс поиска» [там же, с. 13]

*главное у нее сегодня этот / как его / лабораторный день / или как сказать? *П я прихожу / там ни одного человека нет // парень какой-то у ней * сидит / а в коридоре вообще никого нет' [там же, с. 14].*

Говорящий хезитирует, подбирая нужное слово и используя для этого ВХ как его (ее, их) (чаще всего в составе более или менее протяженной ХК), находит то, что искал, но остается в состоянии некоторой неуверенности, что нашел именно то, что нужно, и вербализует теперь уже это отношение отстраненности от сказанного, используя различные конструкции с общим значением «если я не ошибаюсь» или с риторическим вопросом: так ли?

7. Пограничные случаи или «реконструкция конструкции» [там же, с. 15]

да / дальше / чуть-чуть видно что это холм что это какое-то поле понижается куда-то (кашель) и наконец / появляются они / хижины / т.е. то для чего / собственно этот самый / как его звать-то ван Гог / э-э и зам... /замысливал всю эту замышлял / всю эту картину свою «Хижины» [Богданова-Бегларян, Кутруева, 2013, с. 15].

Авторы высказывают созвучную с нашим мнением мысль, что устойчиво негативное отношение к «словам-паразитам», свойственное рядовым (наивным) носителям языка, должно уступить

место лингвистическому уважению и исследовательскому интересу [Богданова-Бегларян, Кутруева, 2013, с. 16].

О.А. Баранцева и Т.Г. Логинова [Баранцева, Логинова, 2007, с. 8–12] на основе традиционно выделяемых видов хезитаций отмечают, что наличие хезитаций в спонтанной речи объясняется когнитивной спецификой процесса порождения речи, который рекурсивен по своему характеру, т.е. состоит из циклов, включающих такие подзадачи, как добавление, удаление или переупорядочение. Приступая к реализации речевой программы, говорящий имеет лишь смутную идею о конечном продукте своей речевой деятельности. Полный контроль над порождением речи невозможен в принципе, вследствие чего процесс линейного развертывания речи никогда не протекает гладко. По ходу реализации намерения говорящего меняются его ресурсы, связанные с темой, объемом речи, характеристиками потенциальных и реальных адресатов, целью, стилем подачи, временем, имеющимся в его распоряжении.

Появление хезитационных пауз в диалогическом дискурсе обусловлено рядом лингвистических и экстралингвистических факторов.

К лингвистическим факторам относится поиск коммуникантом наиболее адекватной для оформления мысли лексической единицы, синонима, гиперонима (гипонима) и т.д. Сюда же относятся и грамматические трудности, связанные с правильным морфологическим и синтаксическим оформлением высказывания.

К экстралингвистическим факторам, обуславливающим хезитацию в речи, относятся психоэмоциональные факторы: нервное состояние коммуниканта, чувство неловкости, желание намеренно потянуть время и др.

По мнению исследователей, не вызывает сомнения тот факт, что пауза колебания является значимым компонентом спонтанной речи, однако вопрос о степени ее нормативности трактуется неоднозначно. С одной стороны, паузы хезитации нарушают или, по крайней мере, замедляют процесс коммуникации, создают впечатление хаотичности, аморфности устной речи. С другой стороны, общение без пауз колебания не представляется возможным в связи с их *многофункциональностью*.

А.А. Белицкая [Белицкая, 2014] так же, как и мы, подчеркивает положительный характер функций хезитаций. Кроме отмеченных нами функций, она выделяет и *тактическую*, имеющую намеренный характер с целью не отвечать на «неудобный» вопрос или потянуть время. Пока человек произносит нараспев свои «ви-

дите ли», «понимаете какое дело», «ну как вам сказать» и т.п., он лихорадочно думает над тем, что и как ответить. По ее мнению, речь, лишенная хезитационных пауз, не совсем типична для современного носителя устной речи. А в некоторых языках паузы являются необходимым элементом в передаче информации. Так, как отмечает автор, в английской речи хезитационное членение отражает творческий характер спонтанной речи. Когда человек думает о том, что он говорит, а не о том, как он говорит, он делает больше вокализованных пауз. Использование вокализованных пауз – это широко принятый способ научной речи в целом ряде учебных заведений Англии, в частности в Оксфорде и Кембридже. В речи людей, окончивших эти университеты, указанные паузы не только не избегаются, но даже воспринимаются как проявление сдержанности, скромности и глубокомыслия.

Полное отсутствие пауз хезитации может характеризовать, скорее, искусственную речь, чем спонтанную. Со ссылкой на Л.В. Щербу о том, что нельзя пренебрегать «отрицательным языковым материалом», под которым он имел в виду всякого рода «неудачные» высказывания, с которыми традиционная лингвистика отказывалась иметь дело под предлогом, что «так не говорят», однако образуют очень важную часть реальной речи, автор отмечает, что все изменения в русской спонтанной речи преследуют фактически одну цель: обеспечить коммуникативную эффективность передаваемого.

С нашей точки зрения, автор совершенно правильно определяет данную функцию. Однако сомнение вызывает в данном случае спонтанный характер общения. Для того, чтобы осуществлять названную функцию, необходимо контролировать весь процесс коммуникации, в связи с чем его спонтанные характеристики ослабевают.

На неестественность звучащей речи без хезитаций указывает также и Г.И. Бубнова [Бубнова, 1987], проводившая эксперимент на восприятие спонтанной речи, из которой были элиминированы хезитационные явления. При прослушивании искусственно смонтированных текстов аудиторы теряли мысль говорящего, указывали на отсутствие связности и последовательности речи. В ряде случаев у них возникало впечатление обрывочности и неестественности предъявляемых образцов. Таким образом, очевидно, что полное устранение хезитаций из звукового континуума ведет к нарушению

эффективности устной коммуникации. В связи с данным фактом можно выделить и *коннекторную функцию* хезитаций.

Исследование В.Г. Хуршудян, В.И. Подлесской [Хуршудян, 2006; Подлесская, Хуршудян, 2006] посвящено анализу средств выражения хезитаций в устном армянском дискурсе в типологической перспективе.

В.Г. Хуршудян рассматривает сегментные средства выражения хезитации. Основным материалом послужил корпус спонтанных бытовых разговоров на армянском языке. Как и во многих других языках, сигналами хезитации в армянском языке могут служить особые дискурсивные слова. На инвентарь дискурсивных слов в армянском языке существенное влияние оказал русский язык. Это, в частности, объясняется тем фактом, что на территории Армении русский язык тесно сосуществовал с армянским, в результате чего имеет место значительная языковая интерференция. В частности, это касается дискурсивных слов, использующихся в разговорном языке, например, *vabše* ‘вообще’, *v obšm* ‘в общем’, *vsyo* ‘все’, *tipə* ‘типа’, *nu* ‘ну’, *tak* ‘так’, *davay* ‘давай’, *vrodi* ‘вроде’, *vprincipi* ‘в принципе’, *karochi* ‘короче’, *prostə* ‘просто’, *naturi* ‘в натуре’, *kstati* ‘кстати’, *daze* ‘даже’, *bez problem* ‘без проблем’, *chetki* ‘четко’, *chesni* ‘честно’ и т.д.: [Хуршудян, 2006, с. 9]. В работе наряду с исконно армянскими дискурсивными маркерами рассматриваются также русские аналоги, которые прижились в армянской разговорной речи.

В общем инвентаре дискурсивных хезитационных маркеров, использующихся в устной речи в современном армянском языке, исследователь выделяет три базовых класса:

1. *Коннекторы*, обеспечивающие связь между фрагментами дискурса.

2. *Модальные маркеры*, показывающие отношение говорящего к сообщаемому и отношение сообщаемого к действительности.

3. *Программирующие маркеры*, которые сигнализируют о ходе процесса речепорождения, в том числе о характере взаимодействия между участниками речевого акта.

По мнению автора, прототипически коннекторы не являются показателями хезитации, однако, располагаясь преимущественно на границах дискурсивных сегментов, они часто являются локусом супraseгментного выражения хезитации, поскольку именно на границе сегментов говорящему чаще, чем в других точках дискурса может потребоваться дополнительное время на обдумывание

предстоящего дискурсивного шага. Типологически универсальным является частотное удлинение базовых коннекторов, а также расположение заполненных и незаполненных пауз непосредственно до или после коннектора. В армянском языке супraseгментная хезитация часто локализуется не только на базовых сочинительных союзах, но и на таких коннекторах, как *vor* ‘что’, *heto* ‘потом’, *apa* ‘потом’, *baysh* ‘но’ и ряде других [Хуршудян, 2006, с. 9].

Модальные маркеры также используются в собственно хезитативных целях, например для планирования следующей речевой программы.

Программирующие хезитационные маркеры сигнализируют о трудностях, которые испытывает говорящий с концептуализацией и вербализацией своего речевого намерения, например *uretn* ‘значит’, *de* ‘ну’, *tak* ‘так’, *ni* ‘ну’ и др. [там же, с. 10].

Особый интерес представляет подкласс хезитационных маркеров **«препаративной подстановки»** (ПП) [Хуршудян, 2006, с. 10], [Подлесская, Кибрик, 2006]. Феномен ПП состоит в том, что говорящий, не найдя удовлетворяющий его способ вербализации, временно подставляет заместительный маркер. Этот заместитель встраивается в соответствующее место грамматической структуры – в ту позицию, в которую говорящий предполагал поместить отложенный фрагмент. ПП обычно используется говорящим в тех случаях, когда хезитация связана с «близким» поиском, т.е. когда последующая речевая программа уже достаточно хорошо спланирована и затруднения касаются выбора конкретного выражения из ограниченной зоны возможностей. Особенно это касается согласуемых маркеров препаративной подстановки, типа русского *этот (самый)* / *эта (самая)*, *такой* / *такая*, которые демонстрируют, что говорящий уже выбрал падежно-числовую форму планируемой именной группы и колеблется лишь в выборе конкретной номинации.

Кроме подкласса хезитационных маркеров препаративной подстановки, В.Г. Хуршудян выделяет и маркеры **«приблизительной номинации»** (ПН) [Хуршудян, 2006, с. 13] – в тех случаях, когда говорящий не просто откладывает правильную номинацию, а отказывается от поиска правильной номинации после неудачных попыток или просто сигнализирует, что подходящей номинации «под рукой» нет, а слушающий должен попытаться самостоятельно восстановить нужный фрагмент смысла из контекста. В армянском языке ПН, так же как и ПП, чаще выражается существительным *ban* и указательными местоимениями. В функции ПН используются

также такие маркеры, как: *sench* ‘такой’, *tench* ‘такой’, *nench* ‘такой’, *ibr* ‘вроде’, *tirə* типа, *de* ‘ну’, *eli* ‘ну, опять...’ и т.д. [Хуршудян, 2006, с. 13].

Механизм препаративной подстановки позволяет говорящему спланировать грамматическое оформление временно отложенной составляющей раньше, чем осуществлен выбор конкретной лексемы. При этом грамматическое оформление маркера препаративной подстановки может отражать разные типы планирования. Анализ показал, что маркеры препаративной подстановки часто используются и для выполнения функционально близкой задачи – для обозначения приблизительной номинации.

В отличие от незаполненных пауз, заполненные паузы имеют сугубо хезитативную природу, и их функции непосредственно связаны с речепорождением: с проблемами планирования, с поиском адекватных лексических единиц, с сомнением по поводу уместности вербализации той или иной мысли. Исследование показало, что явления хезитации обнаруживают как универсальные для всех языков, так и лингвоспецифические черты.

Выделенные В.Г. Хуршудян базовые классы хезитационных маркеров позволяют из уже указанных нами ранее двух функций хезитаций – коннекторной и планирующей – выделить еще и **модальную**, так как действительно характер хезитативов позволяет адресату безошибочно определять отношение адресанта к предмету речи.

При изучении хезитаций при нормальном речегенерировании существовали попытки (см. исследование Ragsdale, Sisterhen, 1984) проследить особенности хезитационных проявлений у лиц с речевыми патологиями. Так, Л.И. Белякова и Е.А. Дьякова [Белякова, Дьякова, 2005] при исследовании пауз в нормальной речи и при заикании у взрослых испытуемых установили, что при реализации монологического высказывания лицами со здоровой речью длительные паузы от 1 с. и выше имели место внутри синтаксического целого. В этих случаях возникновению пауз часто предшествовали особые интонации нерешительности, растягивание конечного гласного в слове, находящемся перед паузой, или ее прерывали нефонологические вокальные образования типа: «э-э», «м-м», т.е. наблюдались явления, свидетельствующие о затруднениях, связанных с выбором языковых единиц, возникающих в процессе реализации высказывания:

А потом... 1,33 с. ...лесная дорожка... 0,7 с. ...минут десять, пятнадцать... 2,915 с. ...У нас на работе очень хороший коллек-

тив... 1,465 с. ...и -э -э... 0,2 с. ...отношения... 0,62, с. ...у нас очень... 0,865 с. ...дружелюбные» [Белякова, Дьякова http://www.portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1107079798&archive=01&start_from=&ucat=&].

Из примера видно, что паузы длительностью от 1 с. и выше являются паузами хезитации, они отражают наибольшие затруднения, возникающие в процессе *программирования высказывания на семантическом уровне*.

При реализации монологического высказывания лицами с речевой патологией с тоническим типом речевых судорог длительные паузы (от 1 с. и выше) сопровождалась явлениями, противоположными тем, которые были характерны для пауз хезитации. Например, при локализации судорог в голосовом отделе речевого аппарата остановки речи были внезапными, слова, предшествующие паузе, произносились в более ускоренном темпе и обрывались резко. Появление недифференцированных звуков было связано с попыткой начать речь, прерванную судорогой, что выражалось в особо напряженном или сдавленном звучании голоса:

Моя будущая... 0,52 с. ... специальность... 1,340 с. ... там... 5,305 с. ...э... ге-геофизик... 0,250 с. ...ну... 1,87 с. ... эта специальность **как это**... 11,895 с. ...гм гм... 1,490 с. ... эта специальность очень... 0,145 с. ... гм... 0,500 с. ... гм... 1,490 с. ... **и-и-и** – интересная... 8,765 с. ... На занятиях... 78,700 с. ... мы на занятиях 8,800 с. изучаем минералы [Белякова, Дьякова http://www.portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1107079798&archive=01&start_from=&ucat=&].

Выделенные маркеры речевого затруднения не связаны с нормальной хезитацией. Они отражают затруднения, являющиеся следствием логоневроза [*прим. наше*].

При локализации судорог в области артикуляционного аппарата паузы от 1 с. и выше часто возникали при попытке произнести смычный согласный звук. При этом они соответствовали длительности смычки органов артикуляции перед взрывом. Отсутствие пауз хезитации, а также пауз, связанных с синтаксической конструкцией текста, и наличие пауз, обусловленных судорожной речевой активностью, объясняет характерные особенности интонационной стороны речи заикающихся: монотонность, отсутствие эмоциональной выразительности и интонационной завершенности смысловых групп, как при чтении, так и в монологической речи.

Следует отметить, что подобные исследования очень важны (хотя и немногочисленны) для отграничения «здоровой» хезитации от патологических проявлений логоневроза. Часто страдающие им используют ложные хезитативы в качестве маскировочного средства для сокрытия речевых затруднений и в качестве «опор» для выхода из затруднительного положения. Ложная хезитация не исключает наличия у людей с логоневрозом нормальных хезитаций, также имеющих место в их речи. Выше мы уже указывали на маскировочную и тактическую функции хезитаций, которые в данном случае выполняют и ложные хезитации.

И.В. Кокошкина [Кокошкина, 2011 а, 2011 б] исследует десемантизированные элементы в спонтанной русской речи, в частности при адаптации устного текста к письменному. Под десемантизированными элементами она понимает такие элементы дискурса, лексическая семантика которых стерта или почти стерта, но которые являются значимыми для построения коммуникации. К числу таких элементов относятся *вот, ну, как бы, там, знаешь, понимаешь, да* (с вопросительной интонацией) и т.п. [Кокошкина, 2011 б, с. 15]. Они остаются незамеченными самим говорящим, а часто и слушающим, если частота их употребления не чрезмерна. Добавим, что подобные десемантизированные единицы несмотря на свою плеонастичность выполняют самые разнообразные функции и весьма часто выступают как хезитационные периоды [Яковлева, 1996].

При подготовке устного дискурса к его письменному предъявлению всегда требуется редактирование. Материалом для анализа в исследовании И.В. Кокошкиной послужили устные воспоминания информанта, расшифрованные с целью опубликования. В задачу исследователя входило проанализировать случаи употребления десемантизированных элементов в устном дискурсе и возможность или невозможность их отражения в письменном варианте, т.е. определение правомерности и целесообразности их сохранения либо удаления.

В процессе вспоминания неизбежно возникают паузы в речи, связанные с тем, что информант пытается восстановить в памяти цепь прежних событий, имена людей и т.д., и с этим связано возникновение в речи хезитативов. Нередко присутствуют и десемантизированные элементы в функции актуализаторов внимания, так как определенные факты и явления кажутся автору важными, и он стремится обратить на них внимание собеседника. Это также связано с тем, что у говорящего есть своя логика изложения событий,

они возникают в памяти не последовательно, в связи с чем иногда приходится что-то повторять, возвращаться к сказанному ранее.

В качестве заполнителей пауз колебания встречаются такие элементы, как *вот*, ну, *значит*: *Ну... я знаю что там был автор «Слова о полку Игореве» / ну...безусловно был Пушкин / об этом даже говорить нечего //* Они относились друг у другу с большим уважением / и Гуковский к Скафтымову / и Скафтымов к Гуковскому // и ...**вот** ...мы послушали ...**вот**...очень много // именно литературоведческих //; Это было в студенческие годы // а потом *значит* я осталась в аспирантуре. В отредактированном тексте воспоминаний этих словечек нет: ...было семь авторов: создатель «Слова о полку Игореве», безусловно, Пушкин (об этом даже говорить нечего) [Кокошкина, 2011 а, с. 25].

Еще одним средством заполнения речевых пауз, возникающих в процессе вспоминания, являются лексические повторы. При многократном повторении слова лишаются информативности и становятся контекстуально десемантизированными: *Ну все в общем читали // очень много / и Бялый читал / и Евгений-Максимов читал / и Скафтымов читал // Приехал и Панов / приехала и Земская / и Лаптева приехала // Ширяев был / ну в общем много людей было [там же].*

Иногда повторяются не только отдельные лексемы, но целые группы слов. Повторение глаголов (скорее всего автоматическое) дает адресанту некоторое время, чтобы что-то вспомнить. При редактировании эти повторы убираются, так как для адекватного понимания смысла достаточно и одного словоупотребления. Таким образом, можно отметить у данного вида гезитативов *мнемоническую функцию* [прим. наше]. Автор отмечает, что говорящий прибегает к подобного рода повторениям чаще всего тогда, когда речь идет о персоналиях, т.е. при необходимости воскресить в памяти конкретные фамилии. Чем бо́льшая фактуальная точность требуется, тем больше усилий необходимо говорящему, чтобы избежать ошибки, а лексически опустошенные повторяющиеся слова помогают сосредоточиться и являются, по нашему мнению, для говорящего своеобразными мнемоническими опорами. Следовательно, плеоназмы выполняют *концентрирующую функцию* [прим. наше]. Спонтанность устной речи часто препятствует правильному (по сравнению с письменной речью) построению высказывания, из-за чего фраза может быть некорректной (на разных языковых уровнях). Чтобы избежать коммуникативной неудачи и перестро-

ить высказывание на ходу, говорящий использует различные десемантизированные элементы. Мы уже отмечали, что в данном случае они выполняют *архитектонную функцию*.

И.В. Кокошкина отмечает еще одну функцию десемантизированных элементов, используемых при воспоминаниях, – функцию *привлечения / удержания внимания собеседника*. На данную функцию указывают почти все исследователи хезитационных явлений.

Иногда десемантизированные элементы используются для *подведения итога*: *Но они не об этом говорили / а говорили вот о том что это вот пропаганда гриньковской идеи // бог знает чего // Ну в общем короче говоря / это был кошмар //* [Кокошкина, 2011 а, с. 26]. Здесь сигналом обобщения, подведения промежуточного итога сказанному служит не один десемантизированный элемент, а их комбинация: *ну в общем, короче говоря*. Играть роль подобного маркера в устном дискурсе может и каждый из приведенных элементов в отдельности, и их нагромождение порождает избыточность. Таким образом, можно отметить и *обобщающую функцию*.

В устных воспоминаниях присутствуют также элементы *скажем и так сказать*. Эти элементы являются дискурсивами, указывающими на приблизительность, примерность, неточность сказанного. Понятие о точности или неточности реализации коммуникативной интенции в некоторой мере субъективно и во многом основывается на представлениях самого говорящего. Если, с его точки зрения, мысль выражена им не вполне удачно, он использует *так сказать*, скажем: *В двадцатом году как он говорил / он был послан на укрепление / создание Симферопольского Крымского университета // У Лидии Ивановны были в свое время сомнения / поскольку это был двадцатый год / и кто его так сказать послал / или он пытался так уйти от советской власти //* [Кокошкина, 2011 а, с. 27]. В данном речевом фрагменте «так сказать» передает значение неуверенности, говорящий сомневается, действительно ли этот научный сотрудник был послан в Крым. Подобные дискурсивы нередко являются показателями выражения *модусной категории персуазивности* [Кокошкина, 2011 а, с. 27] и потому оказываются важными для верной интерпретации сказанного, и их изъятие из текста в определенных случаях может повлечь коммуникативную неудачу. Добавим, что данный дискурсив, по нашему мнению, очень четко передает отношение говорящего к сообщению.

Анализ устных воспоминаний и их текстового варианта позволил исследователю предположить, что десемантизированное

вот употреблено и в еще одной функции – **усиление противопоставления** и в данном значении *вот* сохраняется и в письменном дискурсе: *В те годы не издавался ни один нормативный словарь: ни толковые, ни орфоэпические, ни орфографические, а вот словари лагерной фени <...> огромными тиражами* [там же, с. 28].

Десемантизированные элементы, возникновение которых в речи говорящего обусловлено характерными особенностями устного дискурса, в письменном тексте оказываются нефункциональными и поэтому не сохраняются при правке текста. Так, хезитативы, элементы, помогающие перестроить высказывание или подобрать наиболее удачное слово, а также контактоподдерживающие средства в адаптированном варианте отсутствуют. Семантически опустошенные элементы играют определенную роль в построении дискурса и передают различные оттенки смысла.

В работе З.А. Дзиковой [Дзикова, 2010] представлены результаты экспериментально-фонетического исследования интонации вставных конструкций (ВК) на материале русского языка. Объектом исследования явились высказывания, имеющие ВК со значением **логического уточнения, детализации**, основания того, о чем сообщается в основной части высказывания. Их использование объясняется стремлением говорящего облегчить правильное восприятие основной части высказывания, соответствующее его замыслу. Заметим также, что весьма часто вставные элементы десемантизируются и становятся хезитативами, выполняя, кроме функции детализации и дополнения, **мнемоническую** или **маскирующую речевое затруднение функции**. В процессе исследования учитывались такие важные факторы, как семантика вставных конструкций, степень семантической связности вставных конструкций с основным высказыванием, либо отдельным его компонентом, а также синтаксическая самостоятельность / несамостоятельность вставок. На основе аудиторского анализа всех параметров интонации вставных конструкций (мелодика, паузация, темп, громкость, тембр) в качестве релевантных были определены паузация и темп в совокупности с мелодикой и громкостью.

Разная степень семантической отчужденности ВК от основного предложения позволила провести наблюдение за степенью их интонационной связности. В ходе проведенного анализа акустических средств выражения пауз на стыках ВК с пред- и поствставочными частями были выявлены **реальные паузы** – паузы прекращения фонации, разной степени длительности, и **нереальные**, созда-

ваемые резким перепадом акустических параметров (длительности, мелодики, интенсивности). Установлено, что величина паузы и ее тип зависят от степени проявления смысловой связи ВК с основным высказыванием или отдельным его компонентом. При минимальной степени семантической отчужденности ВК имеет место короткая по времени звучания пауза.

Д.А. Буфановой [Буфанова, 2014] предприняты попытки провести сравнительный анализ паузации в *Spanglish* испаноговорящих иммигрантов в сравнении с нормативным вариантом английского языка. По данным исследователя, паузы в *Spanglish* являются более длительными, чем в нормативном варианте. К тому же различается и число пауз – явно просматривается тенденция к увеличению количества пауз в *Spanglish*, что может быть связано с *недостаточной языковой компетенцией* и, как следствие, выделением дополнительного времени для планирования лексико-грамматической стороны высказывания. Сравнительно-сопоставительный анализ паузации показал, что в этнолекте часто встречаются заполненные паузы хезитации, что отличает речь иммигрантов от речи носителей языка, использующих паузы для синтаксического членения текста. В данном случае следует констатировать факт выполнения хезитациями своей основной функции *планирования речевой программы* [прим. наше]. Автор совершенно верно объясняет увеличение количества и длительности хезитаций отсутствием у говорящих достаточной языковой компетенции. Сходные задачи ставились ранее в исследовании Э.Л. Носенко [Носенко, 1970], анализировавшей возникновение хезитационных пауз как критерий различной сформированности автоматизмов речи на иностранном языке.

Несколько исследований последних лет посвящены анализу вариативности спонтанной речи и способам устранения речевых сбоев в системах автоматического распознавания речи [Подлесская, Кибрик, 2007; Пилипенко, Ладошко, 2010; Ронжин, Евграфова, 2011; Кипяткова, Верходанова, Ронжин, 2012; Верходанова, Карпов, 2012; Верходанова, 2013; Stouten, 2006; Moniz, Mata, Viana, 2007; Tsiaras, Panagiotakis, Stylianou, 2009, Verkhodanova, 2013 и др.].

При автоматической обработке спонтанной речи возникает ряд трудностей, таких как вариативность речи или присутствие речевых сбоев различной природы. Кроме заполненных и незаполненных хезитаций, спонтанной речи свойственны также и *«артефакты»* [Ронжин, Евграфова, 2011, с. 230; Кипяткова, Верходанова, Ронжин, 2012, с. 17] (вздохи, смех, кашель, причмокивание, цоканье

языком и другие процессы, понимаемые как несвойственные изучаемому объекту в норме (в данном случае в письменной кодифицированной речи) [*прим. наше*], небрежность, неполнота, недостаточное внимание к внешней форме, что невозможно в письменной речи, однако естественно для устной коммуникации. Важно установить характер речевых сбоев и причины их возникновения. Несмотря на актуальность вопроса и многосторонние исследования речевых сбоев, общепринятая терминология, как считают исследователи, в этой области пока не сложилась. Для описания этих явлений существуют различные варианты терминов. В англоязычной литературе можно встретить такие термины, как «non-fluency», «disfluency», «discontinuity», «flustered speech», «speech disturbance», «speech management», «own communication management», «hesitation», «turnholding devices» и др. [Верходанова, 2013]. В русскоязычной литературе эти явления иногда рассматривают в рамках фонационных паралингвистических явлений. Отдельно стоит рассматривать артефакты речи – неречевые физиологические явления.

Определение речевых сбоев и артефактов актуально как для обработки звучащей речи, так и для ее транскрипций, поскольку они являются источником ошибок при распознавании, что приводит к ошибкам в транскрипциях. Разработка алгоритмов автоматической обработки речевых сбоев стала в настоящее время чрезвычайно актуальной задачей для всех языков. Причины речевых сбоев могут быть внешними и внутренними. К внешним условиям нарушения коммуникации следует отнести речевые сбои, возникшие из-за вмешательства собеседника или из-за непредвиденной ситуации. Причинами речевых сбоев могут быть и внутренние проблемы планирования дискурса. Основные разновидности речевых сбоев – это оговорки, заполненные паузы (удлинения отдельных звуков в словах, словоподобные «долексические» заполнения пауз, слова и словосочетания), абсолютные паузы, самокоррекции (самоисправления: онлайн-коррекция, ретроспективная коррекция). С.Б. Степанова [Степанова, 2006] выделила 12 способов заполнения хезитаций, различающихся по месту появления в синтагме (начало, середина, конец): абсолютная пауза, речеподобный звук, повтор, заполнение «словами-паразитами», оговорки и запинки, а также хезитационные удлинения звуков («затяжки») и др.

Методы обработки речевых сбоев можно разделить по признаку описания их с помощью акустических моделей или с помо-

щью комбинированных моделей (языковые + акустические) [Верходанова, 2013]. Чаще всего используются только акустические модели описания речевых сбоев для их последующего применения в системах автоматического распознавания речи.

Проведенные эксперименты показали довольно высокий уровень распознавания как языковых, так и внеязыковых элементов, существенно затрудняющих процесс автоматического декодирования звукового сигнала. Можно констатировать наличие определенных успехов в работе отечественных и зарубежных исследователей, позволяющих прогнозировать создание совершенных систем автоматического декодирования речи.

Выводы

1. Наблюдения зарубежных и отечественных психологов и лингвистов позволяют сделать вывод о ситуативно-следственном характере конституирования хезитационных явлений в спонтанной диалогической речи. Зависимость функционирования хезитационных явлений в спонтанной речи от ее ситуативных характеристик ставит ученых перед необходимостью дальнейшего исследования специфики организации спонтанной диалогической речи с учетом экстралингвистических факторов.

2. С приведенными способами выделения зарубежными исследователями единицы вербального планирования вряд ли можно полностью согласиться, так как, с нашей точки зрения, они имеют слишком «правильный» упорядоченный характер, что естественно порождает сомнения. В действительности алгоритмы кодирования речи трудно заключить в какие-то строгие рамки, поскольку процессы порождения спонтанной речи весьма непредсказуемы. Тем не менее усилия зарубежных исследователей в данном направлении можно считать продуктивными. Их идеи выделения при спонтанном речепроизводстве единицы вербального планирования требуют дальнейшего изучения.

3. Попытки только формального подхода к классификации хезитационных явлений, предложенного психолингвистами, были полезными лишь на начальных этапах исследования. Они первыми обратили внимание на данное речевое явление и описали, хотя и неполно, формальные признаки этого феномена. Анализ имеющихся классификаций хезитационных явлений показал, что для раскрытия их сущности, наряду с формальным подходом, перспектив-

ным и необходимым представляется также учет функциональной нагрузки, выполняемой хезитационными явлениями, и выявление причин их появления. Опора лишь на форму приводит к эклектическим выводам, затрудняющим поиск путей разрешения проблемы доказательства коммуникативной релевантности хезитационных явлений.

4. Высокая степень функциональной нагруженности хезитационных явлений в речи дает основание для их характеристики как исключительно положительного речевого феномена. Абсурдность заявлений некоторых исследователей относительно их деструктивной роли в создании «красивого» спонтанного речевого произведения не выдерживает никакой критики.

Глава 4. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ХЕЗИТАЦИЙ

4.1. Организация и процедура экспериментального исследования

4.1.1. Предварительные замечания

Экспериментально-фонетическое исследование, посвященное выявлению роли просодических средств в сегментации немецкой спонтанной диалогической речи, проводилось с использованием комплексного метода анализа, который включает синтаксический, аудитивный, дистрибутивный, акустический и статистико-математический виды анализа, сопоставление результатов, полученных на различных этапах исследования в соответствии с требованиями сопоставительного анализа, психолингвистическую и лингвистическую интерпретацию полученных данных.

Основная *цель* эксперимента состояла в выявлении просодических характеристик хезитационных периодов, осуществляющих специфический вид сегментации в спонтанной диалогической речи.

Задачи эксперимента

На стадии планирования эксперимента были поставлены задачи, решения которых требовала цель эксперимента:

1. Определить широкий и узкий корпусы экспериментального материала и его объем для всех видов анализа.

2. Решить вопросы, связанные с использованием различных методик анализа.

3. Определить статус каждого вида анализа для лингвистической интерпретации полученных в ходе анализа результатов.

4. Выделить синтаксические факторы, необходимые для учета в дистрибутивном анализе.

5. Определить набор просодических параметров для акустического анализа.

6. Определить количество информантов для участия в аудитивном анализе.

7. Провести статистическую обработку полученных данных и их лингвистическую интерпретацию.

Материал исследования

Отбор экспериментального материала осуществлялся в соответствии с целями и задачами исследования, направленными на

выявление функциональных особенностей hesitant явлений в немецкой спонтанной диалогической речи.

Экспериментальный материал составили два корпуса исследования: широкий и узкий.

Широкий корпус экспериментального материала составили записи 18 спонтанных диалогов, реализованные девятью информантами, носителями литературного немецкого языка: тремя мужчинами и шестью женщинами в возрасте от 20 до 40 лет, с полным и неполным высшим филологическим образованием: преподавателями, аспирантами, стажерами-студентами. Общее время звучания – 3 ч. 50 мин.

С оригинала записей снимались копии для аудитивного анализа.

Участникам диалогов предлагалось обсудить любые интересующие их темы в непринужденной обстановке. Речевая деятельность партнеров по коммуникации не ограничивалась жесткими тематическими рамками и временем. Цель эксперимента не сообщалась.

Широкий корпус экспериментального материала был использован для аудиторского, синтаксического и дистрибутивного видов анализа.

Для целей акустического анализа были отобраны фонограммы восьми спонтанных диалогов, реализованных семью информантами, составившие узкий корпус экспериментального материала общим объемом звучания 50 минут. Количество звучащих речевых реализаций, подвергнутых акустическому анализу, составило 72 высказывания.

Диалоги, отобранные для широкого и узкого экспериментального корпуса, различаются по их тематической направленности: учеба и работа иностранцев в Москве, их учеба и работа на родине, достопримечательности Москвы, семейные отношения, быт в Московском общежитии и т.д.

Все экспериментальные диалоги отличаются импровизированным, неподготовленным характером общения, проходили в неофициальной, непринужденной обстановке. Данные характеристики коммуникативного акта являются основными экстралингвистическими факторами, характеризующими разговорную речь, что, в свою очередь, позволяет нам рассматривать исследуемые диалогические дискурсы как образцы живой разговорной, непринужденной речи [Девкин, 1981; Долинин, 1973; Земская, 1988; Сиротинина, 1974; Лаптева, 1976].

Для целей синтаксического, дистрибутивного и аудитивного видов анализа фонограммы диалогов были переведены в графическую форму.

Аудитивный и синтаксический виды анализа послужили основой для дистрибутивного анализа. Данные аудитивного анализа проверялись в ходе акустического анализа.

4.1.2. Методика проведения аудитивного анализа

Цель анализа

Целью аудитивного анализа была интерпретация хезитационных периодов в немецкой спонтанной диалогической речи на перцептивно-слуховом уровне.

Задача анализа

В задачу информантов-аудиторов входило: 1) указать локализацию хезитационных периодов в предъявленных спонтанных диалогах; 2) отметить случаи совпадения хезитационных и синтаксических пауз; 3) определить относительную длительность хезитационных пауз (короткая, средняя, длинная).

Процедура анализа

До проведения анализа информантам были даны инструкции, касающиеся их работы по выявлению и маркированию хезитаций, их длительности, видов, мест совпадений / несовпадений синтаксических и хезитационных пауз.

В данном виде анализа приняли участие две группы аудиторов. Они формировались в соответствии с целью и задачами эксперимента. Подбор аудиторских групп определялся тем, в какой степени уровень фонетической и аудитивной подготовленности их участников будет влиять на перцептивную оценку хезитационных явлений.

Первую группу аудиторов составили носители немецкого языка ($n=15$), студенты-филологи, а во вторую группу вошли опытные преподаватели фонетики немецкого языка, носители русского языка ($n=5$).

Аудиторы-студенты в подобного рода эксперименте участвовали впервые, поэтому с ними были проведены предварительные эксперименты на пробном материале, не входящем в экспериментальный корпус. Результаты предварительного эксперимента обсуждались экспериментатором и участниками эксперимента.

Число предъявлений основного аудируемого материала не ограничивалось.

Каждому информанту были предъявлены экспериментальные письменные тексты диалогов без знаков препинания и прописных букв с тем, чтобы они не имели возможности учитывать их при маркировании пауз, а опирались исключительно на свои слуховые впечатления.

Способ обработки данных аудитивного анализа

Обработка данных, полученных в процессе аудитивного анализа, осуществлялась следующим образом: 1. Сопоставлялись результаты сегментирования диалогических текстов с помощью хезитационных периодов и синтаксических пауз информантами-аудиторами: а) внутри группы аудиторов-студентов, носителей немецкого языка; б) внутри группы экспертов-фонетистов, носителей русского языка; в) между двумя группами аудиторов. 2. Решение о наличии границ между сегментами текста принималось в том случае, если совпадения оценок в группах аудиторов составляли не менее 75%.

4.1.3. Методика проведения синтаксического анализа

Цель анализа

В качестве рабочей гипотезы нашего исследования, как указывалось выше, мы выдвинули предположение о том, что лингвистическая природа речевых хезитаций не исключает наличия определенных тенденций в их локализации в рамках высказывания, обусловленных особенностями синтаксического строя языка, в частности немецкого. Следуя данной логике, можно предположить, что в этом случае хезитации могут выполнять функцию полезного *делимитативного сигнала* в речевом коде носителей немецкого языка и таким образом могут быть в некоторой степени «реабилитированы» как лингвистически значимые феномены.

Для доказательства выдвинутой гипотезы мы провели синтаксический анализ широкого корпуса экспериментального материала, основной *целью* которого являлось распознавание синтаксических структур спонтанных диалогических высказываний и систематизация экспериментального материала, согласно избранной нами стратегии, описанной во второй главе (см. 2 гл., п. 2.1.)

Задачи анализа

В задачи анализа входило: 1) определить основные виды синтаксических конструкций немецкой спонтанной диалогической речи; 2) систематизировать их согласно основным видам.

Процедура анализа

Синтаксические структуры исследуемого диалогического спонтанного материала были объединены в четыре большие группы: 1) неполные конструкции, 2) неполные конструкции + плеоназмы, 3) полные конструкции, 4) полные конструкции + плеоназмы.

Исходя из того факта, что одной из специфических черт спонтанной речи является невыраженность подразумеваемых значений (область имплицитной специфики) в группу **«Неполные конструкции»** были отнесены неполные синтаксические построения с разными видами редукции, вызванной экстралингвистическими факторами: эллиптические фразы, парцелляты, модальные слова-фразы, одночленные восклицания, формулы вежливости, различного рода прерванные конструкции: самопрерывания (апозиопеэзисные фразы), прерывания партнером, подхваты прерванных фраз: самоподхваты, подхваты партнером, коммуникативные индикаторы (частицы, итерации, и т.д.), построения гипотаксиса с сокращенной синтаксической структурой (гипотаксис с совмещенной главной частью с неполным придаточным; гипотаксис с синтаксическим стяжением главной части и неполным придаточным) и др.

В группу **«Неполные конструкции + плеоназмы»** были отнесены вышеназванные редуцированные синтаксические конструкции, имеющие в своем составе отдельные избыточные элементы¹ или их комбинации: повторы, вводные выражения, метакоммуникативные маркеры, пролептические и антиципационные элементы и др.

Стремление к краткости, экономии языковых средств, с одной стороны, а с другой – употребление в спонтанной речи форм, содержащих с позиции решения коммуникативного задания избыточный словесный материал, использование ряда форм высказываний, дублирующих друг друга и т.д., не исключают наличие в спонтанной речи полных завершенных конструкций, основными структурными чертами которых являются двусоставность, номинативность, глагольность. Данные конструкции характеризуются большой частотностью в спонтанной речи. Конструкции, отвечающие вышеуказанным характеристикам, вошли в раздел **«Полные конструкции»**, включающий: 1) простые предложения с прямым и обратным

¹ Под избыточностью мы понимаем включение в речевой отрезок элементов, не меняющих существенно объем информации, содержащейся в данном отрезке, а дающих говорящему время для обдумывания последующего речевого шага, т.е. выполняющих роль хезитационных периодов.

порядком слов, 2) вопросительные предложения: местоименный, неместоименный, утвердительный и др. виды вопросов, 3) императивные и восклицательные двучленные конструкции, 4) сложные предложения (сложносочиненные, сложноподчиненные, периоды, сложные предложения с инфинитивными группами, предложения с прямой речью). Особую группу в этом разделе составили полные двусоставные конструкции с нетипичным порядком слов, которые являются нормой в спонтанной диалогической речи.

Полные структуры с избыточной выраженностью синтаксических средств, относящиеся к области эксплицитной специфики, вошли в группу *«Полные конструкции + плеоназмы»* и включали полные простые и сложные предложения (сложносочиненные, сложноподчиненные), а также синтаксические периоды, имеющие в своем составе избыточные элементы или их комбинации: вставочные междометия, разнофункциональные частицы, смешанные конструкции с парентезными включениями и анаколуфом и др.

На плеоназмах во всех видах синтаксических конструкций было зафиксировано наибольшее количество локализаций ХП.

4.1.4. Методика проведения дистрибутивного анализа

Цели анализа

Для проверки выдвинутой гипотезы о синтаксически мотивированном характере появления хезитационных явлений был проведен дистрибутивный анализ.

Основная цель экспериментатора в дистрибутивном анализе заключалась: 1) в установлении локализации хезитационных периодов в выделенных четырех видах синтаксических конструкций в немецкой спонтанной диалогической речи («Полные конструкции», «Полные конструкции + плеоназмы», «Неполные конструкции», «Неполные конструкции + плеоназмы»); 2) в определении частотности реализаций хезитационных периодов в разных синтаксических позициях высказывания.

Задачи анализа

В задачи анализа входило: 1) установить указанную информантами в ходе аудитивного анализа локализацию хезитационных периодов в выделенных четырех видах синтаксических конструкций в немецкой спонтанной диалогической речи и сравнить ее с результатами анализа фактов локализации, выявленных экспериментатором;

2) проверить отмеченные аудиторами случаи совпадения хезитационных и синтаксических пауз.

Данные дистрибутивного анализа по каждому виду синтаксических конструкций были систематизированы в виде таблиц (см. Приложение).

Процедура анализа

При установлении дистрибуции хезитационных периодов в немецкой спонтанной речи учитывались следующие факторы:

1) актуального членения (определялась частотность реализаций хезитационных периодов в тема-рематической структуре высказывания) (табл. 6, 11, 17, 22);

2) синтаксический (устанавливалась частотность реализаций хезитационных периодов между членами диалогических форм предложений (ДФП) и в их группах) (табл. 7, 12, 18, 23);

3) частеречный (определялась частотность реализаций хезитационных явлений между частями речи) (табл. 8, 13, 19, 24);

4) «значение и характер употребления части речи» (Москальская, 1956, с. 31) в ДФП (определялась частотность реализаций хезитаций между служебными и знаменательными словами в зависимости от позиции в высказывании: начальной, срединной, конечной) (табл. 9, 14, 20, 25).

При определении частотности реализаций хезитационных явлений между членами предложения и частями речи учитывалась их локализация в препозиции, постпозиции и интерпозиции членов предложения и частей речи (табл. 7, 8, 12, 13, 18, 19, 23, 24).

При установлении распределения хезитационных явлений по указанным факторам учитывался их способ манифестации в названных позициях (табл. 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 26).

В конструкциях с избыточными элементами определялась дистрибуция хезитационных явлений на определенном виде избыточного элемента, а также преобладающий способ манифестации в названных позициях (табл. 16, 27).

В дистрибутивном анализе в качестве ведущего фактора рассматривалось коммуникативное (актуальное) членение предложения, поскольку данный фактор представляется основополагающим в специфике порождения спонтанного высказывания. Реализуясь в речи, высказывание получает определенную коммуникативную нагрузку. Одни компоненты высказывания становятся коммуникативным центром «и несут самую большую коммуникативную нагрузку, другие же образуют как бы фон, основу» [Михайлов,

1994, с. 21]. Обе группы компонентов тесно взаимодействуют, будучи одновременно противопоставленными и соотнесенными друг с другом.

4.1.5. Методика проведения акустического анализа

Цель анализа

Цель анализа заключалась в подтверждении и уточнении или опровержении данных, полученных при перцептивно-слуховом анализе хезитационных явлений в спонтанном диалоге.

Задача анализа

Задачей акустического анализа явилось определение просодических характеристик хезитационных периодов в спонтанной диалогической речи по трем акустическим параметрам: времени звучания (в мс), частоте основного тона (в Гц) и интенсивности (в относительных единицах), которые коррелируют на уровне восприятия с длительностью, высотой тона и громкостью звучания.

Предварительная подготовка

Для определения средних значений вышеперечисленных просодических параметров по методике, разработанной Л.П. Блохиной, Р.К. Потаповой [Блохина, Потапова, 1982], перед компьютерной обработкой речевого сигнала была сделана интонограмма тестовых фраз из спонтанных диалогов в произнесении семи коммуникантов.

Первичная обработка интонограммы включала:

- а) сегментирование осциллограммы на звуки;
- б) измерение частоты основного тона гласных и сонорных согласных;
- в) измерение интенсивности гласных и сонорных согласных;
- г) измерение длительности гласных, согласных и сонорных согласных.

На следующем этапе определялись:

средний частотный уровень тестовой фразы по формуле:

$$F_0 = \sum \frac{F_0 \text{ б. сл.}}{n},$$

где

F_0 – средний частотный уровень;

$\sum F_0 \text{ б. сл.}$ – сумма значений ЧОТ всех безударных слогов во фразе (уровень ЧОТ замерялся на гласном и сонорном согласном);

n – количество безударных слогов.

Средний уровень звукового давления тестовой фразы определялся по формуле:

$$\bar{I} = \sum \bar{I}_i$$

n, где

\bar{I} – средний уровень звукового давления фразы;

$\sum \bar{I}_i$ – сумма максимальных значений звукового давления слога;

n – количество слогов во фразе.

Средняя длительность отдельных звуковых сегментов тестовой фразы определялась по формуле:

$$t = \sum t_{ph}$$

n (гласных, сонантов, согласных), где

t – средняя длительность фразы;

$\sum t_{ph}$ – сумма значений длительности отдельных звуковых сегментов (гласных, сонантов, согласных);

n – количество гласных, сонантов, согласных.

В результате произведенных расчетов получены следующие средние значения акустических параметров по информантам (см. табл. 1).

Таблица 1

Средние значения акустических параметров

Параметры	Информанты						
	1 (муж.)	2(муж.)	3(жен.)	4(жен.)	5(муж.)	6 (жен.)	7 (жен.)
F ₀ (Гц)	114	115	238	174	154	228	207
I (дб)	36	35	36	30	31	32	31
t (мс)	77	75	60	56	63	50	42

Процедура анализа

Акустическому анализу был подвергнут узкий корпус экспериментального материала.

Сегментация речевого потока и измерение параметров, подлежащих рассмотрению, проводились на компьютере с использованием программы для акустического анализа речи.

Для анализа хезитационных периодов в немецкой спонтанной диалогической речи были отобраны фразы, содержащие определенный вид хезитационного явления по каждому информанту. Каждый вид хезитационного периода обрабатывался по специально составленной программе.

Для акустического исследования было решено выбрать три наиболее частотных вида хезитационных периодов, зарегистрированных в исследуемом материале: 1) хезитации в виде акустического нуля; 2) затяжки (удлинения) последнего или первого гласного или согласного элемента в вербальном компоненте; 3) хезитационный период, заполненный формами невербального поиска (невербальными звуками или звукосочетаниями).

Хезитационный период в виде акустического нуля исследовался по временным характеристикам. Вычислялись:

1) длительность каждого фонационного фрагмента высказывания в мс, полученного в результате его сегментации хезитационными периодами по формуле:

$t_{\text{фраг.}} = \text{кон. т. фраг.} - \text{нач. т. фраг.}$, где

$t_{\text{фраг.}}$ – длительность фрагмента;

кон. т. фраг. – конечная точка фрагмента;

нач. т. фраг. – начальная точка фрагмента;

2) длительность всей фразы по формуле:

$t_{\text{фразы}} = \sum t_n$, где

$\sum t_n$ – сумма длительности фрагментов фразы без пауз;

3) длительность хезитационного периода в виде акустического нуля по формуле:

$t_{\text{ак. 0}} = \text{кон. т. ак. 0} - \text{нач. т. ак. 0}$, где

$t_{\text{ак. 0}}$ – длительность ак. 0;

кон. т. ак. 0 – конечная точка акустического нуля;

нач. т. ак. 0 – начальная точка акустического нуля;

4) при наличии нескольких хезитационных периодов в виде акустического нуля находилась сумма всех ак. 0 по формуле:

$\sum t_{\text{ак. 0}} = t_{\text{ак. 0}_1} + t_{\text{ак. 0}_2} + t_{\text{ак. 0}_3} + \dots t_{\text{ак. 0}_n}$, где

$\sum t_{\text{ак. 0}}$ – сумма хезитационных периодов в виде акустического нуля;

$t_{\text{ак. 0}_n}$ – длительность хезитационных периодов в виде акустического нуля;

5) отношение длительности каждого хезитационного периода к длительности предшествующего фрагмента в % по формуле:

$\frac{t_{\text{ак. 0}_i}}{t_{\text{фраг.}}}$

t фраг. i , где

t ак. 0_i – длительность каждого хезитационного периода в виде акустического нуля;

t фраг. i – длительность каждого фрагмента фразы;

6) отношение длительности суммы всех хезитационных периодов и длительности всей фразы по формуле:

$$\frac{\sum t \text{ ак. } 0_n}{t \text{ фразы, где}}$$

t фразы, где

$\sum t \text{ ак. } 0_n$ – сумма длительности всех хезитационных периодов;

t фразы – длительность фразы;

7) для элиминирования различий в темповых характеристиках отдельных информантов определялось количество звуков, укладываемых в каждый хезитационный период по формуле:

$$n \text{ звуков} = \frac{t \text{ ак. } 0_i}{t \text{ звука, где}}$$

t звука, где

n – количество звуков, укладываемых в каждый хезитационный период;

t ак. 0_i – длительность каждого хезитационного периода;

t звука – средняя длительность звука одного информанта.

Хезитационный период в виде удлинения (затяжки) последнего или первого гласного или согласного элемента вербального компонента исследовался по временным и частотным характеристикам. Вычислялись: по временным характеристикам:

1) длительность удлиненного элемента в мс по формуле:

$$t \text{ зат.} = \text{кон. т. зат.} - \text{нач. т. зат.}, \text{ где}$$

$t \text{ зат.}$ – длительность затяжки (удлинения);

кон. т. зат. – конечная точка затяжки;

нач. т. зат. – начальная точка затяжки;

2) количество гласных или согласных, укладываемых в данную затяжку по формуле:

$$n \text{ звуков} = \frac{t \text{ зат.}}{t \text{ зв.}}, \text{ где}$$

$t \text{ зв.}$, где

n – количество звуков, укладываемых в данную затяжку;

$t \text{ зат.}$ – длительность затяжки (удлинения) звука;

$t \text{ зв.}$ – средняя длительность звука одного информанта, соответствующего типу звука затяжки;

по частотным характеристикам:

3) отклонение от среднего частотного уровня по формуле:

$$\text{откл. от } F_0 \text{ зат.} = F_0 \text{ инф.} - F_0 \text{ max}$$

$$\text{откл. от } F_0 \text{ зат.} = F_0 \text{ инф.} - F_0 \text{ min, где}$$

F_0 зат. – средний частотный уровень затяжки (удлинение гласного или сонанта);

F_0 инф. – средний частотный уровень одного информанта;

F_0 max. – максимальное значение ЧОТ;

F_0 min – минимальное значение ЧОТ.

Хезитационные периоды, заполненные формами невербального поиска (невербальными звуками или звукосочетаниями), исследовались по трем акустическим параметрам: длительности, частоте основного тона, интенсивности.

Вычислялись:

1) длительность заполненного периода по формуле:

t запол. = кон. т. запол. – нач. т. запол., где

t запол. – длительность заполненного хезитационного периода;

кон. т. запол. – конечная точка заполненного хезитационного периода;

нач. т. запол. – начальная точка заполненного периода;

2) количество звуков, укладываемых в данный заполненный период по формуле:

n звуков = t зап.

t зв., где

n – количество звуков, укладываемых в данный заполненный период;

t запол. – длительность заполненного хезитационного периода;

t зв. – средняя длительность звука одного информанта;

3) отклонение от среднего частотного уровня по формуле:

откл. от F_0 запол. = F_0 инф. – F_0 max

откл. от F_0 запол. = F_0 инф. – F_0 min, где

F_0 запол. – средний частотный уровень заполненного периода;

F_0 инф. – средний частотный уровень одного информанта;

F_0 max – максимальное значение ЧОТ;

F_0 min – минимальное значение ЧОТ;

4) процентное отношение максимального значения звукового давления от среднего значения интенсивности по формуле:

I max запол.

I инф., где

I max запол. – максимальное значение звукового давления заполненного хезитационного периода;

I инф. – среднее значение звукового давления одного информанта.

4.2. Результаты дистрибутивного анализа

Дистрибутивный анализ экспериментального корпуса, проведенный на основании данных аудиторского и синтаксического видов анализа с целью установления локализации хезитационных периодов в выделенных четырех видах синтаксических конструкций в немецкой спонтанной диалогической речи (см. п. 4.1.3.) и определения частотности их реализаций с учетом коммуникативного, синтаксического, лексико-грамматического факторов, а также значения и характера употребления части речи, дал возможность лингвистически интерпретировать дистрибуцию хезитационных периодов в каждом виде выделенных синтаксических конструкций.

В результате дистрибутивного анализа с учетом значения и характера употребления части речи (в оппозиции *«служебное слово – знаменательное слово»*) было установлено, что в *«Неполных конструкциях»* наиболее частотная локализация хезитационных периодов – срединная (65%)¹ (см. Прилож.: табл. 6, 9). Наибольшая частотность реализаций хезитаций в срединной позиции объясняется тем, что в неполных конструкциях, как правило, именно на середине высказывания происходят самопрерывания и «сбои» различной хезитационной этиологии. Это положение подтверждается данными таблицы 6, которая показывает, что наибольшее процентное содержание хезитационных периодов сосредоточено в Р (реме) (24% срединная позиция и 10% конечная позиция) (табл. 6), являющейся коммуникативным центром высказывания. Эти результаты дают основание сделать вывод о том, что в рематической части высказывания говорящий испытывает наибольшие затруднения в осуществлении окончательного замысла высказывания, связанные с поиском нужной стратегии (при выборе служебной или знаменательной лексической единицы или группы единиц, для формирования окончательной синтаксической структуры высказывания).

Наибольшее процентное содержание хезитационных явлений в данном виде конструкций в срединной позиции высказывания отмечается между служебным и знаменательным (служ. / знам. – 24%) и знаменательным и знаменательным словом (знам. / знам. – 22%) (табл. 9). Это подтверждают данные таблицы 8, иллюстрирующие наиболее частотную локализацию хезитационных периодов между частями

¹ Для удобства описания и сравнения результаты даются с округлением до целых чисел. Более подробные данные приводятся в Приложении в табл. 6–27.

речи в препозиции (существительное – 2%, личное местоимение – 2%) и интерпозиции (сущ. / сущ. – 3%, частица / сущ. – 2%) перед знаменательными словами, что свидетельствует о наибольших затруднениях говорящего, связанных с поиском значимых, автосемантических лексических единиц.

Из таблиц 6 и 10 видно, что и способы манифестации хезитационных периодов в названных позициях также в основном совпадают: лидирующим видом оказывается акустический нуль (знам. / знам. – 9%, служ. / знам. – 6% в срединной позиции – табл. 10), (Р – 13% – срединная позиция – табл. 6). Это подтверждает мысль Ф. Гольдман-Эйслер и др. [Goldman-Eisler, 1961 в] о том, что именно незаполненные паузы наиболее частотны в функции планирования.

С учетом фактора актуального членения вторым наиболее частотным центром локализации хезитационных явлений в данном виде конструкций является *тематическая часть* высказывания (21% в срединной позиции; 9% в конечной позиции – табл. 6). Как правило, это место реализации неудачных речевых шагов (фальстарты с последующей самокоррекцией), требующих возвращения к началу высказывания и коррекции.

Преобладающим способом манифестации хезитационных периодов в данной позиции также является акустический нуль (8% – срединная позиция и 6% – конечная позиция – табл. 6), в течение которого говорящий, осознав несоответствие замысла с его артикуляторной реализацией, блокирует дальнейшую программу высказывания и пытается исправить неверный речевой шаг.

Достаточно большая частотность реализаций хезитационных явлений (15% – срединная позиция – табл. 6) наблюдается в позиции между *темой и ремой* (*T / P*), что также объясняется затруднениями говорящего при поиске путей реализации коммуникативного центра высказывания (Р). Как правило, это место реализации «пробных» речевых шагов, связанных с «нащупыванием» дальнейшей перспективы реализации замысла (самопрерывания с последующим самопродолжением прерванного).

Наиболее частотным способом манифестации хезитационных периодов в данной позиции также оказывается акустический нуль (10% в срединной позиции – табл. 6), что дает основание для вывода о том, что в реализации функции планирования незаполненному хезитационному периоду отводится первостепенная роль.

Относительно реализаций хезитационных явлений в позиции между *ремой и темой* (P / T) можно отметить, что здесь речь идет о хезитационных периодах, выступающих в качестве пограничных маркеров между: 1) эллиптизированными конструкциями¹ и тематическим началом последующего высказывания при появлении хезитаций на синтаксическом «шве» (при совпадении синтаксической и хезитационной паузы); 2) самопрерванными в рематической части высказываниями и тематическим началом последующего высказывания. Процентное выражение реализаций хезитационных явлений в данной позиции относительно невелико (4% в срединной позиции – табл. 6).

С нашей точки зрения, это объясняется тем, что в первом случае (эллиптизированная конструкция / тематическая часть последующего высказывания) говорящий в сжатой форме уже реализовал основную коммуникативную интенцию и далее не испытывает особой надобности тщательно планировать дальнейшую программу речевого действия. Во втором случае (самопрерывание в рематической части / тема последующего высказывания) речь идет о так называемых фальстартах, когда говорящий не считает нужным их исправлять, хотя и осознает неудачный речевой старт.

В названной позиции хезитационные периоды манифестируются в основном в виде акустического нуля (1% в срединной позиции) и затягиванием последнего элемента лексической единицы (гласного – 0,7% или сонанта – 0,7% – табл. 6).

В позиции между *ремой и ремой* (P / P) речь идет о хезитационных периодах, реализуемых в качестве пограничных маркеров между: 1) двумя эллиптизированными конструкциями на синтаксическом «шве», 2) эллиптизированной конструкцией и началом эмфатического высказывания на синтаксическом «шве», 3) самопрерванной в рематической части одной конструкцией и началом следующей эллиптизированной конструкции.

Частотность реализаций хезитационных периодов в указанной позиции невелика (1% – начальная, срединная позиции). Небольшую частотность хезитационных явлений можно объяснить следующим фактами: 1) эллиптизированная структура высказывания порождается стремлением говорящего что-то быстро

¹ По мнению Л.М. Михайлова, эллиптизированные конструкции однозначно обозначают в диалогической речи «рему актуального членения» [Михайлов, 1994, с. 189].

сообщить собеседнику, когда, например, возникает опасность перехвата инициативы говорения партнером: основной способ манифестации хезитационных явлений – заполнения некоммуникативными звуками с целью удержания инициативы говорения (ср. данные Кирей, 1988; Мироновой, 1994); 2) малая частотность реализаций хезитационных явлений в названных позициях объясняется также тем, что эмоциональные высказывания как его рема, как правило, являются аффективной реакцией говорящего на сказанное собеседником, где нет надобности в реализации хезитационными периодами функций планирования и восстановления качества речи.

В процессе дистрибутивного анализа мы попытались также зафиксировать наиболее частотные реализации хезитационных периодов в позициях высказывания между членами предложения, считая высказывание, вслед за Л.М. Михайловым, определенной диалогической формой предложения (ДФП) [Михайлов, 1994] (см. табл. 7).

Данные таблицы 7 показывают, что весьма регулярное появление хезитаций определенного вида в определенных синтаксических позициях даст нам право высказать предположение об относительно мотивированном самим синтаксисом немецкого языка характере появления хезитационных явлений.

В «Неполных конструкциях» наиболее частотными оказались реализации в следующих позициях: 1) в препозиции: подлежащего (7%), прямого дополнения (3), неизменяемой части сказуемого (12), предикатива (3%) – табл. 7; 2) в постпозиции: сказуемого (полнозначных и неполнозначных глаголов) (12%), подлежащего (4), прямого дополнения (3%); 3) в группе: постпозитивного несогласованного определения; обстоятельства места (4%); предложного дополнения и обстоятельства времени (3), прямого дополнения (2%).

В конструкциях с избыточными элементами дистрибуция хезитационных периодов в значительной степени зависит от вида избыточного элемента и его расположения в конструкции. Привнесение в основное высказывание плеоназма определенного вида может в значительной степени влиять на локализацию хезитационных периодов и модифицировать общую картину их дистрибуции по сравнению с неполными конструкциями без избыточных элементов.

В «Неполных конструкциях + плеоназм» при реализации хезитационных периодов в трех позициях с учетом указанных

факторов в целом наблюдается аналогичная картина с реализацией хезитационных периодов в «Неполных конструкциях». Наиболее частотной является срединная позиция (85% – табл. 11). Эти данные совпадают с данными табл. 14, иллюстрирующей реализацию хезитационных периодов в оппозиции «*служебное / знаменательное слово*» в срединной позиции (85%). Наиболее частотная их локализация между: 1) служебным и служебным словом (служ. / служ. – 22%); 2) знаменательным и знаменательным (знам. / знам. – 18%); 3) знаменательным и служебным (знам. / служ. – 18%); 4) служебным и знаменательным (служ. / знам. – 18%).

Реализация хезитационных периодов между *частями речи* – таблицы 13 подтверждает данные таблицы 14. Наиболее частотными оказались локализации – в интерпозиции: 1) предлог / предлог (8%); 2) частица / частица (6%); 3) сущ. / предлог (5%); 4) предлог / прилагательное (3%); 5) союз / предлог (3%); 6) наречие / частица (3%). Наиболее частотная локализация – в препозиции: существительное (9%). Наиболее частотная внутрисловная локализация – неопределенный артикль (9%).

Так же как и в «Неполных конструкциях» наблюдается аналогия частотности реализаций хезитационных периодов в *тематической структуре* (табл. 11) высказывания: Р (44%), в Т (19), между Т и Р (Т / Р) (15%). Эта частотность объясняется аналогичной причиной частотности реализаций хезитационных явлений в названных позициях в «Неполных конструкциях» (см. описание результатов в «Неполные конструкции»).

Увеличение частотности реализаций хезитаций в виде акустического нуля (18% – рема, 9% – тема) срединная позиция (табл. 11) перед служебными словами (22–18%) (см. табл. 14) объясняется тем, что служебные слова, как правило, выполняя роль плеоназмов (повторы артиклей, предлогов, частиц, пролептические, антиципационные элементы), реализуются большей частью в виде комбинированных хезитационных периодов различного наполнения, являясь одной из составных частей комбинации в виде вербального компонента (37% – табл. 16). Акустический нуль, как правило, предваряет эти комбинации.

Наиболее частотным видом плеоназмов, выполняющих роль хезитационных периодов в данном виде синтаксических конструкций, является повтор лексических единиц (30%).

При реализации хезитационных периодов между *членами предложения* (табл. 12) наибольшая частотность зафиксирована

в препозиции: 1) предикатив (15%); 2) неизменяемая часть сказуемого – 6%; 3) сказуемое (полнозначные глаголы) (3%); 4) подлежащее (3%); 5) предложное дополнение (3%); в постпозиции: 1) изменяемая часть сказуемого (5%); в группе члена предложения: 1) постпозитивное предложное определение (11%); 2) предложное дополнение (9%); 3) предикатив (6%); 4) обстоятельство места (6%).

В *«Полных конструкциях»* при выявлении дистрибуции хезитационных явлений в высказывании наиболее частотной оказалась также *серединная позиция* (90% – табл. 17, 20). В *тема-рематической структуре* высказывания центрами реализаций хезитационных периодов являются: тематическая (Т) – 40%, рематическая (Р) – 31% части высказывания, а также позиции между (Т / Р) – 21% (табл. 17). Соответственно в серединной позиции – в тематической части (35%), в рематической (28%), в позиции между Т и Р (Т / Р) – 21% (табл. 17).

Локализация хезитаций в названных позициях высказывания связана с функцией планирования завершения речевой программы высказывания. Наиболее частотная форма реализации хезитаций в виде акустического нуля свидетельствует о напряженных умственных усилиях говорящего с целью воплотить продолжение замысла артикуляторно верно, без дальнейших «сбоев». Соответственно в серединной позиции высказывания частотность незаполненных хезитационных периодов относительно велика: в Т – 13%, в Р – 12, Т / Р – 7% (табл. 17).

Менее частотная реализация хезитационных периодов в данном виде конструкций между ремой и темой (Р / Т) – 0,3% на синтаксическом «шве» (табл. 17 – конечная позиция) может маркировать переход к следующему тематическому или подтематическому блоку спонтанного текста. На аналогичные выводы указывают и другие исследователи¹. Меньшая частотность реализаций хезитаций в данной позиции, очевидно, объясняется не столь быстрой сменой темы разговора. Более частотную реализацию хезитаций можно скорее предположить в рамках одной темы или подтемы, когда сообщение деталей внутри темы требует более тщательного планирования программы высказывания, а следовательно более частых остановок для обдумывания (*серединная позиция* – 5%).

Наиболее частотная реализация хезитационных периодов в серединной позиции наблюдается между *служебными и знамена-*

¹ См. исследования: Мелешенко, 1987; Шапа, 1993.

тельными словами (служ. / знам. – 30%) и знаменательными и знаменательными словами (знам. / знам. – 26%) (табл. 20).

Наиболее частотные способы манифестации хезитационных периодов в названных позициях – акустический нуль (знам. / знам.) – 12%, (служ. / знам.) – 9, комбинированные периоды (служ. / знам.) – 9 и затягивание последних или первых элементов лексических единиц (служ. / знам.) – 8% (табл. 21).

Высокую частотность появления хезитаций перед знаменательными словами, вероятно, следует связывать с наименьшей предсказуемостью лексических единиц данного характера, появляющихся после хезитационных периодов, когда говорящий останавливается, чтобы осуществить выбор единицы кодирования.

Данные таблиц 20, 21 подтверждают данные таблиц 18, 19, иллюстрирующие наиболее частотную реализацию хезитаций перед автосемантическими словами.

Наиболее частотными реализациями хезитаций между членами предложения являются следующие: в интерпозиции: 1) измен. часть сказуемого / предикатив (4%), 2) подлежащее / сказуемое (3%); в препозиции: 1) подлежащее (8%), 2) предикатив (4%); в постпозиции: 1) неизменяемая часть сказ. (3%), 2) сказуемое (полнозначные, неполнозначные глаголы) – (5%); в группе члена предложения: 1) согласованное определение (между определением и существительным – 5%), 2) предложное дополнение (4%), 3) обстоятельство места (3%) (табл. 18).

Данные таблицы 19 показывают, что наиболее частотными реализациями хезитаций между частями речи являются следующие: в интерпозиции: 1) союз / местоимение (4%), 2) наречие / глагол (3%), 3) сущест. / сущест. (2%); в препозиции: 1) местоимение (2%); внутрисловная локализация: сложное существительное (1%).

Наиболее частотная реализация хезитационных периодов перед знаменательными словами свидетельствует о наибольших затруднениях говорящего в поиске значимого слова.

В «*Полных конструкциях + плеоназм*» при определении дистрибуции хезитационных явлений в высказывании в названных выше позициях в основном наблюдается аналогия с реализациями хезитационных периодов в «*Полных конструкциях*».

Наибольшая частотность реализаций хезитационных периодов в данном виде конструкций характерна для *серединной части* высказывания – 90% (табл. 22, 25).

В тема-рематической структуре высказывания по аналогии с вышеописанными синтаксическими конструкциями основными центрами локализаций хезитационных периодов являются: рематическая и тематическая части высказывания (Р – 33%) и (Т – 31%), а также позиции между тематической и рематической (Т / Р – 13%) и рематической и тематической (Р / Т – 13%) частями высказывания (табл. 22).

Несовпадение в процентном отношении с другими синтаксическими конструкциями наблюдается в позиции между ремой и темой (Р / Т) (ср. в «Неполных конструкциях» – 4%, в «Неполных конструкциях + плеоназм» – 4, в «Полных конструкциях» – 5% срединная позиция (табл. 6, 11, 17). Выше мы объясняли причины некоторого уменьшения в «Полных конструкциях» частотности реализаций хезитационных явлений в позиции Р / Т (см. «Полные конструкции»). В «Полных конструкциях + плеоназм» причину увеличения частотности реализаций хезитационных периодов в позиции Р / Т (13%), на наш взгляд, следует объяснять некоторым смещением частотности их реализаций в позиции «знаменательное / служебное слово» в сторону большей локализации хезитационных явлений перед служебными словами (см. табл. 25, 26: позиция знам. / служ. – 28%). В тема-рематической структуре это и выражается в увеличении смещения частотности реализаций хезитационных периодов перед Т (Р / Т), которая может начинаться с неполнозначных глаголов, предваряемых разнофункциональными частицами в качестве избыточных элементов.

Частотность реализаций хезитационных периодов в позиции между Р / Р невелика – 2% (табл. 22).

В этой позиции хезитационные периоды выступают как маркеры между рематической частью предыдущего высказывания и информационно нагруженной рематической частью последующего высказывания (или парентезным избыточным включением, начинающимся с рематической части) на синтаксическом «шве».

Мы уже пытались частично объяснить причины невысокой процентной реализации хезитаций в аналогичной позиции в «Неполных конструкциях».

Другой причиной невысокой частотности их реализаций в позиции между Р / Р (2% – конечная позиция – табл. 22) является тот факт, что избыточные вставные элементы (часто парентезные включения) произносятся автоматически и не требуют специального обдумывания [Ладыженская, 1985; Миронова, 1994 б].

В данном виде конструкций способ манифестации хезитационных явлений в виде акустического нуля уравнивается с комбинированными хезитационными периодами, которые, как отмечалось, имея в своем составе и другие виды хезитаций, локализуются в основном на избыточных элементах (ср. одинаково высокое процентное отношение реализаций хезитационных периодов в виде акустического нуля – 10%, 8% – срединная позиция в (Р) и (Т) и комбинированного хезитационного периода – 10%, 10% – срединная позиция в (Т) и (Р) – табл. 22).

При определении дистрибуции хезитационных периодов в позициях между членами предложения наблюдаются следующие закономерности: в препозиции члена предложения наиболее высокая частотность реализаций хезитационных периодов наблюдается: 1) подлежащее (7%), 2) обстоятельство места (3%); в постпозиции члена предложения: 1) подлежащее (4%), 2) изменяемая часть сказуемого (3%), 3) прямое дополнение (3%); в интерпозиции: 1) изменяемая часть сказуемого / подлежащее – (2%); в группе члена предложения: 1) предложное дополнение (4%), 2) обстоятельство места (3%), 3) подлежащее (2%), 4) обстоятельство времени (2%) (см. табл. 23).

Наше положение относительно смещения частотности реализаций хезитационных периодов в сторону несколько большей локализации перед служебными словами высказывания подтверждается данными таблицы 24, иллюстрирующей наибольшую частотность реализаций хезитационных периодов преимущественно перед служебными словами в интерпозиции: 1) неопределенное местоимение / подчинительный союз (2%), 2) частица / частица (2%), 3) существительное / предлог (2%); в препозиции: 1) частица (2%); внутрисловная локализация: 1) соч. союз (2%), 2) частица (1%) (табл. 24).

Следует отметить также высокую частотность реализаций хезитаций и в других позициях: 1) знам. / знам. (28%), служ. / знам. (19%) (табл. 25).

Наиболее высокую частотность реализаций хезитационных периодов можно отметить в интерпозиции перед знаменательными словами: 1) наречие / глагол (2%), 2) сущ. / глаг. (2%), 3) наречие / наречие (2%); внутрисловная локализация: сложное сущ. (1%).

Наиболее частотный способ реализации хезитационных явлений наблюдается в виде комбинированного периода (78%) (табл. 27), составной частью которого является избыточный элемент (наиболее частотны: проспективный повтор лексической единицы – 32% и парентезные включения – 28%).

4.3. Результаты акустического анализа

С целью уточнения данных, полученных в результате проведения перцептивно-слухового анализа хезитационных явлений в немецком спонтанном диалоге, был проведен акустический анализ просодических характеристик хезитационных периодов по трем акустическим параметрам: длительности, частоте основного тона, интенсивности.

В связи с тем, что главной целью нашего исследования является просодическое оформление хезитационных периодов, сегментирующих спонтанный диалогический текст, и выявление их связи с синтаксическими факторами, в качестве «стратегической» просодической характеристики, оформляющей хезитационный период, была выбрана длительность в (о.е.)¹. Выбор длительности в качестве основного акустического параметра, оформляющего хезитационный период, представляется обоснованным, поскольку определенная временная протяженность хезитационного периода является ведущей информативной характеристикой при сегментации спонтанных текстов, указывающей на степень и причину речевых затруднений, и поэтому является релевантной для выявления лингвистической значимости отдельных видов хезитаций в речи говорящего и их перцептивной актуальности для слушающего.

В пользу выбора такой стратегии говорят также и те данные, которые были получены при решении различных вопросов членения речевого континуума. На основании результатов большого числа экспериментально-фонетических исследований сегментации речи установлено, что в членении устных текстов главенствующая роль отводится временной характеристике, ибо вне ее существования невозможна реализация супraseгментных единиц высказывания. Это позволяет рассматривать временную характеристику речи в качестве фундаментальной при анализе спонтанной речи [Блохина, Потапова, 1982; Потапова, Блохина, 1986].

Считать временной параметр просодических характеристик, участвующих в сегментации речи, основным позволяет также и тот факт, что паузы (синтаксические, физиологические, хезитационные) определенной протяженности образуют инвентарь просодических

¹ О.е. – относительная единица. Обращение к ней оправдано целью элиминировать индивидуальные различия информантов и получить наиболее стабильные данные, отличающиеся наименьшей степенью вариативности.

средств, позволяющий членить речевой континуум на временные кванты, обусловленные целым рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Поскольку хезитационные периоды выполняют демаркационную функцию в синтаксической структуре высказывания, то следует предположить, что именно их временные характеристики в первую очередь явятся определяющими для выявления связи между дистрибуцией хезитаций и синтаксическими факторами.

Для анализа были выбраны три наиболее распространенных способа манифестации хезитационных периодов в спонтанной диалогической речи: 1) акустический нуль, 2) затяжки последнего (первого /второго) элемента (гласного, сонанта, согласного) лексических единиц речевых фрагментов, 3) заполнения формами невербального поиска.

Первичный просмотр данных акустического анализа дал основание для выдвижения следующей *гипотезы*: длительность хезитационного периода, манифестируемого тремя вышеуказанными способами, находится в зависимости от вида синтаксической конструкции.

Под *видом* синтаксической конструкции в данном исследовании понимаются: 1) синтаксическая завершенность (полная / неполная), 2) наполняемость / ненаполняемость конструкции избыточным элементом (\pm избыточный элемент). В качестве варьируемых конструкций были выбраны четыре: «Полная конструкция», «Полная конструкция + плеоназмы», «Неполная конструкция», «Неполная конструкция + плеоназмы».

При определении длительности хезитационных периодов были найдены для каждой из выбранных для сравнения конструкций средние значения (α) временных характеристик (в относительных единицах – о.е.) хезитационных периодов, манифестируемых тремя указанными способами по формуле:

$$\alpha = \frac{\sum t}{n}$$

где

α – среднее значение параметра t (длительность);

$\sum t$ – сумма временных характеристик в о.е. в каждом виде синтаксических конструкций;

n – число хезитационных периодов в выборке.

Для корректного сравнения данных и оценки их в плане значимости и надежности расхождений средних значений был использован двусторонний модифицированный t_0 критерий при 5% уровне значимости:

$$t_0 = \frac{\alpha_1 - \alpha_2}{0,5 (W_1 + W_2)}, \text{ где}$$

α_1 и α_2 – усредненные значения параметра t в сравниваемых выборках (синтаксических конструкциях): α_1 – среднее значение параметра t для конструкций слева, α_2 – для конструкций справа (см. оппозиции синтаксических конструкций – табл. 2, 3, 4 гл. 4);

W_1 и W_2 – разность максимальных и минимальных значений характеристик для каждой из выборок;

t_0 – искомая величина, которая сравнивается с критической величиной ($t_{кр.}$) по таблице критических значений¹ при уровне значимости 5%.

Если $t_0 \geq t_{кр.}$ ², то гипотеза о равенстве усредненных значений отвергается, и усредненные значения выборки характеризуются регулярными расхождениями. Если $t_0 < t_{кр.}$, то гипотеза о равенстве усредненных значений принимается и делается вывод о том, что средние значения значимо не различаются.

Были рассмотрены следующие оппозиции синтаксических конструкций: 1) «Полные конструкции / Полные конструкции + плеоназмы», 2) «Неполные конструкции / Неполные конструкции + плеоназмы», 3) «Полные конструкции / Неполные конструкции», 4) «Полные конструкции + плеоназмы / Неполные конструкции + плеоназмы».

Значения t_0 -модифицированного t критерия и $t_{кр.}$ представлены в таблицах 2, 3, 4.

Рассмотрим средние значения t хезитационных периодов, манифестируемых тремя вышеназванными способами, и попытаемся объяснить зависимость временной характеристики хезитационных периодов от вида синтаксической конструкции.

¹ *Большев Л.Н., Смирнов Н.В.* Таблицы математической статистики. – М. : Наука, 1965. – 464 с.

² $t_0 \geq t_{кр.}$ – двусторонний модифицированный t_0 критерий больше или равен ($<$ – меньше) $t_{кр.}$

**Временные характеристики ХП в виде акустического нуля
в оппозициях синтаксических конструкций**

№	Оппозиции синтаксических конструкций		$\alpha 1$ -средние значения параметра t для конструкций слева в о.е.	$\alpha 2$ -средние значения параметра t для конструкций справа в о.е.	n	t_0	ткр.
1.	Полная конструкция	Полная конструкция+ плеоназм	7,5	11,5	30	0,14	0,14
2.	Полная конструкция+ плеоназм	Неполная конструкция+ плеоназм	11,5	3,9	11	0,38	0,17
3.	Полная конструкция	Неполная конструкция	7,5	8,0	12	0,03	0,23
4.	Неполная конструкция	Неполная конструкция+ плеоназм	8,0	4,0	12	0,62	0,23

При сравнении средних значений в оппозиции 1. «Полная конструкция / Полная конструкция + плеоназм» гипотеза о равенстве усредненных значений t отвергается ($t_0 = \text{ткр.}$), т.е. средние значения выборок характеризуются регулярными расхождениями. Это говорит о том, что различия между сравниваемыми значениями выборок значимы.

Таким образом, общая длительность хезитационных периодов в оппозиции 1 в «Полных конструкциях + плеоназм» больше длительности хезитаций в «Полных конструкциях». На наш взгляд, это объясняется тем, что в «Полных конструкциях + плеоназм» хезитационные периоды манифестируются, как правило, комбинацией разных видов хезитаций, где акустическому нулю отводится роль форпоста при поиске способа выражения заключительной части высказывания. Именно в период длительного акустического нуля принимается решение о способе завершения речевой программы (выбор синтаксической структуры или необходимой лексической единицы). Избыточные элементы, следующие за акустическим нулем, роль которых выполняют, как правило, десемантизированные лексические единицы, вводятся говорящим с целью не потерять инициативу говорения. Однако и для их производства необходимо определенное время для материализации избыточного элемента, о чем свидетельствует довольно широкий спектр их ви-

дов (перспективный повтор, парентезы, антиципации и т.д.). В противном случае употребление плеоназма свелось бы к одной-единственной форме выражения, что совершенно нереально представить. Поскольку в «Полных конструкциях» не происходит дополнительного расхода времени для порождения избыточного элемента, то длительность акустического нуля здесь, естественно, меньше.

В оппозиции 2. «Полные конструкции + плеоназм / Неполные конструкции + плеоназм» гипотеза о равенстве средних значений отвергается ($t_0 > t_{кр}$). Средние значения выборок характеризуются регулярными расхождениями.

Хезитационные периоды в «Полных конструкциях + плеоназм» длительнее, чем в «Неполных конструкциях + плеоназм». Данная оппозиция, на наш взгляд, представляет наибольший интерес для выявления зависимости длительности хезитационных периодов от синтаксических факторов. Мы уже пытались выявить причины большей длительности хезитаций в «Полных конструкциях + плеоназм» в сравнении с «Полными конструкциями» без избыточных элементов. Что касается сравнения «Полных конструкций + плеоназм» с «Неполными конструкциями + плеоназм», то причины большей длительности хезитаций, манифестируемых акустическим нулем, следует, очевидно, искать в большей временной протяженности полной конструкции, так как для обдумывания завершающей перспективы полного высказывания требуется больший отрезок времени. В «Неполных конструкциях + плеоназм» в силу незавершенности, «оборванности» конструкции, обусловленной разными причинами (в том числе экстралингвистическими факторами) или вследствие эллиптичности, где компрессия мысли достигает наивысшей степени, не всегда имеют место долгие хезитационные периоды, хотя возможны исключения в силу разных причин. Стремление говорящего что-то быстро сообщить собеседнику, а также опасность перехвата инициативы говорения партнером не способствуют долгому раздумью говорящего, в результате чего длительность хезитационного периода значительно сокращается. В данном случае хезитационный период в виде акустического нуля перед избыточным элементом функционально минимально нагружен, поскольку в данном случае не стоит задача планирования завершения высказывания, а лишь маркируется момент затруднения.

В оппозиции 3. «Полные конструкции / Неполные конструкции» гипотеза о равенстве усредненных значений принимается ($t_0 < t_{кр}$).

Здесь нельзя говорить о значимых расхождениях средних значений, и фактор длительности не обусловлен синтаксическими факторами, т.е. длительность хезитаций в данных конструкциях значимо не различается. Представляется, что отсутствие значимых различий в длительности хезитационных периодов объясняется в значительной степени дистрибуцией хезитаций в аналогичных позициях и отсутствием избыточных элементов.

В оппозиции 4. «Неполные конструкции / Неполные конструкции + плеоназм», где длительность акустического нуля в «Неполных конструкциях» больше его длительности в «Неполных конструкциях + плеоназм», наблюдается обратный процесс по сравнению с оппозицией «Полные конструкции / Полные конструкции + плеоназм», где длительность акустического нуля в «Полных конструкциях» меньше его длительности в «Полных конструкциях + плеоназм».

В неполных конструкциях с избыточными элементами меньшая длительность акустического нуля, с одной стороны, объясняется тем, что говорящий, чувствуя угрозу перехвата инициативы говорения собеседником, считает целесообразным заполнить пустоту избыточным элементом, сократив процесс обдумывания, тем самым сократив длительность акустического нуля, и таким образом удерживать инициативу говорения. С другой стороны, большая длительность акустического нуля выступает излишней характеристикой, так как в неполных конструкциях обдумывание дальнейшей перспективы реализации замысла прекращается.

В «Неполных конструкциях» без избыточных элементов говорящий обдумывает окончание замысла, не заботясь о том, будет ли он прерван собеседником или нет. Однако в обоих видах конструкций вербализация замысла заходит в тупик, конструкция обрывается. Далее она может быть подхвачена партнером по коммуникации с целью помочь собеседнику выйти из затруднительного положения без перехвата инициативы говорения, или же собеседник полностью перенимает инициативу говорения и становится «ведущим».

В «Полных конструкциях + плеоназм», наоборот, временная характеристика акустического нуля увеличивается, так как говорящий чувствует потенциальную возможность продолжить высказывание. Употребляя избыточный элемент, он, с одной стороны, удерживает инициативу говорения, с другой – пролонгирует обдумывание вербализации замысла.

**Временные характеристики ХП в виде затяжек
последнего и первого элементов лексических единиц
в оппозициях синтаксических конструкций**

№	Оппозиции синтаксических конструкций		$\bar{a}1$ – средние значения параметра t для конструкций слева в о.е.	$\bar{a}2$ – средние значения параметра t для конструкций справа в о.е.	n	t_0	ткр.
1.	Полная конструкция	Полная конструкция + плеоназм	4,5	5,8	28	0,07	0,14
2.	Неполная конструкция	Неполная конструкция + плеоназм	7,4	9,5	8	0,14	0,30
3.	Полная конструкция	Неполная конструкция	4,7	7,4	14	0,15	0,18
4.	Полная конструкция + плеоназм	Неполная конструкция + плеоназм	5,8	9,5	13	0,3	0,2

В оппозиции 1. «Полная конструкция / Полная конструкция + плеоназм» гипотеза о равенстве средних значений длительности принимается ($t_0 < t_{кр}$). В данном случае отсутствуют значимые расхождения средних значений, что можно расценивать как отсутствие влияния фактора наполняемости избыточным элементом на длительность затяжек.

Отсутствие значимой разницы в длительности хезитационных периодов, манифестируемых затяжкой последнего или первого / второго элементов лексических единиц в данной оппозиции, очевидно, следует объяснять тем, что в данном случае избыточный элемент является попыткой осуществления очередного речевого шага. Длительность затяжки первого / второго элемента плеоназма существенно не отличается от затягивания первого элемента последующего речевого сегмента в «Полных конструкциях».

Функционально данный вид хезитации¹ наряду с акустическим нулем ориентирован на планирование последующего речевого

¹ В отличие от исследователей, наделяющих данный вид хезитации статусом заполненной паузы, мы считаем данный способ хезитации самостоятельным видом хезитационного периода (см. гл. 3 п. 3.3.2).

шага. Вставной избыточный элемент выполняет в данном случае свои обычные функции (ритмические, мелодические, эмотивные) [Ладыженская, 1985] и существенного влияния на длительность затяжки не оказывает.

Аналогичными причинами отсутствия значимых расхождений средних значений длительности можно, очевидно, объяснить и факт отсутствия существенных расхождений средних значений длительности в оппозиции 2 «Неполные конструкции / Неполные конструкции + плеоназм». Очевидно, что в данном случае вид синтаксической конструкции также не оказывает решающего значения на фактор длительности.

В оппозиции 3. «Полные конструкции / Неполные конструкции» гипотеза о равенстве средних значений длительности отвергается ($t_0 = t_{кр.}$). В «Неполных конструкциях» длительность хезитационных периодов больше длительности хезитаций в «Полных конструкциях». Вероятно, большая длительность хезитаций в «Неполных конструкциях» вызвана более высокой степенью затруднений и неуверенностью говорящего, что порождает, с одной стороны, синтаксическую неполноту конструкций, с другой – в эмоционально окрашенных эллиптических конструкциях большая длительность затяжек может быть связана с эмоциональной напряженностью, вызванной экстралингвистическими факторами. По нашим данным, длительность затяжек согласных элементов значительно превышает длительность гласных и сонантов.

Это объясняется спецификой слоговой системы немецкого языка, который в отличие от русского языка является «слогоопорным» [Потапова, Линднер, 1991, с. 214]. В немецком языке преобладают закрытые слоги с сильным примыканием конечного согласного и, следовательно, его большей напряженностью и длительностью.

В оппозиции 4. «Полные конструкции + плеоназм / Неполные конструкции + плеоназм» гипотеза о равенстве усредненных значений длительности отвергается ($t_0 > t_{кр.}$) и следует констатировать факт большей длительности хезитаций в «Неполных конструкциях + плеоназм» по сравнению с «Полными конструкциями + плеоназм». Причины большей длительности хезитаций в «Неполных конструкциях + плеоназм», на наш взгляд, объясняются аналогичными причинами большей длительности хезитаций в «Неполных конструкциях» в оппозиции «Полная конструкция / Неполная конструкция». Представляется, что избыточный элемент на затягивание последнего или первого / второго элемента лексиче-

ских единиц в своем составе не оказывает существенного влияния, т.е. длительность хезитационного периода данного вида не зависит от фактора наполняемости конструкций избыточным элементом.

Таблица 4

**Временные характеристики XII в виде заполнений
невербального характера в оппозициях
синтаксических конструкций**

№	Оппозиции синтаксических конструкций		\bar{t}_1 – средние значения паразитических конструкций слева в о.е.	\bar{t}_2 – средние значения паразитических конструкций справа в о.е.	n	t_0	ткр.
1.	Полная конструкция	Полная конструкция +плеоназм	10,1	9,3	16	0,04	0,20
2.	Неполная конструкция	Неполная конструкция +плеоназм	–	–	–	–	–
3.	Полная конструкция	Неполная конструкция	10,1	7,1	8	0,25	0,30
4.	Полная конструкция + плеоназм	Неполная конструкция + плеоназм	–	–	–	–	–

В оппозиции 1. «Полные конструкции / Полные конструкции + плеоназм» гипотеза о равенстве усредненных значений длительности принимается ($t_0 < \text{ткр.}$). Средние значения длительности хезитаций, манифестируемых заполнениями невербального поиска, в данной оппозиции значимо не различаются. В данном случае следует отметить аналогию реализации хезитационных периодов данного вида с реализацией хезитационных периодов в виде затяжек в аналогичной оппозиции. Видимо, причины несущественных расхождений в длительности хезитаций следует искать в функциональной нагрузке заполнений невербального характера и избыточного элемента. Появляясь в речи для заполнения образовавшегося «люка» и являясь, по сути, составляющими сложного комбинированного хезитационного периода, они дополняют друг друга. Пролонгировать начатый речевой сегмент вставками только невербального характера с целью удержания инициативы говорения – опасно, так как сверхдолгое «эканье» или «мычание», в конце концов, явятся при-

чиной разрядки нетерпения собеседника, поэтому на смену им приходят вставные вербальные избыточные элементы как смена вида хезитации, способные у слушающего создать иллюзию продолжающегося речевого континуума.

В оппозиции 3. «Полные конструкции / Неполные конструкции» гипотеза о равенстве средних значений длительности принимается ($t_0 < t_{кр.}$). Фактор длительности в данном случае не обусловлен синтаксическими факторами.

В оппозициях 2. «Неполная конструкция / Неполная конструкция + плеоназм» и 4. «Полная конструкция + плеоназм / Неполная конструкция + плеоназм» хезитации, манифестируемые заполнениями невербального характера, в выборках не представлены.

По нашим наблюдениям, заполненные хезитационные периоды так же, как и хезитационные периоды в виде акустического нуля, выполняют основную функцию планирования. В качестве дополнительных функций данного вида хезитаций следует назвать функцию удержания инициативы говорения и одного из средств *этикета вступления в разговор*.

Хезитационные периоды, заполненные формами невербального поиска, реализуемые в функции планирования последующей речевой программы, появляются в основном в эмоционально окрашенных конструкциях; свидетельствуют о более сильном эмоциональном напряжении при вербализации мысли по сравнению с хезитационными периодами в виде акустического нуля. Это подтверждает мысль Ф. Гольдман-Эйслер об акустическом нуле как форме реализации ментального процесса и о заполненной паузе как явлении одновременно ментального и эмоционального порядка.

Выводы

Экспериментальное изучение хезитационных явлений в немецкой спонтанной диалогической речи, направленное на выявление обусловленности хезитационной сегментации данного вида речи особенностями ее синтаксической организации, проведенное с использованием комплексного метода анализа, включающего синтаксический, аудитивный¹, дистрибутивный, акустический и

¹ Синтаксический и аудитивный виды анализа экспериментального материала явились основой для проведения дистрибутивного и акустического видов

статистико-математический виды анализа, а также сопоставление результатов, полученных в ходе этих видов исследования, позволило сделать следующие выводы.

1. В результате проведенного **дистрибутивного анализа** экспериментального корпуса с целью установления локализации хезитационных периодов в выделенных четырех видах синтаксических конструкций в немецкой спонтанной диалогической речи и определения частотности их реализаций в синтаксических позициях в высказывании с учетом коммуникативного (в нашем исследовании основополагающего) и др. синтаксических факторов можно сделать следующие выводы.

1. Во всех четырех видах синтаксических конструкций наиболее частотным местом появления хезитаций является *середина* высказывания (неполные конструкции – 65%; неполные конструкции + плеоназмы – 85; полные конструкции – 90; полные конструкции + плеоназмы – 90%).

Данный факт свидетельствует о том, что, как правило, в середине высказывания говорящий испытывает наибольшие затруднения в поисках путей завершения речевой программы и принятия решения относительно выбора нужной стратегии.

2. С учетом коммуникативного фактора (актуальное членение) наиболее частотной позицией для локализации хезитаций во всех четырех видах синтаксических конструкций является положение в реме (Р) или на границе между темой и ремой (Т / Р) высказывания (48–76%). Данное заключение согласуется с нашим первым выводом. Позиция между темой и ремой или рема почти всегда оказывается местом колебания говорящего, вызываемого разными причинами.

3. С учетом значения и характера употребления части речи (служебное / знаменательное слово) во всех четырех видах синтаксических структур наиболее частотными для локализации хезитаций являются позиции между служебными и знаменательными словами (служ. / знам. – 18–30%) и между знаменательными и знаменательными словами (знам. / знам. – 18–25%). Как правило, поиск именно автосемантической единицы вызывает наибольшие затруднения для реализации вербального замысла.

4. С учетом частеречного фактора в четырех видах синтаксических конструкций трудно выделить наиболее частотные локализации хезитаций в силу большого процентного разброса. Хезитационные периоды локализуются между разными частями речи почти одинаково частотно во всех видах конструкций. Данный факт говорит о том, что затруднения в поиске нужной лексической единицы для осуществления речевого замысла может вызвать любая часть речи любого значения и характера употребления.

5. В локализации хезитаций между членами диалогических форм предложения (ДФП) следует отметить следующие закономерности в основном в двух видах синтаксических структур – «Полные конструкции» «Полные конструкции + плеоназмы». В этих видах конструкций наибольшее количество хезитаций отмечается в препозиции неизменяемой части сказуемого (Partizip II, инфинитив, предикатив – 78–95% – общее количество в обоих видах конструкций). Локализация хезитаций в названной синтаксической позиции в «Неполные конструкции» «Неполные конструкции + плеоназмы» имеет относительно небольшое процентное отношение (3–15%) в силу особенностей структуры данных видов ДФП, так как, как правило, в незавершенных синтаксических построениях рамочная структура сложного сказуемого не получает завершения.

6. Во всех видах синтаксических конструкций хезитации манифестируются самыми разнообразными видами, однако преобладающими способами манифестации хезитационных периодов являются акустический нуль, заполнения формами вербального и невербального поиска, затяжки гласных и согласных элементов вербальных компонентов и комбинированные хезитационные периоды.

7. Основные локализации хезитативов сосредоточиваются на плеонастических элементах, выполняющих функцию «опор» для ориентаций говорящего при кодировании речи, а слушающего для ее декодирования.

В результате дистрибутивного анализа выяснилось, что непреднамеренный характер появления хезитаций в речи говорящего отнюдь не всегда является хаотичным и не исключает наличия определенных тенденций в их локализации в рамках высказывания, что может быть обусловлено особенностями синтаксического строя языка, в частности немецкого. Появление ХП в строго обусловленных синтаксических позициях высказывания явилось основанием для установления определенных закономерностей их

реализации. В немецком языке существуют канонизированные правила порядка слов в предложении, связанные с твердым, фиксированным положением сказуемого, его изменяемой и неизменяемой частями, обуславливающих рамочное строение предложения, когда наиболее значимый в смысловом отношении элемент располагается на расстоянии от спрягаемого глагола, очерчивая тем самым «игровое поле» для когнитивных альтернатив говорящего внутри «рамки», которое и становится наиболее частотным местом реализации хезитаций особенно перед значимыми элементами высказывания (*неизменяемая часть сказуемого: Partizip II, инфинитив, предикатив*). Эти факты дают основание для предположения о том, что стойкое появление хезитаций в названных позициях является *релевантным делимитативным маркером в речевом коде носителей немецкого языка*, функцией которого является вычленение основного стержня высказывания – синтаксической группы сказуемого, которая в связи с общими структурными тенденциями в синтаксическом строе немецкого языка приобретает особое значение при оформлении всего высказывания. Таким образом, хезитационные периоды можно рассматривать в качестве *«преднамеренных» синтаксисом самого языка* пограничных сигналов, *указателей на значимое*, в речевом коде носителей немецкого языка, выполняющих особую *дейктическую функцию*, используемых ими при кодировании и декодировании речевого сигнала. В этом случае роль хезитаций особенно велика. В хезитационный период говорящий кодирует свою дальнейшую речевую программу, а слушающий декодирует услышанное и антиципирует следующий речевой шаг говорящего. Адресант пытается донести до слушающего *качество* планируемого речевого шага, а адресат, в свою очередь, предпочитает услышать сбои в потоке речи, некоторую ее несообразность с тем, чтобы адекватно воспринять смысл поступающей информации. В данном случае анаколуфные, апозитивные и другие «ломаные» структуры не воспринимаются им как ущербные, затрудняющие понимание. Хезитационные периоды, появляющиеся в определенных, синтаксически обусловленных точках речевого континуума, обеспечивают возможность слушающему адекватно декодировать содержание высказывания. Наряду с синтаксическими паузами, хезитации являются «местом ориентирования» слушающего в речевом потоке говорящего.

II. Акустический анализ просодических характеристик хезитационных явлений, и в первую очередь исследование *временного*

параметра, позволил выяснить зависимость длительности хезитаций от: а) синтаксической наполняемости конструкции избыточным элементом (\pm избыточный элемент).

1. Длительность хезитационных периодов, манифестируемых *акустическим нулем*, во всех конструкциях с избыточными элементами обусловлена как синтаксическим фактором завершенности, так и фактором наполняемости конструкции избыточным элементом.

В «Полных конструкциях + плеоназм» длительность хезитационных периодов зависит от синтаксического фактора завершенности конструкции и фактора наполняемости избыточным элементом, т.е. длительность хезитаций увеличивается в зависимости от синтаксической полноты конструкции и наполняемости избыточным элементом.

В «Неполных конструкциях + плеоназм» фактор синтаксической завершенности конструкции не оказывает существенного влияния на длительность хезитационных периодов. Наличие избыточного элемента в этих конструкциях оказывает отрицательное влияние на длительность хезитационных периодов в виде акустического нуля. Включение говорящим в незаполненный период избыточных элементов с целью удержания инициативы говорения существенно сокращает длительность акустического нуля.

2. Длительность хезитационного периода в виде *затягивания последнего или первого / второго элемента лексической единицы* в речевом фрагменте во всех конструкциях с избыточными элементами не обусловлена фактором наполняемости избыточным элементом, т.е. избыточный элемент не оказывает влияния на фактор длительности затяжки. Модификацию длительности в сторону уменьшения или увеличения следует в данном случае связывать с фактором синтаксической завершенности конструкции.

3. Длительность хезитационных периодов в виде *заполнителей невербального характера* не зависит ни от фактора завершенности синтаксической конструкции, ни от наполняемости / ненаполняемости избыточными элементами. Избыточные элементы употребляются лишь с целью скрыть речевое затруднение и удерживать инициативу говорения. В данном случае они выполняют функцию «маскировочного» средства, давая возможность говорящему пролонгировать мыслительный процесс.

4. Как отмечалось выше, временная характеристика является не единственной просодической характеристикой хезитационных

явлений, анализируемой в нашем исследовании. Исследовались также и другие акустические параметры: частота основного тона и интенсивность звукового давления (см. п. 4.1.5).

5. Полученные результаты не дали возможность сделать какие-либо заключения относительно влияния синтаксических факторов на изменение частотных и динамических характеристик хезитационных периодов. Подобные результаты мы и ожидали получить, поскольку эти характеристики оказывают меньшее влияние, по сравнению с временной характеристикой, на сегментацию спонтанных диалогов, а являются лишь средством выражения индивидуальных, социальных и фоностилистических характеристик, т.е. обусловлены не столько синтаксическими, сколько экстралингвистическими факторами. Представляется, что исследование названных просодических характеристик хезитационных периодов в качестве дополнительных, накладывающихся на основную просодическую характеристику – длительность, следует направить в русло социо- и психолингвистики и связывать с коммуникативными интенциями говорящего, с модальностью высказывания, с его эмоционально-экспрессивной функцией.

Заключение

Растущий интерес к изучению естественной, спонтанно порождаемой речи обусловлен, прежде всего, тем, что именно в свободной живой речи наиболее ярко проявляется все многообразие языка. Исследование спонтанного дискурса является приоритетным в силу того, что он представляет собой, в противоположность письменной речи, основной модус языка, показывает его текущее состояние в динамике, порождается и воспринимается в единстве места и времени.

В настоящее время особое внимание исследователей приковано к синергическим формам спонтанной речи – диалогу и полилогу как наиболее яркому ее бытованию.

Данное исследование посвящено выявлению корреляции между синтаксическими факторами и просодической организацией немецкой спонтанной диалогической речи, в частности определению зависимости ее хезитационной сегментации от особенностей синтаксической организации речи.

Подробное изучение просодических характеристик хезитационных явлений в спонтанной диалогической речи представляется актуальной задачей, решение которой приблизит исследователей к более полному пониманию проблем, связанных с сущностью хезитаций как неотъемлемого феномена данного вида речи, с особенностями ее структурного устройства, генерирования и перцепции.

Прагматика спонтанного общения основана на адекватной реализации коммуникативной стратегии коммуникантов с помощью различных языковых и экстралингвистических средств.

Среди них важнейшую роль в реализации коммуникативной стратегии говорящих играют суперсегментные средства, основные инструменты сегментации речевого континуума на смысловые единицы. Основным средством сегментации звучащей речи является *пауза* – воспринимаемый феномен, который может быть достигнут разными способами: полным отсутствием физического сигнала (акустический нуль), перепадом частоты основного тона и интенсивности, замедлением темпа фонации (увеличением длительности слогов) или сочетанием перечисленных возможностей в различных комбинациях, а также хезитационными периодами разной этиологии и видов, определяемыми в нашем исследовании в широком и узком смысле.

До недавнего времени при описании спонтанной речи лингвисты пользовались критериями кодифицированной письменной речи, что создавало заведомо ложные предпосылки для определения единиц спонтанной речи и имело следствием получение искаженных характеристик и выводов. Происходило это в силу недопонимания психологических механизмов спонтанного речепорождения. Многие закономерности письменной речи переносились на звучащую спонтанную речь, а когда обнаруживались явные несовпадения, говорили о «нарушениях», «отклонениях», «неправильных грамматических конструкциях» и других несоответствиях закономерностям письменной речи. Однако такие критерии оценки письменной речи, как линейное развертывание мысли, смысловая когерентность, однозначность языкового выражения, логичность изложения и т.д. не всегда приемлемы для описания спонтанной речи, отличающейся семантическим синкретизмом, одновременно лапидарным и плеонастичным характером выражения мысли, «непростроенностью» тематических линий, синтаксических структур, употреблением «сниженной» лексики, нечеткостью артикуляции, широким использованием ассимилированных и редуцированных фонетических форм вследствие особой темпоральной организации спонтанного континуума, языковой экономии и других факторов.

Специфика сегментации спонтанной речи обусловлена особенностями ее порождения.

В качестве основной единицы анализа спонтанного диалогического текста в данном исследовании было выбрано высказывание, основными особенностями которого являются экстралингвистическая обусловленность и ориентация на участников речи. Выбор в качестве рабочей единицы высказывания опирается на актуальные концепции И.Г. Торсуевой, В.Г. Гака, Л.М. Михайлова, В.Д. Девкина, Ю.М. Скребнева, О.А. Лаптевой, Е.Н. Ширяева и других исследователей, наиболее четко отражающих специфическую сущность структурной организации разговорной речи.

Для выявления корреляции синтаксических и просодических факторов организации немецкого спонтанного диалога за основу принят термин Л.М. Михайлова «диалогические формы предложения» (ДФП). Этот термин оказался удобным при проведении синтактико-дистрибутивного анализа.

Для достижения указанной цели была выдвинута гипотеза, согласно которой регулярное появление хезитаций в определенных

синтаксических позициях высказывания в немецкой спонтанной диалогической речи, обусловленное общими структурными особенностями синтаксического строя немецкого языка, позволяет говорить о до некоторой степени мотивированном характере появления хезитаций самим строем языка, что, с нашей точки зрения, нельзя не учитывать, опираясь лишь на экстралингвистические факторы.

Для проверки выдвинутой гипотезы было проведено экспериментальное исследование, в котором был использован комплексный метод анализа, включающий аудитивный, синтаксический, дистрибутивный и акустический виды анализа, сопоставление результатов, их математико-статистическую обработку, психолингвистическую и лингвистическую интерпретацию.

Дистрибутивный анализ экспериментального корпуса, проведенный на основании данных аудитивного и синтаксического видов анализа с целью установления локализации хезитационных периодов в выделенных четырех видах синтаксических конструкций в немецкой спонтанной диалогической речи (см. гл. 4) и определения частотности их реализаций в синтаксических позициях в высказывании, предоставил возможность лингвистически интерпретировать дистрибуцию хезитационных периодов в каждом виде выделенных синтаксических конструкций.

В результате дистрибутивного анализа были установлены факты зависимости между локализацией хезитационных периодов и синтаксической структурой немецкой спонтанной диалогической речи, которые подтверждают высказанную нами гипотезу о наличии этой зависимости.

Опираясь на данные дистрибутивного анализа, мы можем говорить о том, что речевая незапрограммированность хезитационных явлений говорящим не исключает определенных тенденций их появления самим строем языка.

Вычленение основных стержней высказывания – неизменяемой части сказуемого (Partizip II, инфинитив, предикатив), прямого дополнения – связано с общими структурными тенденциями в синтаксическом строе немецкого языка и приобретает особое значение относительно оформления высказывания в целом.

Стойкое появление хезитаций в препозиции основного стержня высказывания – неизменяемой части сказуемого, образующего «рамку» в немецком языке, заключающего основной смысл высказывания, является подтверждением лингвистической релевантности хезитационных периодов для говорящего и слушающего – но-

сителей немецкого языка в качестве делимитативных сигналов при кодировании и декодировании речи. Появляясь в определенных, синтаксически обусловленных точках речевого континуума, хезитационные периоды обеспечивают возможность говорящему более точно выразить мысль, а слушающему адекватно декодировать содержание высказывания. Таким образом, речь кодируется и декодируется не только во время синтаксических пауз, но и в хезитационные периоды. Наряду с синтаксическими паузами, хезитационные периоды являются «местом ориентирования» и слушающего в речевом потоке говорящего, и говорящего, использующего хезитационный период для дальнейшего кодирования речевой программы.

С целью уточнения (подтверждения или опровержения) данных, полученных в результате проведения перцептивно-слухового анализа хезитационных явлений в немецкой спонтанной речи, был проведен акустический анализ просодических характеристик хезитационных периодов по трем акустическим параметрам: длительности, частоте основного тона, интенсивности.

В качестве «стратегической» просодической характеристики, оформляющей хезитационный период, была выбрана длительность, поскольку определенная временная протяженность хезитационного периода является ведущей информативной характеристикой при сегментации устных текстов, указывающей на степень и причину речевых затруднений, и поэтому представляющей релевантной для выявления лингвистической значимости отдельных видов хезитаций в речи говорящего и их релевантности для слушающего.

Другие просодические характеристики: частота основного тона и интенсивность рассматривались в качестве дополнительных, накладывающихся на основную просодическую характеристику – длительность.

В ходе анализа была выдвинута следующая *гипотеза*: длительность хезитационного периода находится в зависимости от вида синтаксической конструкции. Под видом синтаксической конструкции понимается: 1) синтаксическая завершенность (полная / неполная), 2) наполняемость / ненаполняемость избыточным элементом (\pm избыточный элемент).

Результаты анализа в целом подтвердили выдвинутую гипотезу. Исследование функциональной нагрузки хезитационных периодов на основе подробного анализа имеющихся классификаций

хезитационных явлений обусловило возможность разработать таксономию хезитационных явлений в немецкой спонтанной диалогической речи.

Понимание хезитаций как периодов позволило нам выделить их две основные функции в спонтанной речи: *функцию планирования и функцию восстановления качества речи*. Последняя реализуется в виде *контроля и коррекции*. Наряду с этими функциями были выделены и другие дополнительные функции.

В реализации *функции планирования* незаполненному хезитационному периоду, затяжкам последних (первых / вторых) элементов лексических единиц в речевом фрагменте, заполнениям невербального и вербального поиска отводится первостепенная роль. *Функция восстановления качества речи* реализуется в основном комбинацией сложных хезитационных периодов, а также различными неполными структурами разного синтаксического характера с хезитационными периодами разных видов.

Результаты проведенного исследования дают основание предполагать, что процесс генезиса речи начинается с планирования содержательной стороны, с замысла синтаксического каркаса будущего высказывания, которые нужно материализовать с помощью определенного лексического наполнения. Очевидно, что у носителей немецкого языка это связано со стремлением четкого формирования рамочной конструкции высказывания. Несмотря на то что она в спонтанной речи часто нарушается вследствие проявления тенденции к «разрыхлению» синтаксической структуры высказывания, тем не менее ориентированность на синтаксическую завершенность высказывания в речевом коде носителей языка сохраняется. Вероятно, планирование синтаксической структуры предшествует или происходит синхронно с выбором необходимых лексических единиц. Таким образом, первоначальные утверждения Ф. Гольдман-Эйслер [Goldman-Eisler, 1958] о том, что речь состоит только из последовательностей слов, и что эти последовательности различаются лишь по длине и членятся на дискретные элементы посредством пауз разной длины, представляются не совсем корректными, так как в этом случае напрашивается вывод о принятии говорящим решения только относительно формирования лексического состава высказывания. Такое «высказывание» будет представлять собой лишь аморфное нагромождение лексических единиц. Эксплицируя мысль, говорящий не может материализовать ее лишь набором слов: она неизбежно облекается в опреде-

ленную форму (в виде порядка слов, выражения определенных синтаксических отношений между элементами структуры и т.д.). Таким образом, процесс кодирования речи затрагивает высшие сферы мыслительной деятельности говорящего, начинающейся с планирования содержательной и структурной стороны высказывания и заканчивающейся отбором лексических единиц, необходимых для наиболее адекватной передачи замысла.

Как уже было сказано, анализируя причины появления хезитаций в речи, ученые постепенно стали отказываться от учета лишь формальных критериев, поскольку данный способ исследования в целом «не проливал свет» на постижение их сущности. Вскоре пришло понимание необходимости учета функциональной нагрузки хезитационных явлений в речи.

В результате нашего исследования хезитаций можно констатировать факт их довольно сильной функциональной нагруженности, что с полным правом дает основание признать их информативность и коммуникативную значимость, в чем им раньше ученые отказывали, называя «сорняками», «паразитами» «деструкциями» и т.д. Речевая деятельность индивида столь же многообразна, сколь и многообразно его социальное бытие. Различные ситуации общения предполагают использование неодинаковых способов развертывания и материализации мысли, поэтому конституирование хезитаций в устной спонтанной речи следует рассматривать как нормальный **положительный** феномен, помогающий говорящему и слушающему при кодировании и декодировании мысли, как проявление индивидуальности коммуникантов, нетривиальности их мыслительной деятельности. Хезитационные явления, являясь причиной речевых шероховатостей, не являются тем не менее отступлениями от речевой нормы.

Установленные факты функционирования хезитационных периодов в речи дают возможность в некотором смысле «реабилитировать» хезитации как лингвистически значимые феномены. Конечно, они в некоторой степени нарушают благозвучие речи и несколько дестабилизируют слуховые экспектации слушающего. Однако по их характеру и количеству не следует судить о речевой культуре говорящего (они имеют место и у индивидов высокой речевой культуры). Хезитации – ментальное, когнитивное явление, они отражают процесс напряженной работы мысли при генерировании речи. Чрезвычайно большая функциональная нагрузка хезитаций оправдывает их роль в порождении несколько «корявого» ре-

чевого произведения по сравнению с «причесанным» письменным текстом. Поэтому призыв некоторых пуристов [Александрова, Иваницкий, 2003], избавляться от хезитаций в речи, абсурден, так как избавляться от них так же нелепо, как и избавляться от способности мыслить.

Таким образом, цель раскрытия механизма, обеспечивающего успешность общения, диктует необходимость разнопланового научного «охвата» явлений хезитации как естественной и неотъемлемой характеристики спонтанной речи, систематизации хезитационных явлений не только по формальным, но и функциональным критериям, изучения их комбинаторики, причин появления, отграничения от патологических явлений для лучшего понимания ментально-мнемических процессов порождения речи.

Литература

- Абдрахимова Г.Б.* Об обусловленности просодических средств связности диалогической речи прагматическими факторами // *Просодия устного текста* : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1987. – Вып. 298. – С. 4–14.
- Абдрахимова Г.Б.* Роль просодии в формировании связности немецкого диалогического текста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 152 с.
- Алдиева М.Ш.* Лингвистические средства выражения эмоций в английском языке // *Известия Чеченского госуниверситета*. – Грозный : ЧГУ, 2019. – № 4 (16). – С. 132–136.
- Александров Н.М.* К структуре ответа (в связи с проблемой модальности отрицания) // *Вопросы синтаксиса, стилистики и методики преподавания немецкого языка* : Уч. зап. ЛГПИ. – Л. : ЛГПИ, 1967. – Т. 318. – С. 3–12.
- Александрова О.А.* Речекоммуникативный статус паузы колебания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 23 с.
- Александрова О.А., Иваницкий В.В.* Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // *Вестник Новгородского государственного ун-та*. – Великий Новгород, 2003. – № 25. – С. 95–101.
- Анощенкова А.М.* Интонационные характеристики спонтанной речи и чтения диалогического текста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 184 с.
- Анощенкова А.М.* Акустические корреляты средств речевого контакта // *Функциональная просодия текста* : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1982. – Вып. 201. – С. 22–34.
- Анощенкова А.М.* Соотношение временной структуры звучащего текста и явлений хезитации // *Пространственно-временная и ритмическая организация текста* : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1986. – Вып. 265. – С. 5–11.
- Антипова А.М.* Ритмическая организация английской речи (экспериментально-теоретическое исследование ритмообразующей функции просодии) : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1980. – 447 с.
- Антипова А.М.* О взаимодействии вербальных и невербальных средств общения в спонтанной разговорной речи // *Проблемы спонтанной разговорной речи* : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1989. – Вып. 332. – С. 61–75.
- Арутюнова Н.Д.* Некоторые типы диалогических реакций и «почему» – реплики в русском языке // *Филологические науки*. – 1970. – № 3. – С. 44–58.
- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
- Астафьева И.М.* Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1964. – 23 с.
- Ахутина Т.В.* Нейролингвистический анализ динамической афазии. – М. : МГУ, 1975. – 143 с.

Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М. : Просвещение, 1968. – 160 с.

Балаян А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 21 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 416 с.

Балли Ш. Французская стилистика. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.

Баранцева О.А., Логинова Т.Г. Хезитация в диалогическом дискурсе // Проблемы романо-германской филологии, философии, педагогики и методики преподавания ин. языков. – Пермь, 2007. – С. 8–12.

Басова Т.А., Федуленкова Т.Н. Объективное и субъективное в языке: синтезирующий подход Г.В. Колшанского. Резензия на книгу: Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М: Комкнига, 2018. – 232 с. (Лингвистическое наследие XX века) // Вестник Череповецкого гос. ун-та: ЧГУ, № 1 (94). – Череповец, 2020. – С. 210–225.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 250–296.

Бахтин М.М. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Диалог. Диалог 1. Проблема диалогической речи. Диалог 2 // Бахтин М.М. Собр. сочинений. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 207–218.

Белицкая А.А. Хезитационные паузы в устной речи англичан // Филология и литературоведение. – 2014. – № 2. – URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/698>.

Белюсов В.Ю. Разговорная речь как объект лингвистических исследований // Научных альманах. – Белгород : ООО К, 2016. – С. 415–419.

Белякова Л.И., Дьякова Е.А. Паузы в нормальной речи и при заикании. – М. : Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 2005. – URL: http://www.portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1107079798&archive=01&start_from=&ucat=&

Блохина Л.П. Просодия как одно из средств организации спонтанного текста // Функционирование языковых единиц в коммуникативных актах : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1986. – Вып. 272. – С. 52–62.

Блохина Л.П., Кирей Л.Л. Роль интонационных средств в организации успешности диалогического общения // Вопросы фонетической организации устных текстов : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1989. – Вып. 344. – С. 26–34.

Блохина Л.П., Потапова Р.К. Методика анализа просодических характеристик речи. – М., 1982. – 75 с.

Богданова-Бегларян Н.В., Кутруева Н.Г. Об одном из вербальных хезитативов русской устной речи: как *его* (*ее*, *их*) в различных функциональных раз-

видностях // Вестник Пермского ун-та, сер. Российская и зарубежная филология. – 2013. – Вып. 4 (24). – С. 7–18.

Большев Л.Н., Смирнов Н.В. Таблицы математической статистики. – М. : Наука, 1965. – 464 с.

Бондаренко Л.П. Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотношенность с синтаксическим членением (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1978. – 217 с.

Бондарко Л.В. Спонтанная речь и организация системы языка // Бюллетень Фонетического Фонда / под ред. Л.В. Бондарко, М. Краузе. – СПб., 2001. – № 8 : фонетические свойства русской спонтанной речи. – С. 17–23.

Борботько В.Г. Элементы теории дискурса : уч. пособие. – Грозный, 1981. – 112 с.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог : проблема интегративности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 45 с.

Бровченко Т.А. О просодике коммуникативных единиц монологической речи // Интонация. – Киев, 1978. – С. 88–103.

Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. – М. : Русский язык, 1977. – 279 с.

Бружайте З.М. Интонационная структура вопросно-ответного единства в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – 183 с.

Бубнова Г.И. Речевая хезитация // Грамматические явления в ракурсе семантики и прагматики : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1987. – Вып. 314. – С. 120–126.

Будева Л.П. Человек : деятельность и общение. – М. : Мысль, 1978. – 214 с.

Буряя Е.А. Роль просодии в формировании ритма спонтанной диалогической речи (на материале английского языка) // Просодия текста : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1982. – Вып. 169. – С. 10–31.

Бурдина А.Г., Герасименко И.В. Социальный статус человека как социолингвистическая категория (на мат. романа Ч. Диккенса «Большие надежды») // *Juvenis Scientia*. – СПб. : Сциентиа, 2018. – № 12. – С. 27–29.

Буфанова Д.А. Spanglish и его супрасегментные характеристики // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – Н.-Новгород : НГЛУ, 2014. – Вып. 2 (9). – С. 5–10.

Бычик Н.Л. О ситуативной обусловленности фонетических характеристик некоторых видов диалога (на материале немецкого языка) // Экспериментальная фонетика. – Минск, 1971. – С. 20–38.

Вайс М.Я. Синтаксические структуры диалогической речи немецкого языка и их стилистическое использование в современной немецкой литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1964. – 23 с.

Вайс М.Я. Присоединительные конструкции диалогической речи и их стилистическое использование в современном немецком языке // Вопросы синтаксиса, стилистики и методики преподавания немецкого языка : Уч. зап. ЛГПИ. – Л., 1967. – Т. 318. – С. 138–144.

Валгина Н.С. Присоединительные конструкции в современном русском литературном языке (материалы к курсу «Современный русский язык»). – М., 1964. – 32 с.

Валимова Г.В. Актуальное членение вопросительных предложений // Проблемы грамматической семантики. – Ростов-на-Дону, 1978. – С. 21–29.

Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – М. : Русский язык, 1979. – 296 с.

Вардудь И.Ф. Основы описательной лингвистики (Синтаксис и супрасинтаксис). – М. : Наука, 1977. – 351 с.

Васильева Е.Ю. Модель коммуникативной ситуации в рамках немецкого ток-шоу о здоровье // Науч. вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия Политология и социология. – М. : РАНХиГС при Президенте Рос. Федерации, 2018. – № 2. – С. 97–100.

Верходанова В.О., Карпов А.А. Моделирование речевых сбоев в системах автоматического распознавания речи // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 363. – С. 10–15.

Верходанова В.О. Разработка средств автоматического определения речевых сбоев в спонтанной русской речи // Доклады ТУСУРа. – 2013. – № 4 (30). – С. 163–167.

Верхолотова Е.В. Явления разговорного синтаксиса в речи телеведущих И. Волгина и М. Швыдкого (на материале телепрограмм «Игра в бисер» и «Культурная революция») // Современные исследования социальных проблем. – Красноярск : Научно-инновационный центр, 2017. – Т. 9, № 3/2. – С. 245–256.

Визгина А.М. Модальность неместоименных общевпросительных предложений в диалогической речи (на материале современного русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 199 с.

Винокур Г.О. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи. Исследования по грамматике русского литературного языка. – М. : АН СССР, Ин-т языкознания, 1955. – 354 с.

Винокур Г.О. Культура языка. – М. : Федерация, 1929. – 336 с.

Вишнякова Е.А. К вопросу об экономии языковых средств в современном английском языке // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. – М. : Градиент, 2015. – С. 84–93.

Воронцова Ю.А. История вопроса об актуальном членении предложения // Вестник ВСГУТУ. – Улан-Удэ : ВСГУТУ, 2016. – № 6 (63). – С. 158–164.

Выготский Л.С. Мышление и речь. – 5-е изд. испр. – М. : Лабиринт, 1999. – 351 с.

Гаврилова В.В. Присоединительные конструкции и их стилистическое использование в произведениях современной немецкой художественной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1969. – 21 с.

Гайдучик С.М. Фоностилистика как один из разделов фонетики // Интонация. – Киев, 1978. – С. 33–41.

Гак В.Г. Русский язык в зеркале французского. Очерк шестой. Структура диалогической речи (часть 1) // Русский язык за рубежом. – 1970. – № 3. – С. 75–80.

Гармаш Н.Г. Влияние хезитации на организацию устного детского дискурса (на мат. устных пересказов и спонтанной речи детей 4–9 лет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 23 с.

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – Изд. 3-е. – М. : Просвещение, 1965. – 408 с.

Глаголев Н.В. Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 324 с.

Глазов А.Г. Речевой акт и его место в структуре речепорождения // Татищевские чтения : актуальные проблемы науки и практики. – Тольятти : Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2015. – С. 14–19.

Гоголадзе Т.А. Фонетическая организация разновидностей английской спонтанной разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 139 с.

Голикова Н.Н. Функциональные свойства явления присоединения в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1986. – 24 с.

Головач О.А. Принцип экономии в лингвистике // Вектор науки Тольяттинского госуниверситета. – Тольятти : ТГУ, 2011. – С. 137–139.

Головкина Н.Т. Повтор как стилистическое средство в различных видах и жанрах речи (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1964. – 340 с.

Горелов Н.И. Невербальные компоненты коммуникации. – М. : Наука, 1980. – 104 с.

Девкин В.Д. Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис) : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1974. – 358 с.

Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. – М. : Межд. отнош., 1979. – 253 с.

Девкин В.Д. Диалог : Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. – М. : Высшая школа, 1981. – 160 с.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». М., 2007 г. : Пленарные доклады. – М. : Московский институт иностранных языков :

Российская академия лингвистических наук : Институт языкознания РАН : «Вопросы филологии», 2007. – С. 86–95.

Деркач С.В. Фонетические свойства гласных в спонтанной речи : Экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Благовещенск, 2003. – 210 с.

Дзюва З.А. Интонация вставных конструкций в русском языке // Вестник Московского педагогического государственного университета. Сер. Русская филология. – 2010. – № 5. – С. 43–46.

Дмитриева В.Т. Структурные особенности немецкой диалогической речи (предложения с неполной формой сказуемого) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1966. – 19 с.

Долганов Д.Н. Межличностные отношения в контексте поликультурного образования // Вестник Кемеровского госуниверситета. – Кемерово : КГУ, 2015. – № 3–3 (63). – С. 35–39.

Долганов Д.Н. Типы межличностных отношений как проявление имплицитной модели отношений // Вестник экспериментального образования. – Тверь : Психолого-пед. академия, 2016. – № 2 (5). – С. 8–28.

Долинин К.А. Спонтанная речь как объект лингвистического исследования // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи : сб. науч. тр. ГГПИ им. М. Горького. – Горький, 1973. – Вып. 55. – С. 58–66.

Дудина С.П. Лингвистические идеи Кондильяка : к вопросу об истории изучения интонации // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. – Красноярск : КГПУ, 2014. – № 2 (28). – С. 112–114.

Егоров В.Ф. Идиоматические конструкции в синтаксисе немецкой разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 20 с.

Езан И.Е., Неборская Л.Н. Структурно-семантические особенности неполных предложений в немецкой разговорной речи // В мире науки и искусства : Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск : Сиб. акад. книга, 2016. – № 8 (63). – С. 52–61.

Емельянова К.Ю. Окказиональность в аббревиации : Опыт комплексного описания // Новые горизонты русистики. – Донецк : Донецкий национальный ун-т, 2019. – № 8. – С. 46–53.

Ермакова Л.И. Порядок слов в немецкой диалогической речи (на материале вопросно-ответных реплик) : дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1992. – 142 с.

Жабин Д.В. Формальные признаки спонтанной речи говорящего в ситуации стресса : дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 330 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М. : Наука, 1982. – 155 с.

Жирнова И.И. Семантико-синтаксические и коммуникативно-прагматические функции парентезы в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1989. – 17 с.

Завадская Ю.О., Богданова-Бегларян Н.В. Оговорка как специфическая составляющая устной спонтанной речи (монолог vs диалог) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – Пермь : Пермский гос. нац. исс. ун-т, 2019. – Т. 11, № 1. – С. 14–24.

Зарайский А.А. Национально-культурная специфика спонтанной речи (на материале английских телевизионных дебатов) // Язык науки и профессиональная коммуникация : сб. науч. ст. – Саратов : СГЮА, 2019. – С. 40–48.

Зарецкая Е.В. Просодические характеристики функционально-стилистических разновидностей устной монологической речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1975. – 160 с.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. (Проспект). – М. : АН СССР, Ин-т русского языка, 1968. – 97 с.

Земская Е.А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения. – 2-е изд. перераб. и дополненное. – М. : Русский язык, 1988. – 240 с.

Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. – М. : Моск. психолого-социальный институт ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. – 276 с.

Зинган Ю.П. Типологический анализ эллиптических предложений в английском художественном тексте // Вестник Приднестровского ун-та. Серия Гуманитарные науки. – Тирасполь : ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2020. – № 1 (64). – С. 36–40.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – М. : Высшая школа, 1979. – 312 с.

Златоустова Л.В. Фонетические единицы русской речи. – М., 1981. – 105 с.

Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 304 с.

Ибраева Д.А. Место эллипсиса в мышлении, речи и языке, а также в дополнении, экономии и избыточности // Евразийское научное объединение. – М. : Орлов М.Ю., 2016. – Т. 2, № 1 (13). – С. 119–121.

Изаренков Д.И. Структура и функциональные особенности диалога в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 199 с.

Ильина И.Е. Основные подходы к изучению невербальных средств коммуникации // Научный альманах. – Тамбов : Консалтинговая комп. Юком, 2015. – № 3 (5). – С. 211–221.

Казмирова Е.А., Лебедева Н.Н., Мальцев В.Ю. Определение индивидуальных особенностей говорящего по нелинейным характеристикам речевого сигнала // VII межд. конф. по когнитивной науке. – М. : Ин-т психологии РАН, 2016. – С. 300–301.

Каменская О.Л. Текст и коммуникация. – М. : Высш. шк., 1990. – 152 с.

Каменская О.Л. Структура и функция текста как средства коммуникации // Текст лекций к курсу «Общее языкознание». – М., 1991. – 71 с.

Каминер Г.А. Особенности грамматических норм немецкой разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1985. – 208 с.

Каминер Г.А. Особенности грамматических норм немецкой разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1986. – 22 с.

Карцевский С.И. Повторительный курс русского языка. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 112 с. – (Учебные пособия для школ I и II ступени).

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.

Кипяткова И.С., Верходанова В.О., Ронжин А.Л. Сегментация паралингвистических фонационных явлений в спонтанной русской речи // Вестник Пермского ун-та. Сер. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Вып. 2 (18). – С. 17–23.

Кирей Л.Л. Роль интонационных и синтаксических средств в организации английской спонтанной диалогической речи : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 175 с.

Кирпикова Е.А. Основные концепции лингвистической индикации социального статуса в английском языке // Инновационное развитие современной науки : Проблемы, закономерности, перспективы : сб. ст. VII межд. науч.-практ. конф. – Пенза : Наука и просвещение, 2018. – С. 170–173.

Кислова О.О., Русалова М.Н. Восприятие эмоций в речи : Обзор исследований в психологии и физиологии // Успехи физиологических наук. – М. : РАН, 2013. – Т. 44, № 2. – С. 41–61.

Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 270–321.

Ковин В.А. Неполные предложения в немецкой разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1965. – 19 с.

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М. : Просвещение, 1976. – 239 с.

Кожевникова К. Спонтанная устная речь в эпической прозе (на матер. рус. худ. лит-ры). – Praha : Acta univ. Carolinae, Philologica, 1971. – 165 с.

Кокошкина И.В. Принципы адаптации устного непринужденного дискурса в письменный: работа с десемантизированными элементами // Известия Саратовского ун-та. Сер. Филология, журналистика. – 2011 а. – Т. 11, вып. 2. – С. 24–28.

Кокошкина И.В. Роль коммуникативного поведения собеседника в употреблении десемантизированных элементов дискурса // Известия Саратовского ун-та. Сер. Филология, журналистика. – 2011 б. – Т. 11, вып. 1. – С. 15–18.

Колианский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М. : Наука, 1984. – 176 с.

Кондаков Н.С. Характерные особенности разговорного английского языка // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых : традиции и новаторство. – Уфа : БГУ, 2019. – С. 261–266.

Коровкин М.М. Когнитивный и коммуникативный аспекты языковой экономики. – Рязань : РГМУ им. И.П. Павлова, 2006. – 188 с.

Косилова М.Ф. Основные недвосоставные конструкции в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1963. – 25 с.

Коцаренко А.М. Невербальные средства коммуникации как один из важнейших факторов диалога культур // Профессиональное лингвообразование : матер. XII науч.-прак. конф. – Н. Новгород : Нижегородский ин-т управления, 2018. – С. 65–69.

Кочкарова З.К. К вопросу теории речевых актов в речевом пространстве художественного текста // Правовестник. – Уфа : Исслед. центр информационно-правовых технологий, 2019. – № 4. – С. 49–52.

Краевская Н.М. Ситуация как фактор дифференциации типов речи // Лингвистические особенности научного текста. – М. : Наука, 1981. – С. 113–131.

Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. – М. : Изд-во РУДН, 1992. – 172 с.

Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. – М. : Наука, 1976. – С. 42–52.

Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1961. – 265 с.

Курбякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность : функциональные и структурные аспекты : сборник обзоров. Серия «Теория и история языкознания». – М. : РАН, ИНИОН, 2000. – С. 5–13.

Кулаева Ф.А. О неполных предложениях в немецком языке // Страны, языки, культура. – Махачкала : Даг. гос. тех. ун-т, 2018. – С. 105–107.

Курбонова Д.Б. Понятие и лингвистическое изучение диалога как средства коммуникации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М. : Науч.-инф. издат. центр и редакция жур. «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук», 2018. – С. 100–102.

Кучинский Г.М. Диалог в процессе совместного решения мыслительных задач // Проблема общения в психологии. – М. : Наука, 1981. – С. 123–135.

Кушнина Л.В., Иванов М.В. Оппозитивность как сущностная категория исторического дискурса (на примере концептов конфликт / согласие) // Евразийский гуманитарный журнал. – Пермь : Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – № 3. – С. 59–66.

Ладыженская Б.Я. Пауза как элемент просодической организации устного спонтанного высказывания // Вестник МГУ. Сер. 9 : Филология. – М. : МГУ, 1984. – № 2. – С. 70–76.

Ладыженская Б.Я. Особенности организации устной спонтанной речи (вставные элементы в речевом потоке) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 202 с.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М. : Наука, 1976. – 399 с.

Лаптева О.А. Соотношение спонтанной и телевизионной речи // Проблемы спонтанной разговорной речи : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1989. – Вып. 332. – С. 61–75.

Леви В.А. Охота за мыслью (заметки психиатра). – М. : Молодая гвардия, 1967. – 334 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М. : Наука, 1969. – 307 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Лисник М.В. Речевая компрессия как проявление закона экономии : Пересмысление понятия // Вестник Ивановского госуниверситета. Серия «Гуманитарные науки». – Иваново : ИГУ, 2009. – № 1 (9). – С. 28–33.

Литневская Е.И. Разговорная речь в стилистике и коллоквиалистике (к определению понятия) // Вестник центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – М. : МГУ, 2011. – С. 12–18.

Лосева Л.М. Межфразовая связь в текстах монологической речи (основные структурные модели, типы и принципы семантической организации) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Одесса, 1969. – 43 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста (семиологическое исследование по теории искусства). – М. : Искусство, 1970. – 383 с.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М. : Изд-во МГУ, 1975. – 253 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1979. – 319 с.

Лурия А.Р. Письмо и речь. Нейролингвистические исследования. – М. : Академия, 2002. – 352 с.

Малетич И.В. Анализ понятия «межличностные отношения» // Современная наука : актуальные вопросы теории и практики : Матер. регион. науч.-прак. конф. – Армянск : филиал Крымского Федерального ун-та, 2017. – С. 81–85.

Малинович Ю.М. Собственно восклицательные предложения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 25 с.

Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 148 с.

Мартыненко Г.Я. Синтаксис живой спонтанной речи : симметрия линейных порядков // Корпусная лингвистика : Тр. международной конференции. – СПб. : СПб. гос. ун-т, 2015. – С. 324–331.

Медведчук А.В. Структура и свойства диалога-расспроса как средства профессионально-направленной коммуникации будущих менеджеров административной деятельности // Вісник національного авіаційного університету. Серія «Педагогіка. Психологія». – Київ : Нац. авіаційний ун-т, 2017. – С. 97–101.

Мелещенко Л.В. Роль пауз колебания в спонтанной монологической речи // Просодия устного текста : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1987. – Вып. 298. – С. 23–29.

Метляева Т.В. Особенности формирования речевого имиджа личности // Территория новых возможностей : Вестник Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса. – Владивосток : ВГУЭС, 2018. – Т. 10, № 1 (40). – С. 156–164.

Мехеда М.И. Речевая экономия как один из мотиваторов словотворчества в русской разговорной речи // Филология и человек. – Барнаул : Алтайский гос. университет, 2017. – № 1. – С. 17–27.

Миронова Н.И. Устный спонтанный диалог и явления речевого колебания (теоретический и прикладной аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994 а. – 16 с.

Миронова Н.И. Устный спонтанный диалог и явления речевого колебания (теоретический и прикладной аспект) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994 б. – 209 с.

Михайлов Л.М. Ответные предложения в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1965. – 268 с.

Михайлов Л.М. Ответные предложения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 23 с.

Михайлов Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи. – М. : Высшая школа, 1986. – 110 с.

Михайлов Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка. – М. : Высшая школа, 1994. – 256 с.

Михлина М.Л. Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи : дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1955. – 299 с.

Монахов П.Ф. Способы обозначения направленного движения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1961. – 19 с.

Моргунова А.Н. Антиципирующее употребление омокомплеса *оно* в русском дискурсе (на материале художественных текстов) // Поволжский педагогический вестник. – Самара : СГСПУ, 2020. – Т. 8, № 1 (26). – С. 95–103.

Мороз Н.Ю., Ларина Т.В. Звучащая речь в контексте социальной среды (обзор современных исследований на примере англ. и немец. языков) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – М. : МГЛУ, 2017. – № 10 (783). – С. 138–146.

Москальская О.И. Грамматика текста. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.

Назарова И.П., Схалямова С.Ш., Хачемизова М.А. Языковые средства, выражающие психоэмоциональное состояние человека // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар : Куб. акад. подготовки, переподг., повыш. квал., 2016. – Т. 8, № 2–2. – С. 177–181.

Носенко Э.Л. Объективные показатели уровня владения устной иноязычной (монологической) речью. Старший этап языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1970. – 326 с.

Носенко Э.Л. Исследование речи в состоянии эмоционального стресса как средство выражения некоторых тенденций в области строевого и актуального членения разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи : Учен. зап. ГГПИ им. М. Горького. – Горький, 1976. – Вып. 7. Ч. 2. – С. 70–75.

Носенко Э.Л. Специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1979. – 45 с.

Носкина Л.В. Выбор языковых средств зависимости от ситуации общения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М. : Науч.-инф. и изд. центр «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук», 2016. – № 7–3. – С. 56–57.

Орлова М.Н. Структура диалога в современном русском языке (вопросно-ответная форма) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1968. – 18 с.

Павлова Д.С. Влияние пола и образования говорящих на семантическую структуру устного спонтанного текста // Социо- и психолингвистические исследования. – Пермь : Пермский гос. нац. иссл. ун-т, 2018. – № 6. – С. 75–82.

Паламарчук Н.Т. Обособленные конструкции в романах Г. Манна : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 20 с.

Петрова Л.Н. Языковые средства выражения эмоций в английском языке // Научный диалог. – Екатеринбург : Центр науч. и образовательных проектов, 2017. – № 6. – С. 72–82.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Изд. 7-е. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

Пилипенко В.В., Лодошко О.Н. Аннотация и учет речевых сбоев в задаче автоматического распознавания спонтанной украинской речи // Искусственный интеллект. – 2010. – № 3. – С. 238–248.

Пиотровская Л.А. Интонация текста и речевая деятельность : психолингвистический анализ // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Благовещенск : Амурский госуниверситет, 2015. – Т. 1, № 4. – С. 52–63.

Платонов К.К. Краткий словарь психологических понятий. – М. : Высш. шк, 1984. – 174 с.

Подлесская В.И., Кибрик А.А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 2007. – № 2. – С. 2–23.

Подлесская В.И., Хуришудян В.Г. О лексических маркерах hesitation в спонтанной речи : уроки армянского // Труды междунар. конф. «Диалог 2006». – М., 2006. – С. 429–439.

Поликарпов А.М. Гипотаксис в синтаксисе спонтанной немецкой разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 16 с.

Поликарпов А.М. Сложное предложение в немецкой разговорной речи. – Архангельск : Поморский госуниверситет, 2000. – 448 с.

Поликарпов А.М. Многокомпонентные сложноподчиненные комплексы в синтаксисе немецкой разговорной речи // Теория языка и практика преподавания. – Архангельск : ПГУ, 2001. – С. 195–205.

Поликарпов А.М. Топологические особенности оформления немецкого устно-порождаемого синтаксиса // Вестник Поморского ун-та. Серия Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск : Северный фед. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2011. – № 6. – С. 99–104.

Поликарпов А.М. Синтаксическая полифункциональность. – Архангельск : ИПЦ САФУ, 2013. – 212 с.

Поликарпов А.М. Об основных критериях устнопорождаемой речи с позиции интеракциональной лингвосемиотики // Синхрония, диахрония, текстология : сб. науч. ст. и переводов к юбилею Е.М. Чекалиной. – М. : МАКС Пресс, 2016. – С. 79–89.

Полянская Л.И. Коммуникативно-прагматическая структура высказывания-реакции (на материале английской диалогической речи) : дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1990. – 157 с.

Потапова Р.К., Блохина Л.П. Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках. – М., 1986. – 115 с.

Потапова Р.К., Линднер Г. Особенности немецкого произношения. – М. : Высшая школа, 1991. – 319 с.

Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – М. : Педагогика, 1983. – 448 с.

Раджабов Н. Сопоставительный анализ односоставных предложений в немецком и таджикском языках // Вестник педагогического ун-та им. С. Айни. – Душанбе : ТГПУ, 2018. – № 1 (75). – С. 106–110.

Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж : Изд-во Воронежского у-та, 1973. – 220 с.

Реунова О.И. Эллиптические предложения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1968. – 22 с.

Ризель Э.Г. Смысловые и стилистические функции парантетической связи (на материале немецкого языка) // НДВШ. Филологические науки. – М. : Высшая школа, 1962. – № 4. – С. 80–88.

Розанова Н.Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – С. 5–78.

Ронжин А.Л., Евграфова К.В. Анализ вариативности спонтанной речи и способов устранения речевых сбоя // Известия вузов. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2 (3). – С. 227–231.

Русская разговорная речь : тексты / авт., сост.: Баринова Г.А. и др. ; АН СССР, Ин-т русского языка ; отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. – М. : Наука, 1978. – 307 с.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – 238 с.

Русский язык : энциклопедия. – М. : Сов. Энциклопедия, 1979. – 432 с.

Сайфуллина Н.А. Образ современных представлений о коммуникативной функции антиципации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – Вольск : ВВИМО, 2017. – Т. 11, № 10. – С. 37–40.

Саклакова Н.Н. Роль просодии в реализации коммуникативной программы немецкого спонтанного диалогического текста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 217 с.

Светозарова Н.Д. Характеристика основных мелодических типов в интонации немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1970. – 173 с.

Святогор И.П. Типы диалогических реплик в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. – Калуга, 1967. – 309 с.

Святогор И.П. Ситуативные конструкции в современном русском языке (на материале диалогической речи) // Вопросы истории и теории языка. – Тула, 1968. – С. 120–131.

Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. – М. : Наука, 1969. – 135 с.

Сергеев А.И. Коммуникативная организация вопросно-ответных единств в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1986. – 16 с.

Силантьева М.В. Эллиптические конструкции как черта разговорной речи в текстах спортивного репортажа с соревнований по биатлону // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 10–2 (64). – С. 148–152.

Симатова С.А. Конфликтный диалог : критический обзор лингвистических исследований в Китае // Вестник Томского госуниверситета. – Томск : ВГУ, 2019. – № 441. – С. 54–61.

Сиротинина О.Б. Непосредственность общения – определяющий фактор разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи : сб. науч. тр. ГГПИ им. М. Горького. – Горький, 1973. – Вып. 55. – С. 122–128.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М. : Просвещение, 1974. – 142 с.

Сковородников А.П. Эллипсис как стилистическое явление современного русского литературного языка. – Красноярск : КГПИ, 1978. – 93 с.

Скорик Т.В., Черкасова И.П. Основы структурно-семантической организации дискурса живописи (на материале английского и русского языков) // Вестник Омского государственного педагогического ун-та. Гуманитарные исследования. – Омск, 2019. – № 2 (23). – С. 75–79.

Скребнев Ю.М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 1971. – 45 с.

Соколова Л.И. Присоединительные конструкции в современном немецком языке как явление коммуникативного синтаксиса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1977. – 20 с.

Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое) : уч. пос. для вузов по спец. «Русский яз. и лит-ра». – М. : Высшая школа, 1991. – 181 с.

Сосновцева Т.И. Некоторые особенности построения и просодической организации английского спонтанного диалога // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : Материалы 10-й межд. конф. – Саратов : Саратовский источник, 2018. – С. 110–114.

Становая Л.А. Еще раз к вопросу о принципе языковой экономии // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Благовещенск : Амурский госуниверситет, 2016. – Т. 2, № 4. – С. 50–75.

Степанова С.Б. Общее и индивидуальное в хезитациях // Материалы XXXVI Международной филологической конференции 13–18 марта 2006 г. СПб. Секция фонетики. – СПб., 2006. – Вып. 20, ч. 1. – С. 24–32.

Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. – М. : Наука, 1974. – С. 255–273.

Тарасова А.Н. Ситуация общения : факторы и модели // Язык и действительность : сб. ст. по итогам межд. конф. – М. : Спутник, 2017. – С. 251–257.

Тезекбаева Г.А. Спонтанная речь как объект лингвистики // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. – Воронеж : ВГУ, 2011. – № 1. – С. 76–79.

Тимошевская А.О., Данилова И.И. Перевод коллоквиальных конструкций с английского языка на русский (на примере перевода англоязычных художественных фильмов) // Международный журнал экспериментального образования. – Пенза : Академия естествознания, 2014. – № 6–2. – С. 162–164.

Тиселько Н.С. Роль просодии в иерархии языковых средств выражения субъективной модальности // Проблемы супraseгментной фонетики : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1985. – Вып. 248. – С. 58–73.

Тиселько Н.С. Интонация как средство выражения субъективной модальности в немецкой диалогической речи : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 268 с.

Торсуева И.Г. Теория высказывания и интонация // Вопросы языкознания. – 1976. – № 3. – С. 53–64.

Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. – М. : Наука, 1979. – 110 с.

Торсуева И.Г. Современная проблематика интонационных исследований // Вопросы языкознания. – 1984. – № 1. – С. 116–123.

Тошов З.Б. Фонетические средства сегментации немецкой монологической речи : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 172 с.

Трохина Р.С. Отношения между говорящими как фактор модификации просодии фразы (на материале англ. общих вопросов) // Экспериментальная фонетика. – Минск, 1976. – С. 179–188.

Трошина Н.В., Петрова Е.С. Присоединительные и парцелированные конструкции в романе Е. Замятина «Мы» // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье : сб. докл. межд. науч. форума. – Киров : Аверс, 2019. – С. 573–579.

Турсунов Б. Присоединение как особый тип синтаксической связи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1993. – 36 с.

Тутаришьева М.К., Тутаришьева М.К. Сущность, роль и функции эллипсиса в языке (на материале разноструктурных языков) // Вестник Майкопского гос. тех. ун-та. – Майкоп : МГТУ, 2014. – № 3. – С. 38–43.

Тыщенко К.П. Реализация безударных гласных в немецкой спонтанной речи // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Благовещенск : Амурский госуниверситет, 2015. – Т. 1, № 3. – С. 101–110.

Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М. : Наука, 1966. – 210 с.

Ушакова Т.Н. Проблемы внутренней речи // Вопросы психологии. – 1985. – № 2. – С. 39–51.

Фадеева Л.В. Рамочная конструкция предложения и ее нарушение в современном немецком языке // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России : сб. науч. тр. к 75-летию со дня рождения проф. А.Л. Зеленецкого. – Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2015. – С. 142–146.

Фадеева Л.В. Присоединительные конструкции и парцелляция как источник синтаксической выразительности // Современные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Астрахань : АГУ, 2016. – С. 73–77.

Фадеева Л.В. Приемы нарушения грамматической структуры высказывания в стилистическом аспекте // Гуманитарные исследования. – Астрахань : АГУ, 2018. – № 2 (66). – С. 25–29.

Федорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 512 с.

- Федотова Е.В.* Роль неполносоставных предложений-реплик в создании когнитивно-ориентированного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2003. – 181 с.
- Филиппов К.А.* Лингвистика текста. – СПб. : Изд-во СПб. у-та, 2003. – 336 с.
- Филькова Л.Н.* Речевая коммуникация : понятие и специфика // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. – Оренбург : ОГПУ, 2011. – № 1 (57). – С. 122–127.
- Фонетика спонтанной речи.* – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – 248 с.
- Хамицева С.Ф.* Концепции теории актуального членения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М. : Научно-инф. издат. центр, 2015. – № 3–1. – С. 272–275.
- Хисамова Г.Г.* Исследование диалога с позиции теории речевых жанров // Вестник Челябинского госуниверситета. – Челябинск : ЧГУ, 2008. – С. 164–169.
- Холодович А.А.* О типологии речи // Историко-филологические исследования : сб. статей к 75-летию акад. Н.И. Конрада. – М., 1967. – С. 202–208.
- Хуришудян В.Г.* Средства выражения гезитации в устном армянском дискурсе в типологической перспективе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 26 с.
- Цзюй Ю., Матвеев М.О.* Ретроспективно-сравнительный анализ развития психолингвистической мысли // Мир лингвистики и коммуникации : эл. научный журнал : ТГСА. – Тверь, 2019. – № 58. – С. 44–61.
- Черемисина Н.В.* Разрыв цельности единицы в разговорной и художественной речи // Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи : уч. записки ГГПИ. – Горький, 1972. – Вып. 49. – С. 255–259.
- Черемисина Н.В.* Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. – М., 1982. – 207 с.
- Черемисина Н.В.* Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – М. : Русский язык, 1989. – 240 с.
- Чжен С.* Теоретические основы исследования разговорной речи при переводе // International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education. – Екатеринбург : Problems of Science, 2019. – С. 39–43.
- Чиркова Н.И.* Синтаксис современного русского языка. – Ижевск : УГУ, 2010. – 102 с.
- Шана Е.П.* Роль и взаимосвязь структурных речевых единиц в интегрировании спонтанных диалогических текстов // Текст как единица коммуникации : сб. науч. тр. МГЛУ. – М., 1991. – Вып. 371. – С. 4–20.
- Шана Е.П.* Роль просодии в структурировании спонтанной диалогической речи (текста) (Сопоставительное экспериментально-фонетическое исследование на материале английского, русского и молдавского языков) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 148 с.
- Шафиро М.Е.* Присоединение как явление речевого синтаксиса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1965. – 23 с.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М. : Изд-во АН СССР, Ин-т русского яз., 1960. – 377 с.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М. : Азбуковник, 2003. – 377 с.

Шевченко Т.Н. Социальный аспект просодической вариативности текста // Просодия текста : Тез. докл. науч.-метод. конференции. – М., 1982. – С. 52–53.

Шекасюк Б.П. Порядок слов простого предложения немецкой разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 16 с.

Шереметьева Е.В. Экспериментально-фонетическое исследование вариативности произношения // Современная парадигма гуманитарных исследований : Проблемы филологии и культурологии. – Симферополь : Крымский Федеральный ун-т им. В.И. Вернадского, 2015. – С. 89–95.

Ширяев Е.Н. Реплики диалога как предложения // Русский язык в школе. – 1966. – № 6. – С. 96–101.

Шитова Л.Ф. Коммуникативная нагрузка и интонационные характеристики повторов в спонтанном научном монологе // Фонетика спонтанной речи. – Л., 1988. – С. 172–182.

Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1948. – 288 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л. : ЛГУ, 1958. – 184 с.

Эсалнек А.А. Теория диалога в контексте современных коммуникативных исследований // Stephanos : Певак Е.А. – 2016. – № 4 (18). – С. 124–128.

Юнкова Е.П. Инверсия как стилистический прием и способы ее передачи в художественном переводе // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках. – М. : РУДН, 2019. – С. 77–82.

Яковлева Э.Б. Просодические средства сегментации немецкого спонтанного диалогического текста: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 220 с.

Яковлева Э.Б. О единице сегментации спонтанного диалогического текста // Филология и культура : материалы Международной конференции. – Тамбов : ТГУ, 1997. – С. 110–113.

Яковлева Э.Б. Взаимообусловленность делимитативной и когнитивной функций хезитационных явлений в спонтанном тексте // Когнитивная лингвистика : материалы 1-й Международной школы-семинара. Ч. 1. – Тамбов : ТГУ, 1998. – С. 67–69.

Яковлева Э.Б. Функциональный подход к разработке таксономии хезитационных явлений в немецкой спонтанной диалогической речи // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект : сб. науч. тр. – Тамбов : ТГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 185–191.

Яковлева Э.Б. О естественности феномена хезитации и проблемах воспитания речевой культуры // Профессионально-педагогическая и специальная подготовка студентов как социокультурная деятельность : 7-е Рязанские педагогические чтения. – Рязань : РГПУ, 2000. – С. 38–39.

Яковлева Э.Б. Хезитационные периоды как опоры для слушающего в потоке речи // Вопросы теории и практики перевода : материалы Всероссийского научного семинара. – Пенза : ПДЗ, 2001. – С. 139–141.

Яковлева Э.Б. О видах хезитаций и их функционально-коммуникативной значимости (на материале немецких спонтанных диалогов) // Язык образования и образование языка : материалы Всероссийской научной конференции. – Великий Новгород : НГУ, 2002. – С. 84–86.

Яковлева Э.Б. От диалога к полилогу : монография. – М. : МГЛУ, 2003. – 309 с.

Яковлева Э.Б. Фонетическая оформленность немецкой спонтанной полилогической речи : дис. ... докт. филол. наук. – М., 2005. – 499 с.

Яковлева Э.Б. Результаты экспериментального исследования рекуррентных структур в звучащем спонтанном полилоге // Акустика речи. Медицинская и биологическая акустика, архитектурная и строительная акустика. Шумы и вибрации : сб тр. 18 (международной) сессии РАО. – М. : ГЕОС, 2006. – Т. 3. – С. 40–43.

Яковлева Э.Б. О типологических характеристиках многосторонних форм речи // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел : ОГИИК : ПФ «Картуш», 2007 а. – Вып. 5. – С. 32–38.

Яковлева Э.Б. Полилог как новый объект лингвистики // Лингвистическая полифония : сб. в честь юбилея проф. Р.К. Потаповой. – М. : Языки славянских культур, 2007 б. – С. 184–202.

Яковлева Э.Б. Полевая структура ролевых отношений в спонтанном полилоге // Русская германистика : ежегодник Российского союза германистов : спецвыпуск. – Нальчик : Каб.-Балк. у-т, 2007 в. – С. 107–111.

Яковлева Э.Б. Просодико-семантическая вариативность вербальной структуры звучащего спонтанного полилога // Русская германистика : ежегодник Российского союза германистов. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – Т. 3. – С. 404–410.

Яковлева Э.Б. Полилог – третья форма речи? // Известия высших уч. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки : научно-практ. журнал. – Пенза : ПГУ, 2007 д. – № 1. – С. 82–89.

Яковлева Э.Б. Хезитации как значимые маркеры при создании звучащего транслята // Вопросы теории и практики перевода. – Пенза : ПГПУ им. В.Г. Белинского : ПДЗ, 2008. – С. 143–145.

Яковлева Э.Б. Об одном эпизоде доказывания «лингвистичности» хезитаций // 4 международные Бодуэновские чтения. – Казань : КГУ, 2009. – С. 49–51.

Яковлева Э.Б. Особенности перцептивно-ориентированной реконструкции смысла высказывания, элиминированного из дискурса с мультикодовым характе-

ром передачи информации // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : матер. 1 междунар. конф. – Барнаул : АГПА, 2011. – 413 с.

Яковлева Э.Б. Об особенностях контроля понимания на слух устного текста // Иноязычное образование в современном мире. – М. : Правда-Пресс, 2012. – Ч. 2. – С. 24–29.

Яковлева Э.Б. Когнитивно-синтаксическая дистрибуция хезитаций в немецкой спонтанной речи // Новое в психолого-педагогических исследованиях. Теоретические и практические проблемы психологии и педагогики : научно-практический журнал. – М., 2014. – № 3 (35). – С. 105–110.

Яковлева Э.Б. Речевые хезитации : Формальный и функциональный аспекты : аналит. обзор. – М. : ИНИОН РАН, 2016. – 73 с.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М. : Наука, 1986. – С. 17–58.

Янмурзина Р.Р. Речевой портрет личности // Научный альманах. – Тамбов : Консалтинговая комп. Юком, 2017. – № 2–2 (28). – С. 450–452.

Яценко Л.А. Синтактико-стилистическая характеристика немецкой диалогической речи (бытовой, судебной, научной) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 284 с.

Admoni V.G. Die Entwicklung des Satzbaus der deutschen Literatursprache im 19. Jahrhundert. – Berlin : Akad. Verlag, 1987. – 205 S.

Barik H.C. On Defining Juncture Pauses: a Note on Boomer's «Hesitation and Grammatical Encoding» // Language and Speech. – 1968. – Vol. 11, N 3. – P. 194–201.

Baumgärtner K. Zur Syntax der Umgangssprache in Leipzig. – Berlin : Akad. Verlag, 1959. – 131 S.

Blankenship J., Kay C. Hesitation Phenomena in English Speech : A Study in Distribution // Word. – 1964. – Vol. 20, N 3. – P. 360–372.

Boomer D. Hesitation and Grammatical Encoding // Language and Speech. – 1965. – Vol. 8, N 3. – P. 148–158.

Boomer D. Review of F. Goldman-Eisler's «Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech» // Lingua. – 1970. – Vol. 25, N 2. – P. 152–164.

Boomer D.S., Dittman A.T. Hesitation Pauses and Juncture Pauses in Speech // Language and Speech. – 1962. – Vol. 5, N 4. – P. 215–220.

Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld. – Berlin : Akad. Verlag, 1955. – 88 S.

Brown G., Currie K.L., Kenworthy J. Questions of Information. – London : Groom Helm, 1980. – 206 p.

Butterworth B. Hesitation and Semantic Planning in Speech // Journal of Psycholinguistic Research. – New York ; London, 1975. – Vol. 4, N 1. – P. 75–94.

Cook M., Smith J., Lalljee M. Filled Pauses and Syntactic Complexity // Language and Speech. – 1974. – Vol. 17, N 1. – P. 11–16.

Drommel R. Die Sprechpause als Grenzsignal im Text. – Cöppingen, 1974. – 247 S.

Elvin M.B., Oldfield R.C. Disability and Progress in Dysphasic University Student // Journal of Neurology and Psychiatry. – 1951. – N 14. – P. 109–119.

Feldstein S., Rogalsky C., Jaffe J. Predictability and Disruption of Spontaneous Speech // Language and Speech. – 1966. – Vol. 9, N 3. – P. 137–152.

Franke W. Taxonomie der Dialogtypen: Eine Skizze // Dialoganalyse: Ref. der I. Arbeitstagung, Munster, 1986. – Tübingen, 1986. – S. 85–101.

Gaumann U. Weil die machen jetzt bald zu: Angabe- und Junktivsätze in der deutschen Gegenwartssprache // Göppinger Arbeiten zur Germanistik. – Göppingen : Kümmerle, 1983. – Bd. 381. – 284 S.

Glindemann R. Zusammensprechen in Gesprächen : Aspekte einer konsonanz-theoretischen Pragmatik. – Tübingen, 1987. – 232 S.

Goffman E. Forms of Talk. – Oxford, 1981. – 335 p.

Goldman-Eisler F. Speech Production and the Predictability of Words in Context: The Predictability of Words in Context and the Length of Pauses in Speech // Language and Speech. – 1958. – Vol. 1, N 4. – P. 226–231.

Goldman-Eisler F. Continuity of Speech Utterance, its Determinants and its Significance // Language and Speech. – 1961 a. – Vol. 4, N 4. – P. 220–231.

Goldman-Eisler F. The Distribution of Pause Duration in Speech // Language and Speech. – 1961 b. – Vol. 4, N 4. – P. 232–237.

Goldman-Eisler F. Comparative Study of Two Hesitation Phenomena // Language and Speech. – 1961 c. – Vol. 4, N 1. – P. 18–26.

Goldman-Eisler F. Sequential Temporal Patterns and Cognitive Processes in Speech // Language and Speech. – 1967. – Vol. 10, N 2. – P. 122–132.

Goldman-Eisler F. Psycholinguistics. Experiments in Spontaneous Speech. – New York : Academic Press, 1968. – 293 p.

Grimm H.J. Zur Bedeutung außersprachlicher Faktoren für lexisch- semantischen Bau dialogischer Äußerungen // Deutsch als Fremdsprache. – 1976. – Jg. 13, N 2. – S. 92–99.

Große E.U. Text und Kommunikation. Eine linguistische Einführung. – Stuttgart : Kohlhammer, 1976. – 164 S.

Güllich E. Makrosyntax der Gliederungssignale im gesprochenen Französisch. – München : Fink, 1970. – 319 S.

Güllich E., Techtmeier B. Rundtischgespräch auf dem XIV. Internationalen Linguistikongress «Methodologische Aspekte der linguistischen Analyse von Gesprächen» // Ztschr. für Phonetik, Sprachwiss. u. Kommunikationsforschung. – Berlin, 1989. – Bd. 42, H. 2. – S. 145–148.

Hawkins P. The Syntactic Location of Hesitation Pauses // *Language and Speech.* – 1971. – Vol. 14, N 3. – P. 277–288.

Helbig G. Zum Problem der linguistischen Beschreibung des Dialogs im Deutschen // *Deutsch als Fremdsprache.* – 1975. – H. 2. – S. 65–75.

Henderson A., Goldman-Eisler F., Skarbek A. Temporal Patterns of Cognitive Activity and Breath Control in Speech // *Language and Speech.* – 1965. – Vol. 8, N 4. – P. 236–242.

Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. – 2., verb. u. erw. Aufl. – Berlin ; N.Y., 1982. – 300 S.

Hieke A. A Content-Processing View of Hesitation Phenomena // *Language and Speech.* – 1981. – Vol. 24, Part 2. – P. 147–160.

Jakovleva E., Potapova R., Khitina M. Spoken Discourse Perceptual Rules of its Semantic Reconstruction // *Speecom' 2004 : Proceedings International Workshop.* – S. Petersburg, 2004. – P. 733–736.

Jakovleva E. Contrastive empiric research of the prosodic component perception in spontaneous sounding polylogue // *Journal of International Scientific Publications : Language, Individual and Society.* – 2010. – Vol. 4, P. 1. – P. 372–374.

Jakovleva E. Skirtingu kalbos kulturu atstovu percepcinio elgesio pragmatiniu ypatumu empiriniai tyrimai (remiantis spontaniskais polilogais) // *Kalba ir kontekstai. Mokslo darbai.* – Vilnius : Edukologija, 2013. – T. 3, dalis 2. – P. 77–83.

Jakovleva E. Interkulturelle Forschung der kognitiv syntaktischen Distributionen der Hesitationen im spontanen Diskurs // *XIII. Kongress der Internationalen Vereinigung für Germanistik (IVG).* – Shanghai, 2015. – S. 322.

Jäger K.-H. Untersuchungen zur Klassifikation gesprochener deutscher Standardsprache. – München : Max Hueber Verlag, 1976. – 142 S.

Jung W. Grammatik der deutschen Sprache // *VEB Bibliographisches Institut.* – Leipzig. – 1982. – 488 S.

Kleinen G. Dialoge in Musik // *Dialoge : Beitr. zur Interaktions – u. Diskursanalyse.* – Hildesheim, 1979. – S. 189–223.

Krallmann D., Pape M. Zur maschinellen Rekonstruktion natürlich – sprachlicher Dialoge // *Dialogforschung.* – Düsseldorf, 1981. – S. 178–187.

Leska C. Vergleichende Untersuchungen zur Syntax gesprochener und geschriebener deutscher Gegenwartssprache // *Beiträge z. Geschichte der deutschen Sprache und Literatur.* – Halle, 1965. – Bd. 87, H. 3. – S. 427–464.

Levin H., Silverman L., Ford B. Hesitation in Children's Speech during Explanation and Description // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior.* – New York ; London, 1967. – Vol. 6, N 4. – P. 560–564.

Livant W. Antagonistic Functions of Verbal Pauses: Filled and Unfilled Pauses in the Solution of Additions // *Language and Speech.* – 1963. – Vol. 6, N 1. – P. 1–4.

Lounsbury F. Pausal Juncture and Hesitation Phenomena // Psycholinguistics. – Baltimore, 1954. – P. 96–101.

Lounsbury F. Sequential Psycholinguistics // Psycholinguistics : A Survey of Theory and Research Problems. – Bloomington, 1965. – P. 93–125.

Mackeldey R. Alltagssprachliche Dialoge. Kommunikative Funktionen und syntaktische Strukturen. Linguistische Studien. – Leipzig : VEB – Verlag Enzyklopädie, 1987. – 160 S.

Maclay H., Osgood C. Hesitation Phenomena in Spontaneous English Speech // Word. – New York, 1959. – Vol. 15, N 1. – P. 19–44.

Mahl G. Exploring Emotional States by Content Analysis // Trends in Content Analysis. – Urbana : Univ. Illinois Press, 1959. – P. 89–130.

Martin J.G. On Judging Pauses in Spontaneous Speech // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – New York ; London, 1970. – Vol. 9, N 1. – P. 75–78.

Metzing D. Prozedurale Dialogmodelle als Teil eines Neuorientierungsprogramms der Linguistik // Nach-Chomskysche Linguistik. – Berlin ; New York, 1985. – S. 65–75.

Moniz H., Mata A.I., Viana M.C. On filled pauses and prolongations in European Portuguese // Proc. of Interspeech 2007. – Antwerp, Belgium, 2007. – P. 2645–2648.

Müller R. Die Konzeption des corpus gesprochener Texte in der Forschungsstelle Freiburg des Instituts für deutsche Sprache // Gesprochene Sprache. – Tübingen, 1975. – S. 47–75.

Müller K. Dialogstile und Interaktionsmodalitäten // Still. – Tübingen, 1982. – S. 49–52.

Naumann B. Die Differenzierung gesprochener und geschriebener Sprachformen des Deutschen // Voraussetzungen und Grundlagen der Gegenwartssprache. – Berlin ; New York : W. de Gruyter, 1989. – 361 S.

Preston J., Gardner R. Dimension Oral and Written Language Frequency // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – New York ; London, 1970. – Vol. 9, N 6. – P. 936–945.

Ragsdale J.D. Relationships between Hesitation Phenomena, Anxiety and Self-Control in a Normal Communication Situation // Language and Speech. – 1976. – Vol. 19, N 3. – P. 257–265.

Ragsdale J.D., Sisterhen D.N. Hesitation Phenomena in the Spontaneous Speech of Normal and Articulatory – Defective Children // Language and Speech. – 1984. – Vol. 27, N 3. – P. 235–254.

Rath R. Kommunikationspraxis : Analysen zur Textbildung im gesprochenen Deutsch. – Göttingen : Vandenhoech u. Ruprecht, 1979. – 252 S.

Riesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede. – Moskau, 1970. – 366 S.

Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. – Moskau : Verlag Hochschule, 1975. – 316 S.

Rochester S.R. The Significance of Pauses in Spontaneous Speech // Journal of Psycholinguistic Research. – 1973. – Vol. 2, N 1. – P. 51–81.

Rupp H. Gesprochenes und geschriebenes Deutsch // Wirkendes Wort. – Düsseldorf. – 1965. – H. 15, N 1. – S. 19–29.

Shank G., Schöenthal G. Gesprochene Sprache: Eine Einführung in Forschungsansätze und Analysemethoden. – Tübingen : Niemeyer, 1983. – 121 S.

Scherer H.S. Sprechen im situativen Kontext. – Tübingen : Stauffenburg, 1984. – 362 S.

Schmachtenberg R. Sprechakttheorie und dramatischer Dialog: Ein Methodenansatz zur Drameninterpretation. – Tübingen, 1982. – 194 S.

Schwitalla J. Dialogsteuerung in Interviews Ansätze zu e. Theorie d. Dialogsteuerung mit empir. Unters. von Politiker-, Experten- u. Starinterviews in Rundfunk u. Fernsehen. – Ausgabe: 1. Aufl. Verlagsort. – München : Verlag Hueber, 1979. – 350 S.

Stolz W.S., Tannenbaum P.H. Effects of Feedback on Oral Encoding Behaviour // Language and Speech. – 1963. – Vol. 6, N 4. – P. 218–228.

Stouten E. Coping with disfluencies in spontaneous speech recognition: acoustic detection and linguistic context manipulation / *Stouten E. Duchateau J., Martens J.-P., Wambacq P.* // Speech Communication. – 2006. – Vol. 48. – P. 1590–1606.

Talor L. Content and Structure in Sentence Production // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1969. – N 8. – P. 170–175.

Tannenbaum P., Williams F., Hillier C. Word Predictability in the Environments of Hesitations // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1965. – Vol. 4, N 2. – P. 134–140.

Trager G. Paralanguage : A First Approximation // Studies in Linguistics. – 1958. – Vol. 13, N 1. – P. 1–12.

Tsiaras V., Panagiotakis C., Stylianou Y. Video and audio based detection of filled hesitation pauses in classroom lectures // Proc. of the 17 th European Signal Processing Conference (EUSIPCO 2009). – Glasgow, Scotland, 2009. – August 24–28. – P. 834–838.

Verkhodanova V. Automatic Detection of Speech Disfluencies in the Spontaneous Russian Speech // Springer International Publishing Switzerland / M. Zelezny et al. (Eds.) ; SPECOM 2013, LNAI 8113. – 2013. – P. 70–77.

Weiss A. Syntax spontaner Gespräche. Einfluß von Situation und Thema auf das Sprachverhalten. – Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1975. – 168 S.

Wunderlich H. Unsere Umgangssprache in der Eigenart ihrer Satzfügung. – Weimar ; Berlin : Verlag von E. Felber, 1894. – 263 S.

Zimmermann H. Zu einer Typologie des spontanen Gesprächs. Syntaktische Studien zur baseldeutschen Umgangssprache. – Bern : Francke Verlag, 1965. – H. 30. – 100 S.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Формально-функциональная таксономия хезитаций

Функция планирования				Функция восстановления качества речи	
Виды хезитационных периодов, выполняющих данную функцию				Самостоятельный выход говорящего из затруднительного положения	Вмешательство партнера
А.	Незаполненный хезитационный период (акустический нуль)				
Б.	Заполненный хезитационный период				
I	Формы невербального поиска	II	Формы вербального поиска	I. Ретроспективные коррекции: 1) на произносительном уровне; 2) на синтаксическом уровне; 3) на лексическом уровне; 4) на уровне коррекции замысла. II. Самоподхват конструкции с апозиопезисом.	1. Коррекция партнером конструкций с апозиопезисом 2. Продолжение (подхват) партнером конструкции с апозиопезисом
1.	Заполнения одним видом звука		Плеонастические вставные элементы		
2.	Заполнения последовательностью разных звуков	1.	Единичные десемантизированные лексические единицы (разнофункциональные частицы, другие служебные слова, мини-выражения)		
		2.	Лексические единицы в виде проспективного повтора		
		3.	Пролептические элементы		
		4.	Антиципационные конструкции		
		5.	Парентезные включения		
		6.	Смешанные конструкции с анаколуфом и парентезой		
В. Комбинированные хезитационные периоды					
I	Двусоставные: 1) заполненные + заполненные 2) заполненные + незаполненные				
II	Чередующиеся макропериоды				
III	Хезитации-наложения				
Г.	Внутрисловные хезитации				
Д.	Затяжки (удлинения) последних или первых гласных или согласных элементов в лексических единицах				

**Частотность реализаций хезитационных периодов в трех позициях
в тема-рематической структуре в «Неполных конструкциях»**

Позиция в высказы- вании	Начальная								Серединная									Конечная								всего в конструкциях в%
способ мани- фестации	акустический нуль	затяжки			заполнения		комбинации	всего в %	акустический нуль	затяжки			заполнения		комбинации	макропериоды	всего в %	акустический нуль	затяжки			заполнения		комбинации	всего в %	
		г	с-н	с-г	неверб.	верб.				г	с-н	с-г	неверб.	верб.					г	с-н	с-г	неверб.	верб.			
Т	–	0,7	0,7	–	2,2	–	1,4	5,1	8,1	4,4	0,7	1,4	2,9	–	2,9	–	20,7	5,9	–	0,7	1,4	0,7	–	–	8,8	34,6
Р	–	0,7	0,7	0,7	-	1,4	0,7	4,4	12,5	1,4	0,7	0,7	4,4	–	4,4	–	24,4	7,4	0,7	–	–	–	–	2,2	10,3	39,1
Т/Р									9,6	–	1,4	0,7	2,2	–	0,7	–	14,8	2,9	–	–	0,7	0,7	–	–	4,4	19,2
Р/Т									1,4	0,7	0,7	–	0,7	–	–	–	3,7	–	–	–	–	0,7	–	–	0,7	4,4
Р/Р	–	–	–	–	0,7	–	–	0,7	0,7	–	–	–	0,8	–	–	–	1,5	–	–	–	–	–	–	–	–	2,2
	Итого: 10,2								Итого: 65,1									Итого: 24,2								99,5

г -гласный

с-н – сонант

с-г – согласный

Частотность реализаций хезитационных периодов в «Неполных конструкциях» между членами ДФП

Локализация в препозиции		Подлежащее	Прямое дополнение	Предикатив	Неизменяемая часть сказуемого	Предложное дополнение	Обстоятельство времени	Обстоятельство места	Ост. слу- чай	
частотность реализаций в %		7,3	3,3	3,2	2,8	2,2	1,6	1,6	1,1	
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		—	2,3	0,5	2,8	0,5	—	0,5	
	затяжки		3,8	—	—	—	0,5	1,6	—	
	заполнения	невербальные	1,3	0,5	0,5	—	—	—	1,1	—
		вербальные	—	—	1,2	—	—	—	—	0,5
	комбинированный период		2,2	0,5	—	—	1,2	—	—	

Локализация в постпозиции			Сказуемое (полнозначный и неполнозначный глагол)	Подлежащее	Прямое дополнение	Остальн. случаи
частотность реализаций в %			11,7	3,9	2,8	1,1–0,5
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		6,1	1,6	1,6	
	затяжки		3,1	—	0,7	
	заполнения	невербальные	1,0	1,6	—	
		вербальные	—	—	—	
	комбинированный период		1,5	0,7	0,5	

Частотность реализаций хезитационных периодов между частями речи в «Неполных конструкциях»

Локализация в интерпозиции		существ. / существ.	частица / существ.	соч. союз / частица	предлог / существ.	соч. союз / личн. местоим.	ост. случаи
частотность реализаций в %		3,3	2,2	1,6	1,6	1,6	1,1–0,5
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль	1,2	1,6	0,5	0,5	1,1	
	затяжки	1,1	0,6	0,5	–	–	
	заполнения	невербальные	0,5	–	–	0,5	
		вербальные	–	–	0,6	–	
	комбинированный период	0,5	–	–	1,2	–	

Локализация в препозиции		Существительное	Личное местоимение	Остальные случаи
частотность реализаций в %		1,6	1,6	1,1–0,5
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль	–		
	затяжки	–	1,1	
	заполнения	невербальные	1,1	0,5
		вербальные	0,5	
	комбинированный период	–	–	

Локализация в постпозиции		Частица	Глагол-связка	Полнозначный глагол	Соч. союз	Личные местоим.	Существительное	Наречие	Опред. артикль	Ост. случаи
частотность реализаций в %		4,4	3,3	2,8	2,8	2,8	2,2	2,2	2,2	1,1–0,5
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль	2,8	1,6	1,1	2,4	1,1	1,6	1,1	0,5	
	затяжки	1,6	0,5	1,0	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	
	заполнения	невербальные	–	0,7	–	0,5	0,1	0,5	1,2	
		вербальные	–	1,2	–	–	–	–	–	
	комбинированный период	–	–	–		0,7			–	

Таблица 8 (продолжение)

Внутрисловная локализация			Сочинительный союз	Модальное слово	Остальные случаи
частотность реализаций в %			2,8	1,6	1,1–0,5
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		–	–	
	затяжки		1,6	1,0	
	заполнения	невербальные	–	–	
		вербальные	–	–	
	комбинированный период		1,2	0,6	

Таблица 9

Частотность реализаций хезитационных периодов в «Неполных конструкциях» в оппозиции «служебное слово / знаменательное слово»

Позиция в высказы- вании	Начальная				Серединная						Конечная			
частотность реализаций в %	внутрисловная локализация		локализация в пре- позиции		локализация в интерпозиции				внутрисловная локализация		локализация в постпозиции		внутрисловная локализация	
	служ.	знам.	служ.	знам.	сл. / сл.	зн. / зн.	сл. / зн.	зн. / сл.	служ.	знам.	служ.	знам.	служ.	знам.
	2,8	3,3	1,6	2,8	6,7	21,8	24,4	11,2	–	1,0	16,8	17,4	0,5	2,8
	итого: 10,5				итого: 65,1						итого: 37,5			

Виды хезитационных периодов в «Неполных конструкциях» в оппозиции «служебное слово / знаменательное слово»

Позиция		Способ манифестации хезитационных периодов																		
		акустический нуль			затяжки			заполнения					комбинации			макропериоды			всего в %	
								невербальные		вербальные										
		Позиция в высказывании																		
		нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.		кон.
служ. / служ.		–	3,1	–	–	1,1	–	–	1,1	–	–	–	–	–	0,5	–	–	–	–	6,7
знам. / знам.		–	8,9	–	–	0,5	–	–	3,9	–	–	–	–	–	1,6	–	–	–	–	15,1
служ. / знам.		–	6,1	–	–	6,1	–	–	1,6	–	–	0,5	–	–	2,8	–	–	–	–	17,4
знам. / служ.		–	6,1	–	–	1,6	–	–	2,2	–	–	–	–	–	1,1	–	–	–	–	11,2
внутрисловные	служ.	–	–	0,5	2,2	–	–	–	–	–	–	–	–	0,5	–	–	–	–	–	3,3
	знам.	2,2	–	1,6	1,1	1,1	–	–	–	–	–	–	1,1	–	–	–	–	–	–	7,3
постпозиция	служ.	–	–	10,1	–	–	3,9	–	–	1,1	–	–	–	–	–	1,6	–	–	–	16,8
	знам.	–	–	8,9	–	–	2,8	–	–	2,8	–	–	0,5	–	–	2,2	–	–	–	17,4
препозиция	служ.	–	–	–	–	–	–	1,6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1,6
	знам.	–	–	–	–	–	–	1,1	–	–	1,1	–	–	0,5	–	–	–	–	–	2,7

**Частотность реализаций хезитационных периодов в трех позициях в тема-рематической структуре
в «Неполных конструкциях + избыточный элемент»**

Позиция в высказ.	Начальная								Серединная								Конечная								Всего в конструкциях в %	
способ манифестации	акустический нуль	затяжки			заполнения		комбинации	всего в %	акустический нуль	затяжки			заполнения		комбинации	макропериоды	всего в %	акустический нуль	затяжки			заполнения		комбинации		все го в %
		г	с-н	с-г	неверб.	верб.				г	с-н	с-г	неверб.	верб.					г	с-н	с-г	неверб.	верб.			
Т	–	1,8	–	–	–	1,8	–	3,6	9,2	–	1,5	1,5	1,8	–	1,8	1,8	18,6	–	–	–	–	–	–	–	–	22,2
Р	–	–	–	–	–	1,8	–	1,8	18,4	3,6	1,8	4,6	–	9,2	6,1	–	43,7	–	–	–	1,8	1,8	–	–	3,6	49,1
Т/Р	–	–	–	–	–	–	9,2	9,2	4,6	1,8	–	1,8	3,6	–	3,6	–	15,4	1,8	–	–	–	–	–	–	1,8	26,4
Р/Т	–	–	–	–	–	–	–	–	1,8	–	–	1,8	–	–	–	–	3,6	–	–	–	–	–	–	–	–	3,6
Р/Р	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1,8	–	–	–	–	1,8	–	3,6	–	–	–	–	–	–	–	–	3,6
	Итого: 14,6								Итого: 84,9								Итого: 5,4								104,9	

г – гласный,
с-н – сонант,
с-г – согласный

Частотность реализаций хезитационных периодов между членами ДФП в «Неполных конструкциях + избыточный элемент»

Локализация в препозиции			Предикатив	Неизменяемая часть сказуемого	Сказуемое (полнозначный глагол)	Подлежащее	Предложное дополнение	Остальные случаи
частотность реализаций в %			15,1	6,0	3,0	3,0	3,0	1,51
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		1,5	1,5	—	—	3,0	—
	затяжки		—	—	1,5	1,5	—	—
	заполнения	невербальные	3,0	—	1,5	1,5	—	—
		вербальные	—	—	—	—	—	—
	комбинированный период		10,6	4,5	—	—	—	—

Локализация в постпозиции			Изменяемая часть сказуемого		Остальные случаи	
частотность реализаций в %			4,5		1,51	
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		3,0		—	
	затяжки		1,5		—	
	заполнения	невербальные	—		—	
		вербальные	—		—	
	комбинированный период		—		—	

Локализация в группе члена предложения			Постпозитивное предложное определение	Предложное дополнение	Предикатив	Обстоятельства места	Постпозитивное приложение	Остальные случаи
частотность реализаций в %			10,6	9,0	6,0	6,0	4,5	1,5
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		7,6	1,5	1,5	1,5	—	—
	затяжки		—	4,5	1,5	1,5	3,0	—
	заполнения	невербальные	1,5	—	—	—	—	—
		вербальные	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	—
	комбинированный период			1,5	1,5	1,5		—

Частотность реализаций хезитационных периодов между частями речи в «Неполных конструкциях + избыточный элемент»

Локализация в интерпозиции			предлог / предлог	частица / частица	существ. / предлог	предлог / прилагательное	союз / предлог	наречие / частица	ост. случаи
частотность реализаций в %			7,5	6,0	4,5	3,0	3,0	3,0	1,5
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		3,0	3,0	3,0	1,5	3,0	1,5	–
	затяжки		4,5	1,5	1,5	–	–	–	–
	заполнения	невербальные	–	–	–	–	–	1,5	–
		вербальные	–	–	–	1,5	–	–	–
	комбинированный период		–	1,5	–	–	–	–	–

Локализация в препозиции			Существительное			Остальные случаи		
частотность реализаций в %			9,0			1,5		
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		–					
	затяжки		–					
	заполнения	невербальные	–					
		вербальные	–					
	комбинированный период		9,0					

Внутрисловная локализация			Неопределенный артикль			Остальные случаи		
частотность реализаций в %			9,0			1,5		
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		–					
	затяжки		–					
	заполнения	невербальные	–					
		вербальные	–					
	комбинированный период		9,0					

Частотность реализаций хезитационных периодов в постпозиции – 1,51%.

Таблица 14

Частотность реализаций хезитационных периодов в «Неполных конструкциях + избыточный элемент»

Позиция в высказывании	Начальная		Серединная						Конечная	
частотность реализаций в %	внутрисловная локализация	локализация в препозиции	локализация в интерпозиции				внутрисловная локализация		локализация в пост-позиции	внутрисловная локализация
	служ.	знам.	сл./сл.	зн./зн.	сл./зн.	зн./сл.	служ.	знам.	знам.	служ.
	1,5	13,1	22,2	18,1	18,1	18,1	3,0	1,5	1,5	3,0
	Итого: 14,6		Итого: 84,9						Итого: 5,4	

Таблица 15

Виды хезитационных периодов в «Неполных конструкциях + избыточный элемент» в оппозиции «служебное слово/знаменательное слово»

Позиция		Способ манифестации хезитационных периодов																		
		акустический нуль			затяжки			заполнения					комбинации			макропериоды			всего в %	
								невербальные			вербальные									
		позиция в высказывании																		
		нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.		кон.
служ. / служ.		—	12,1	—	—	9,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5	—	22,7
знам. / знам.		—	7,5	—	—	1,5	—	—	3,0	—	—	4,5	—	—	1,5	—	—	—	—	18,1
служ. / знам.		—	4,5	—	—	4,5	—	—	—	—	—	6,0	—	—	3,0	—	—	—	—	18,1
знам. / служ.		—	9,0	—	—	4,5	—	—	1,5	—	—	1,5	—	—	1,5	—	—	—	—	18,1
внутрисловные	служ.	—	—	—	1,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5	—	—	—	—	3,0
	знам.	—	—	—	—	3,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,0
постпозиция	служ.	—	—	1,5	—	—	1,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,0
	знам.	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5
препозиция	служ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	знам.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,0	—	—	9,0	—	—	—	—	—	12,0

Частотность реализаций хезитационных периодов на избыточных элементах в «Неполных конструкциях + избыточный элемент»

Вид плеонастического элемента		Повтор			Парентеза	Парентеза + повтор	Пролептический элемент	Антиципационный элемент	Всего в %
		слово	словосочетание	предложение					
способ мани- фестации хези- тационных периодов в %	акустический нуль	—	—	—	—	—	—	—	—
	затяжки гласных, сонантов, согласных	—	—	—	—	—	—	—	—
	заполнения	невербальные	—	—	—	—	—	—	—
		вербальные	7,5	—	—	—	—	—	7,5
	комбинированный период	22,2	1,5	—	—	—	—	—	28,2
	макропериод	—	—	—	—	—	—	—	1,5
Итого:		29,7	1,5	—	—	—	—	—	37,2

Частотность реализаций хезитационных периодов между членами предложения в «Полных конструкциях»

Локализация в интерпозиции		Изменяемая часть сказуемого / предикатив	Подлежащее / сказуемое	Обстоятельство времени / обстоятельство образа действия	Подлежащее / обстоятельство образа действия	Подлежащее / изменяемая часть сказуемого	Остальные случаи
частотность реализаций в %		20,1	2,7	1,9	1,9	1,1	
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		9,9	1,5	1,1	0,4	0,4
	затяжки		0,6	0,4	0,8	0,8	0,7
	заполнения	невербальные	0,6	0,4	—	—	—
		вербальные	8,3	—	—	—	—
	комбинированный период		0,7	0,4	—	0,7	—
							0,7–0,3

Локализация в препозиции			Подлежащее	Предикатив	Обстоятельство времени	Обстоятельство места	Обстоят-во образа действия	Сказуемое	Прямое дополнение	Остальные случаи
частотность реализаций в %			8,3	23,8	2,6	1,9	1,9	1,9	1,9	0,7–0,3
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		2,3	8,4	1,1	1,1	0,4	0,4	0,8	
	затяжки		1,2	0,4	—	0,4	0,8	—	1,1	
	заполнения	невербальные	1,8	3,5	0,4	—	—	0,8	—	
		вербальные	—	9,0	—	—	—	—	—	
	комбинированный период		3,0	2,5	1,1	0,4	0,7	0,7	—	

Таблица 18 (продолжение)

Локализация в постпозиции		Неизменяемая часть сказуемого	Изменяемая часть сказуемого	Обстоятельство времени	Остальные случаи
частотность реализаций в %		2,6	4,5	1,5	0,7–0,3
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		0,8	1,4	1,1
	затяжки		0,8	0,8	–
	заполнения	невербальные	0,8	1,1	–
		вербальные	–	–	–
	комбинированный период		0,2	1,2	0,4

Локализация в группе члена предложения			Согласованное определение	Предложное дополнение	Обстоятельство места	Обстоятельство времени	Прямое дополнение	Остальные случаи
частотность реализаций в %			5,0	3,8	3,0	2,3	2,3	0,7–0,3
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		2,5	2,7	0,4	0,8	1,9	
	затяжки		2,5	0,4	1,8	0,4	–	
	заполнения	невербальные	–	0,4	–	0,4	0,4	
		вербальные	–	–	–	0,4	–	
	комбинированный период			0,9	0,8	0,3	–	

Внутрисловная локализация			Подлежащее	Остальные случаи
частотность реализаций в %			0,8	0,4
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		0,4	
	затяжки		–	
	заполнения	невербальные	0,4	
		вербальные	–	
	комбинированный период		–	

Частотность реализации хезитационных периодов между частями речи в «Полных конструкциях»

Локализация в интерпозиции			Союз / местоимение	Наречие / глагол	Существ. / существ.	Остальные случаи
частотность реализаций в %			3,8	2,6	2,2	0,7
способ манифестации хези- тационных периодов в %	акустический нуль		1,5	1,0	0,5	
	затяжки		1,5	–	1,5	
	заполнения	невербальные	0,8	1,6	0,7	
		вербальные	–	–	–	
	комбинированный период		–	–	–	

Локализация в препозиции			Местоимение	Союз	Остальные случаи
частотность реализаций в %			1,9	1,1	0,7
способ манифестации хези- тационных периодов в %	акустический нуль		–	–	
	затяжки		–	–	
	заполнения	невербальные	1,9	1,1	
		вербальные	–	–	
	комбинированный период		–	–	

Локализация в постпозиции			Partizip II	Остальные случаи
частотность реализаций в %			1,1	0,7
способ манифестации хези- тационных периодов в %	акустический нуль		–	
	затяжки		0,3	
	заполнения	невербальные	0,7	
		вербальные	–	
	комбинированный период		–	

Таблица 19 (продолжение)

Внутрисловная локализация			Сложное существительное	Остальные случаи
частотность реализаций в %			1,1	0,7
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		0,4	
	затяжки		0,7	
	заполнения	невербальные	–	
		вербальные	–	
	комбинированный период		–	

Таблица 20

Частотность реализаций хезитационных периодов в «Полных конструкциях» в оппозиции «служебное слово / знаменательное слово»

Позиция в высказывании	Начальная				Серединная					Конечная		
частотность реализаций в %	внутрисловная локализация		локализация в препозиции		внутрисловная локализация	локализация в интерпозиции				внутрисловная локализация	локализация в постпозиции	
	знам.	служ.	знам.	служ.	знам.	сл. / сл.	зн. / зн.	сл. / зн.	зн. / сл.	знам.	знам.	служ.
	0,8	1,1	1,1	1,4	–	16,1	25,5	29,7	18,5	2,0	2,3	0,4
	Итого: 4,4				Итого: 89,8					Итого: 4,7		

Виды хезитационных периодов в «Полных конструкциях» в оппозиции «служебное слово / знаменательное слово»

Позиция		Способ манифестации хезитационных периодов																		
		акустический нуль			затяжки			заполнения					комбинации			макропериоды			всего в %	
								невербальные			вербальные									
		позиция в высказывании																		
		нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.		кон.
служ./служ.		–	6,5	–	–	5,3	–	–	1,5	–	–	–	–	–	4,2	–	–	–	–	17,5
знам./знам.		–	12,2	–	–	5,3	–	–	2,7	–	–	1,1	–	–	3,4	–	–	–	–	24,7
служ./знам.		–	8,8	–	–	8,1	–	–	2,7	–	–	–	–	–	9,3	–	–	–	–	29,5
знам./служ.		–	5,7	–	–	5,3	–	–	2,3	–	–	–	–	–	3,8	–	–	0,4	–	17,5
внутрисловные	служ	–	–	–	0,8	–	–	–	–	–	0,4	–	–	–	–	–	–	–	–	1,2
	знам.	–	0,4	–	0,8	1,1	0,4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2,7
постпозиция	служ	–	–	–	–	–	–	1,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1,1
	знам.	–	–	–	–	–	–	1,9	–	–	–	–	–	0,8	–	–	–	–	–	2,7
препозиция	служ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,4	–	–	–	0,4
	знам.	–	–	0,8	–	–	0,4	–	–	1,1	–	–	–	–	–	0,4	–	–	–	2,7

**Частотность реализаций хезитационных периодов между членами предложения
в «Полных конструкциях + избыточный элемент»**

Локализация в интерпозиции		Изменяемая часть сказуемого / неизм. часть сказ. (инф., Part.II)	Обстоятельство времени / пря- мое дополнение	Остальные случаи
частотность реализаций в %		19,3	1,8	1,2–0,6
способ манифестации хези- тационных периодов в %	акустический нуль	10,6	0,6	
	затяжки	–	0,6	
	заполнения	невербальные	0,6	
		вербальные	–	
	комбинированный период	8,1	–	

Локализация в препозиции		Предикатив	Обстоятельство места	Обстоятельство образа действия	Предложный объект	Остальные случаи
частотность реализаций в %		31,8	3,0	2,4	1,8	1,2–0,6
способ манифестации хези- тационных периодов в %	акустический нуль	11,8	–	–	0,6	
	затяжки	0,6	1,8	–	1,2	
	заполнения	невербальные	0,6	1,2	–	
		вербальные	2,2	–	–	
	комбинированный период	13,6	0,6	1,2	–	

Таблица 23 (продолжение)

Локализация в постпозиции		Подлежащее	Прямое дополнение	Изменяемая часть сказуемого	Остальные случаи
частотность реализаций в %		3,6	3,0	3,0	1,2–0,6
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		1,8	0,6	0,6
	затяжки		–	–	0,6
	заполнения	невербальные	0,6	0,6	0,6
		вербальные	–	0,6	–
	комбинированный период		1,2	1,2	1,2

Локализация в группе члена предложения			Предложный объект	Обстоятельство места	Обстоятельство времени	Подлежащее	Прямое дополнение	Обстоятельство образа действия	Остальные случаи
частотность реализаций в %			3,6	3,0	2,4	2,4	1,8	1,2	1,2–0,6
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль		1,8	0,6	1,2	1,2	–	–	
	затяжки		1,2	0,6	0,6	1,2	–	–	
	заполнения	невербальные	–	–	–	–	–	–	
		вербальные	–	–	0,6	–	–	0,6	
	комбинированный период		0,6	1,8	–	–	1,8	0,6	

Частотность реализаций хезитационных периодов между частями речи в «Полных конструкциях + избыточный элемент»

Локализация в интерпозиции		Наречие / глагол	Сущест. / глагол	Наречие / наречие	неопред. мест./ подч. союз	Частица /частица	Сущ. / предлог	Частица / предлог	Сущ. / подчин. союз	Ост. случаи
частотность реализаций в %		2,4	1,8	1,8	2,4	2,4	2,4	1,8	1,8	1,2–0,6
способ манифестации хези- тационных периодов в %	акустический нуль		0,6	–	1,2	1,8	–	0,6	0,6	0,6
	затяжки		1,8	–	0,6	–	–	0,6	–	–
	заполнения	невербальные	–	0,6	–	0,6	–	0,6	0,6	0,6
		вербальные	–	0,6	–	–	–	–	–	–
	комбинированный период		–	0,6	“	“	2,4	1,2	“	0,6

Локализация в препозиции			Частица	Остальные случаи
частотность реализаций в %			1,8	0,6
способ манифестации хези- тационных периодов в %	акустический нуль		—	
	затяжки		—	
	заполнения	невербальные	1,2	
		вербальные	0,6	
	комбинированный период		—	

Внутрисловная локализация		Сочинительный союз	Частица	Сложное существительное	Остальные случаи
частотность реализаций в %		2,4	1,2	1,2	0,6
способ манифестации хези- тационных периодов в %	акустический нуль		0,6	–	–
	затяжки		0,6	–	0,6
	заполнения	невербальные	–	–	–
		вербальные	0,6	0,6	–
	комбинированный период		0,6	0,6	0,6

Частотность реализаций хезитационных периодов в постпозиции 1,0%.

Таблица 25

**Частотность реализаций хезитационных периодов в «Полных конструкциях + избыточный элемент»
в оппозиции «служебное слово / знаменательное слово»**

Позиция в высказывании	Начальная		Серединная					Конечная	
частотность реализации в %	локализация в препозиции		локализация в интерпозиции			внутрисловная локализация		локализация в постпозиции	внутрисловная локализация
	служ.	знам.	сл. / зн.	зн. / зн.	сл. / сл.	зн. / сл.	знам.	знам.	знам.
	2,4	2,4	18,7	27,7	18,1	28,3	1,8	4,6	0,2
			Итого: 90,2					Итого: 4,8	

Таблица 26

Виды хезитационных периодов в «Полных конструкциях + избыточный элемент» в оппозиции «служебное слово / знаменательное слово»

Позиция		Способ манифестации хезитационных периодов																		
		акустический нуль			затяжки			заполнения					комбинации			макропериоды			всего в %	
								невербальные			вербальные									
		позиция в высказывании																		
		нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.	кон.	нач.	сер.		кон.
служ. / служ.		—	3,6	—	—	3,6	—	—	1,8	—	—	—	—	—	8,4	—	—	—	—	17,4
знам. / знам.		—	7,2	—	—	6,0	—	—	4,2	—	—	—	—	—	9,6	—	—	—	—	27,1
служ. / знам.		—	4,2	—	—	4,8	—	—	3,0	—	—	0,6	—	—	6,0	—	—	—	—	18,6
знам. / служ.		—	9,0	—	—	3,0	—	—	4,2	—	—	1,2	—	—	9,1	—	—	1,8	—	28,3
внутрисловные	служ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,2	—	1,2	0,6	—	—	—	—	3,0
	знам.	—	0,6	0,6	—	0,6	—	—	—	—	—	1,8	—	—	—	—	—	—	—	3,6
постпозиция	служ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	знам.	—	—	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,6
препозиция	служ.	—	—	—	—	—	—	1,2	—	—	—	—	—	0,6	—	—	—	—	—	1,8
	знам.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,2	—	—	—	—	—	1,2

Таблица 27

Частотность реализаций хезитационных периодов на избыточных элементах в «Полных конструкциях + избыточный элемент»

Вид плеонастического элемента		Повтор			Парентеза	Парентеза + повтор	Пролептический элемент	Антиципационный элемент	Всего в %
		слово	словосочетание	предложение					
способ манифестации хезитационных периодов в %	акустический нуль	—	—	—	—	—	—	—	—
	затяжки (удлине- ния) (гласных, со- нантов, согласных)		—	—	—	—	—	—	—
	заполнения	невербальные	—	—	—	—	—	—	—
		вербальные	6,8	3,4	1,7	—	—	3,4	1,7
	комбинированный период (двусостав- ный) (макропериод)		32,2	10,2	28,8	1,7	3,4	1,7	78,0
			3,4	—	—	—	1,7	—	—
	Итого:		42,4	13,6	1,7	28,8	3,4	6,8	3,4

Э.Б. Яковлева

ФЕНОМЕН РЕЧЕВЫХ ХЕЗИТАЦИЙ

Монография

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка И.П. Леонтьева
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99. от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 5/IV – 2021 г. Формат 60 х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,5 Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод).
Заказ № 139

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–74023

**Институт научной информации
По общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997,
Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. : (925) 517-36-91
E-mail: shop@inion.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
Ул. Чернышевского, д. 88, литера У